

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

CRIMINOLOGY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Журнал Санкт-Петербургского международного
криминологического клуба

The journal of St. Petersburg International
Criminology Club

2019

1

2

3

4

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Журнал Санкт-Петербургского
международного криминологического клуба
№ 3 (54), 2019**

Санкт-Петербург
2019

ББК 67
УДК 343
К 82

Учредитель

НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб»

Издатель

Редакция журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра»

Главный редактор

Данилов Андрей Петрович

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Заместители главного редактора

Дикаев Салман Умарович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Миненок Михаил Григорьевич

доктор юридических наук, профессор (Калининград, Россия)

Поклад Василий Иванович

кандидат философских наук, доцент (Луганск, Украина)

Сморгунова Валентина Юрьевна

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Тугельбаева Бермета Галиевна

кандидат технических наук, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Кыргызская Республика)

Редакционная коллегия

Алауханов Есберген Оразович

доктор юридических наук, профессор (Алматы, Республика Казахстан)

Алиев Назим Талат оглы

доктор философии по праву, доцент (Баку, Азербайджанская Республика)

Арнольд Йорг

доктор права, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Гондолф Эдвард

доктор психологии, профессор (Индиана, Соединённые Штаты Америки)

Горшенков Геннадий Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Кабанов Павел Александрович

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Корецкий Данил Аркадьевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
(Ростов-на-Дону, Россия)

Кури Хельмут

доктор психологии, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Лепс Андо

доктор юридических наук, профессор (Таллин, Эстонская Республика)

Лунеев Виктор Васильевич

доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва, Россия)

Милюков Сергей Фёдорович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Сессар Клаус

доктор права, профессор (Гамбург, Федеративная Республика Германия)

Шестаков Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Корректор

Кононова Валентина Николаевна (Санкт-Петербург, Россия)

Переводчик

Дикаева Милана Салмановна

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. 2019. № 3 (54). 88 с.

Журнал выходит с марта 2001 года. Первоначальное название – «Криминология в развитии. Вестник Санкт-Петербургского криминологического клуба. Научно-теоретический журнал». Освещает общую криминологическую теорию, криминологические отрасли, частные криминологические проблемы, а также деятельность Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Поддерживает теоретические положения невшко-волжской научной школы криминологии.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб.
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, юридический факультет.
Телефон: (812) 312–42–07, доб. 224
Факс: (812) 312–99–10
E-mail: criminology_club@mail.ru

Журнал зарегистрирован в качестве СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-40137 от 04.06.2010 г.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте издания:
<http://criminologyclub.ru>

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» – 11285

Тираж 1050 экземпляров

ISSN 2218-8576

RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY
OF A.I. HERZEN

SAINT-PETERSBURG
INTERNATIONAL
CRIMINOLOGY CLUB

CRIMINOLOGY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

**The journal of Saint-Petersburg
International Criminology Club
no. 3 (54), 2019**

St. Petersburg
2019

ББК 67
УДК 343
К 82

The founder

Non-commercial partnership «The Saint-Petersburg International Criminology Club»

The editor

The editorial staff «Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow»

Editor-in-chief

Danilov Andrey Petrovich

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Deputy editors

Dikaev Salman Umarovich

Doctor of Laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Minenok Mikhail Grigorevich

Doctor of Laws, professor (Kaliningrad, Russia)

Poklad Vasily Ivanovich

PhD in Philosophy, associate professor (Lugansk, Ukraine)

Smorgunova Valentina Yuryevna

Doctor of Philosophy, professor, the Honored science worker of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)

Tugelbaeva Bermeta Galievna

PhD in technical sciences, Doctor of Laws, professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Editorial board

Alaukhanov Esbergen Orazovich

Doctor of Laws, professor (Almaty, Kazakhstan)

Aliev Nazim Talat ogly

Doctor of Philosophy in Law, associate professor (Baku, the Republic of Azerbaijan)

Arnold Jorg

Doctor of Laws, professor (Freiburg, Germany)

Gondolf Edward

Doctor of Psychology, professor (Indiana, the USA)

Gorshenkov Gennady Nikolaevich

Doctor of Laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Kabanov Pavel Aleksandrovich

Doctor of Laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Koretskiy Danil Arkadievich

Doctor of Laws, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
(Rostov-on-Don, Russia)

Kury Helmut

Doctor of Psychology, professor (Freiburg, Germany)

Leps Ando

Doctor of Laws, professor (Tallinn, Estonia)

Lunev Victor Vasilevich

Doctor of Laws, professor, Laureate of the Russian National Award,
the Honored science worker of Russia (Moscow, Russia)

Milyukov Sergey Fyodorovich

Doctor of Laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Sessar Klaus

Doctor of Laws, professor (Hamburg, Germany)

Shestakov Dmitry Anatolyevich

Doctor of Laws, professor, the Honored science worker of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)

Proof-reader

Kononova Valentina Nikolaevna (Saint-Petersburg, Russia)

Translator

Dikaeva Milana Salmanovna

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. The journal of St. Petersburg International Criminology Club. 2019. no. 2 (53). 88 p.

The journal has been published since March 2001. The original name was «Criminology in Development: Bulletin of St. Petersburg Criminology Club. Theoretical Journal». The publication covers the general criminological theory, peculiar criminological issues, criminological branches and activities of the St. Petersburg International Criminology Club, and supports the theoretical approach of Neva-Volga Research School of Criminology.

Address of editor's office:

St. Petersburg International Criminology Club
Nab. Moyki 48 The Herzen State Pedagogical University of Russia, Law Faculty
191186 St. Petersburg Russia
Phone: (812) 312-42-07, additional 224
Fax: (812) 312-99-10
E-mail: criminology_club@mail.ru

The journal is registered as mass media in the Federal Control Service in the sphere of communication and information technologies. The registration certificate is ПИ № ФС 77-40137 as of 04.06.2010.

The journal is presented in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal has a full electronic version on the site of the journal <http://criminologyclub.ru>

The subscription index in the unified catalogue «Press of Russia» – 11285

The circulation 1050 copies

ISSN 2218-8576

© St. Petersburg International Criminology Club, 2019

© The Herzen State Pedagogical University of Russia, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Материалы выездной беседы

*«Современное учение о противодействии преступности
в местном преломлении»,
21 июня 2019 года, Махачкала*

Л.Б. Смирнов (Санкт-Петербург, Россия).

Глобальная олигархическая преступность и противодействие ей
(В контексте доклада Д.А. Шестакова
«Основы учения о противодействии преступности»). 13

О.Ю. Каплун (Владивосток, Россия).

Общие и специальные меры предупреждения
женских молодёжных преступлений 17

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия).

Теория противодействия преступности в развитии
(Об обсуждении махачкалинского доклада 21 июня 2019 года) . . . 23

Материалы международной беседы

*«Теоретическая криминология в сравнении»
от 27 сентября 2019 года*

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия).

Ещё раз о фикции порождения преступления законом
(К развитию преступноведческой теории
в связи с учебником Карла-Людвига Кунца) 30

Х.Д. Аликперов (Баку, Азербайджанская Республика).

Современная криминология в трактовке профессора Кунца 39

Г.В. Зазулин (Санкт-Петербург, Россия).

Криминологическое мышление в контексте истории,
геополитики, философии, конфликтологии и права 42

Н.И. Пишикина (Санкт-Петербург, Россия).

«Введение» получилось. 47

И.В. Мезенцев (Санкт-Петербург, Россия).

Если закон суров, может ли он быть законом? 51

А. Лепс (Таллин, Эстонская Республика).

Преступность в Эстонии: анализ к 100-летию республики 53

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВИКТИМОЛОГИЯ

П.А. Скобликов (Москва, Россия).

Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2017–2018 гг.

по вопросам защиты прав и законных интересов лиц,

пострадавших от преступлений 57

Р.Р. Тотоев (Санкт-Петербург, Россия),

С.В. Смелова (Санкт-Петербург, Россия).

К вопросу о классификации факторов виктимности инвалидов 68

3. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

Якову Ильичу Гилинскому – 85 лет! 72

Юбилей Берметы Галиевны Тугельбаевой! 73

Георгию Васильевичу Зазулину – 65 лет! 74

4. НЕКРОЛОГИ

Памяти Узыке Сикунбаевича Джекебаева 75

Памяти Анатолия Васильевича Комарницкого 77

К нашим авторам 78

Криминологические издания 82

CONTENTS

1. GENERAL CRIMINOLOGICAL THEORY

Materials of the visiting seminar

«Modern doctrine on crime counteraction in local refraction»,

June 21, 2019, Makhachkala

L.B. Smirnov (Saint-Petersburg, Russia).

Global oligarchic crime and its counteraction

(in the context of the report of D.A. Shestakov

«The basics of the doctrine of the crime counteraction») 13

O.Y. Kaplun (Vladivostok, Russia).

General and special prevention measures

for women's youth crimes 17

D.A. Shestakov (Saint-Petersburg, Russia).

Theory of crime counteraction in development

(on the discussion of the report in Makhachkala on June 21, 2019) 23

Materials of the international seminar

«Theoretical criminology in comparison»

as of September 27, 2019

D.A. Shestakov (Saint-Petersburg, Russia).

Once again on the fiction of the creation of crime by law

(On the development of criminological theory

in connection with the textbook of Karl-Ludwig Kunz) 30

H.D. Alikperov (Baku, Azerbaijan Republic).

Modern criminology in the interpretation of Professor Kunz 39

G.V. Zazulin (Saint-Petersburg, Russia).

Criminological thinking in the context of history,

geopolitics, philosophy, conflictology and law 42

N.I. Pishikina (Saint-Petersburg, Russia).

«Introduction» came off fine 47

I.V. Mezentsev (Saint-Petersburg, Russia).

If the law is harsh, can it be law? 51

A. Leps (Tallinn, Republic of Estonia).

Crime in Estonia: analysis to the 100th anniversary of the republic 53

2. PARTICULAR CRIMINOLOGICAL ISSUES

VICTIMOLOGY

- P.A. Skoblikov* (Moscow, Russia).
Resolutions of the Plenum of the Supreme Court
of the Russian Federation 2017–2018
on the protection of rights and interests of persons
affected by crimes. 57
- R.R. Totoev* (Saint-Petersburg, Russia),
S.V. Smelova (Saint-Petersburg, Russia).
To the question of classification of victimization factors
of persons with disabilities 68

3. JUBILEE GREETINGS

- Yakov Ilyich Gilinsky – the 85th anniversary! 72
- Anniversary of Bermeta Galieвна Tugelbaeva! 73
- Georgy Vasilievich Zazulin – the 65th anniversary! 74

4. JUBILEE GREETINGS

- In memory of Uzyke Sikunbaevich Dzhekebaev 75
- In memory of Anatoly Vasilievich Komarnitsky 77
- To our authors** 78
- Criminological editions** 82

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

*Материалы выездной беседы
«Современное учение о противодействии преступности
в местном преломлении»,
21 июня 2019 года, Махачкала*

УДК 343.9
ББК 67.51

Л.Б. Смирнов

ГЛОБАЛЬНАЯ ОЛИГАРХИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЕЙ (В КОНТЕКСТЕ ДОКЛАДА Д.А. ШЕСТАКОВА «ОСНОВЫ УЧЕНИЯ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ»)

Аннотация: Оборонная политика страны в условиях противодействия глобальной олигархической преступности должна предполагать надёжные защитные меры предупредительного и репрессивно-карательного характера.

Ключевые слова: противодействие преступности; глобально олигархическая власть; Россия; политическая преступность.

L.B. Smirnov

GLOBAL OLIGARCHIC CRIME AND ITS COUNTERACTION (IN THE CONTEXT OF THE REPORT OF D.A. SCHESTAKOV «THE BASICS OF THE DOCTRINE OF THE CRIME COUNTERACTION»)

Summary: The country's defense policy in the context of counteracting global oligarchic crime should imply reliable protective measures of a preventive and repressive nature.

Key words: crime counteraction; global oligarchic power; Russia; political crime.

Доклад Д.А. Шестакова «Основы учения о противодействии преступности» – значимое событие не только для российской, но и мировой криминологии. «Учение о противодействии преступности является составной и завершающей частью общего преступноведческого учения, наряду с теорией преступности и разделами о причинах её воспроизводства. Учение о противодействии опирается на два упомянутых других учения, вытекает из них. Особую роль для формирования теории противодействия играют семантическая концепция преступности и многослойная модель «воронка преступности» [4, с. 13].

«Воронка» становится особенно актуальной при исследовании наиболее опасных уровней преступности: внутреннего олигархического, внешнегосударственного, плане-

тарного олигархического. Последний из них является самым опасным для человечества. Он связан с мировой олигархией. Для её криминологического описания Д.А. Шестаковым предложено понятие «глобальная олигархическая власть» (ГОВ). Таковая стремится управлять миром в своих корыстных интересах. «Это власть самодовлеющая, абсолютно бездуховная, заземлённая, имеющая главной целью рост своего собственного, ничем не оправданного неимоверного превосходства в обладании материальными благами над прочим населением планеты» [5, с. 13].

В настоящий момент благополучное существование ГОВ несколько омрачается комплексом экологических проблем: перенаселённость Земли, загрязнение водных ресурсов, исчезновение многих видов животных и др.

Удержание ГОВ мирового господства достигается за счёт решения ею ряда стратегических задач:

- контроль мировой экономики;
- разрушение культурного и духовного пространства, традиционных институтов общества;
- ликвидация национальных государств;
- значительное сокращение численности населения планеты.

Данные задачи решаются, в том числе, через развязывание войн. В них предполагается использовать ядерное, химическое, бактериологическое, экологическое, климатическое и другие виды оружия. Бактериологическое, экологическое, информационное оружие долгое время уже используется ГОВ, а это говорит о том, что фактически идёт мировая война.

Как отмечает А.П. Данилов, «конечной задачей глобальной политической преступной деятельности является построение олигархической властью тоталитарного глобального псевдогосударства, возглавляемого её представителями (мировым правительством). Для этого первоначально она установила контроль над всеми суверенными государствами. Теперь же подготавливает соответствующее общественное мнение: население всех стран должно якобы самостоятельно прийти к осознанию того, что миром следует управлять глобальной властью» [1, с. 60].

Сегодня, вместо рухнувшего СССР, на пути ГОВ к планетарному господству встала наша страна. Российская власть постепенно разобралась с истинными целями глобалистов. Президент России В.В. Путин взял курс на обеспечение государственного суверенитета и территориальной целостности страны, её экономическое возрождение, тем самым он нарушил планы ГОВ.

Против России применяется информационное оружие. С помощью пропаганды новой системы «ценностей» и дискредитации всех основных атрибутов традиционного общественного устройства осуществляется перепрограммирование населения на западные стандарты мышления и жизни. Глобалисты активно продвигают чуждые аморальные представления и потребности, оправдывают гомосексуализм, низменности и извращения.

История России и её лидеры однобоко оцениваются как внешними, так и внутренними представителями ГОВ. Они усиленно крити-

куют период 1930–1950-х годов, связанный с так называемыми сталинскими репрессиями. События этих лет ими преподносятся как государственный террор населения. При этом они замалчивают сущность, истинные причины и масштабы репрессий, а также величайшие достижения СССР в области экономики, образования, науки, культуры, здравоохранения и социальных программ.

В последнее время активизировалась пятая колонна, лидеры которой используют в своих целях недовольство населения властью. Представители этой колонны ведут открытую подрывную деятельность, прикрываясь свободой слова. Наибольшая разрушительная активность наблюдается в период выборных кампаний различного уровня.

27 июля 2019 г. в Москве пятая колонна предприняла попытку организовать массовые беспорядки с целью провокации полиции на жёсткие ответные меры. Сотрудники полиции задержали 1074 наиболее агрессивных участника несанкционированного мероприятия, которые кидали в правоохранителей куски выломанного асфальта, распыляли газ из баллонов, перекрывали движение автомобильного транспорта [3].

ГОВ усиливает экономическую агрессию против России и других стран. Экономическая война также направлена на втягивание российского государства в гонку вооружений, поддержание и усиление режима санкций. США вышли из договора по ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и готовятся к выходу из договора об ограничении ядерных ракет большой дальности, относящихся к стратегическим наступательным вооружениям (СНВ). Тем самым США избавляются от международных договорённостей, мешающих достижению целей ГОВ.

Важным фактором влияния на Россию является украинский фактор. В настоящее время расходы Украины на противостояние с Российской Федерацией оплачивает ГОВ.

Угрозы со стороны ГОВ достигли своего предела. Полагаем, что для их нейтрализации применим предложенный Д.А. Шестаковым комплексный подход к противодействию преступности, включающему: 1) не основанное на наказании предупреждение преступлений; 2) контроль со стороны государства и общества за криминогенными, в частности, виктимогенными ситуациями и личностями;

3) меры безопасности; 4) уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера [4, с. 14].

Политика общей превенции, не основанной на наказании и принуждении, должна охватывать комплекс эффективных политических, идеологических, экономических, оборонительных и социальных мероприятий. Следует создать систему идеологического воспитания, основанного на российском мировоззрении.

Поддерживаем предложение Д.А. Шестакова об изложении ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации в следующей редакции: «Уважение к России, её истории, стремление к достойному её экономическому и политическому положению в мировом сообществе, равно как признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют основу государственной идеологии России» [4, с. 16].

В качестве не основанных на наказании мер противодействия негативному информационному воздействию можно предложить следующие:

- формирование интеллектуальной элиты, способной обосновать и реализовать новую идеологию;
- создание организационных и политических институтов и механизмов реализации новой идеологии;
- эффективное противодействие либеральной идеологии;
- создание российского аналога мировой сети «Интернет»;
- ограничение и контроль западной видеопродукции;
- пропаганда разумных потребностей.

Экономические меры должны заключаться в проведении политики социальной справедливости. Следует установить прогрессивную шкалу налогообложения.

Назрела реформа политических институтов и механизмов, прежде всего выборных. Нужно изменить систему и механизмы выборов главы государства и высших органов законодательной власти в связи с тем, что имеющиеся механизмы не эффективны в плане обеспечения стабильности, развития государства.

Актуальной является национализация важнейших для страны отраслей народного хозяйства. Необходимо установить контроль со стороны государства и общества за криминальными личностями, требуется исключить

участие в СМИ, публичных мероприятиях, финансируемых государством, акторов негативного информационного воздействия на население.

Нуждаются в правовой защите оценки и результаты крупных военных достижений и побед Советской армии в годы Великой Отечественной войны. Для защиты истории России и её выдающихся лидеров, полководцев желательно предусмотреть правовой запрет негативных оценок.

Для противодействия воровству в особо крупных размерах и мздоимству необходимо снять мораторий на применение смертной казни, а также восстановить наказание в виде конфискации имущества, включая имущество, принадлежащее близким родственникам преступников.

С целью противодействия правонарушениям общественного порядка требуется расширить права сотрудников органов внутренних дел по применению физической силы, специальных средств и оружия в отношении участников массовых беспорядков.

Для нейтрализации негативного влияния политических преступников следует предусмотреть запреты на занятие ими должностей в органах государственной власти и местного самоуправления, ведение педагогической и образовательной деятельности, участие в шествиях, митингах и манифестациях.

Защита нравственности требует установления уголовной ответственности за оправдание и пропаганду гомосексуализма, употребление лёгких наркотиков и призывы разрешить их употребление. «Разложение нравственности, культуры, нагнетание страхов в обществе де-факто являются преступлениями – против здоровья населения и общественной нравственности – так как лишают общество возможности развиваться в здоровом ключе, ведут его к самоуничтожению. Таким образом, необходима кропотливая разработка соответствующих составов преступления» [2, с. 58].

С целью обеспечения целостности и безопасности нашего государства необходимо установить уголовную ответственность за публичные утверждения об аннексии Россией Крыма.

Оборонная политика страны в условиях противодействия глобальной олигархической преступности должна предполагать надёжные защитные меры предупредительного и

репрессивно-карательного характера. Последние обусловлены необходимостью подавления государством тех, кто наносит вред его

безопасности, правопорядку. Государство, не способное принудить к соблюдению своей воли, не сможет обеспечить свою целостность.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов А.П. Вмешательство в государственный суверенитет как звено глобальной политической преступной деятельности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (47). С. 59–62.
2. Данилов А.П. Информационно-идеологические меры противодействия глобально организованной преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 57–59.
3. Мартынов А. «Несистемная» провокация. URL: <https://russian.rt.com/opinion/654215-martynov-nesoglasovannyi-miting> (дата обращения: 01.08.2019).
4. Шестаков Д.А. Основы учения о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 13–22.
5. Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12–23.

REFERENCES

1. Danilov A.P. Vmeshatelstvo v gosudarstvenniy suverenitet kak zveno globalnoy politicheskoy prestupnoy deyatel'nosti. [Interference in state sovereignty as an element of the global political criminal activity]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 4 (47), pp. 59–62.
2. Danilov A.P. Informatsionno-ideologicheskie mery protivodeystviya globalno organizovannoy prestupnosti. [Information and ideological measures of globally organized crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 57–59.
3. Martynov A. «Nesistemnaya» provokatsiya. ["Unsystematic" provocation]. URL: <https://russian.rt.com/opinion/654215-martynov-nesoglasovannyi-miting> (date of submission: 01.08.2019).
4. Shestakov D.A. Osnovy ucheniya o protivodeystvii prestupnosti. [The basics of the doctrine of the crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 13–22.
5. Shestakov D.A. Planetarnaya oligarkhicheskaya prestupnaya deyatel'nost: devyatiy uroven prestupnosti. [Global oligarchic criminal activity: ninth level of crime]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 2 (25), pp. 12–23.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Борисович Смирнов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: lbs1958@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Leonid Borisovich Smirnov – Doctor of Laws, professor, professor of the department of criminal law at the Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: lbs1958@yandex.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

О.Ю. Каплун

ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЖЕНСКИХ МОЛОДЁЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: Для уменьшения числа правонарушений, совершаемых молодыми женщинами, требуется: своевременно выявлять женщин, склонных к совершению общественно опасных деяний, принимать к ним меры воспитательного воздействия, устранять факторы риска в основных сферах жизнедеятельности женщин (семья, образовательные учреждения), оказывать действенную помощь молодым женщинам в реализации их основных социальных функций.

Ключевые слова: предупреждение преступлений; противодействие преступности; молодые женщины; духовно-нравственная сфера.

О.У. Kaplun

GENERAL AND SPECIAL PREVENTION MEASURES FOR WOMEN'S YOUTH CRIMES

Summary: To reduce the number of offenses committed by young women, it is required: to identify in advance women prone to committing socially dangerous acts, take educational measures to them, eliminate risk factors in the main areas of women's life (family, educational institutions), and provide effective assistance to young women in realization of their basic social functions.

Key words: crime prevention; crime counteraction; young women; spiritual and moral sphere.

Противодействие преступности представляет собой исторически очеловечивающуюся организованную реакцию общества и государства на преступность в целях восстановления нарушенных прав, ресоциализации, защиты общества и предупреждения преступлений [12, с. 13–14].

Многообразие причин и условий, детерминирующих женские молодёжные преступления, обширный спектр объектов профилактики предопределяют многоуровневый и разноплановый характер предупредительной деятельности.

Как отмечает Д.А. Шестаков, противодействие преступности складывается из: 1) не основанного на наказании предупреждения преступлений; 2) контроля со стороны государства и общества за криминогенными, в частности, виктимогенными ситуациями и личностями, этот контроль включает в себя, помимо прочего, административное принуждение; 3) мер безопасности; 4) уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера.

По мнению Т.В. Шипуновой, наиболее распространёнными классификациями предупреждения преступлений являются следующие две. Первая – ориентирована на объекты

воздействия. Она включает первичную, вторичную и третичную профилактику преступлений. «Первичная профилактика нацелена на предотвращение чего-либо путём воздействия на условия общей среды, а не на индивидов» [13, с. 123]. Объектом воздействия вторичной профилактики являются индивиды или группы индивидов, которые потенциально имеют риск стать правонарушителями. И, наконец, третичная профилактика нацелена на индивидов, совершивших преступление, её цель – удержать от повторного совершения преступлений.

Вторая классификация основывается на критерии «направления профилактической деятельности». В соответствии с этим критерием выделяют социальную профилактику (социальная политика), ситуационное предупреждение преступлений и предупреждение преступлений с опорой на население [13, с. 125].

Согласно позиции А.А. Баргасюк, меры по предупреждению женских молодёжных преступлений подразделяются на:

1. долговременные – связаны с необходимостью разработки национальных программ, нацеленных на улучшение положения женщин в обществе, в том числе, совершенство-

вание системы защиты женщин на производстве и в семье;

2. направленные на предотвращение конкретных преступлений, совершаемых молодыми женщинами, в которых применяется общая предупредительная методика, с учётом особенностей совершения преступлений женщинами;

3. направленные на предотвращение антиобщественного поведения и профилактику социальных рисков, приводящих к совершению преступлений, оказание помощи женщинам, ведущим антиобщественный образ жизни и/или, отбывающим наказание в виде лишения свободы [1, с. 560–561].

В отечественной криминологии выделяются общесоциальный и специальный уровни предупреждения преступлений, в рамках последнего – общий и индивидуальный подуровни.

Общесоциальный уровень предупреждения преступлений заключается в осуществлении государством широкого комплекса мер, непосредственно не предназначенных для профилактики преступлений, но способных существенно влиять на криминогенную обстановку. Данный уровень включает систему мер политического, социального, экономического и культурного характера.

К *политическим мерам* общесоциального предупреждения женских молодёжных преступлений относят:

– реализацию государственных программ, направленных на поддержку семьи, как сдерживающего, антикриминального фактора при выборе женщиной вариантов своего поведения;

– предоставление женщине возможности осуществления своей социальной роли: жены и матери, что способствует снижению уровня напряжённости во внутрисемейных отношениях;

– обеспечение равных возможностей мужчин и женщин для участия в политической жизни общества [7, с. 27].

По нашему мнению, политические меры общесоциального предупреждения женских молодёжных преступлений являются отражением государственной молодёжной политики, которая, в свою очередь, «есть ни что иное, как система государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей успешной социализации и эффективной самореализации молодёжи» [8, с. 214].

Несмотря на все принимаемые меры, в России пока не просматривается эффективной государственной молодёжной политики, объединённой общей идеей. В частности, по-прежнему не решённой остаётся проблема организации досуга молодёжи. Так, В.И. Игнатенко считает, что профилактическая система «свободное время – профилактика правонарушений» станет успешно функционирующей лишь в том случае, если будут учтены следующие показатели: общая величина свободного времени молодёжи, популярность занятий, степень поглощённости этими занятиями, соотношение рациональных, нейтральных и антисоциальных форм занятий, активных и пассивных, групповых и индивидуальных видов досуга, соотношение затрат времени в сфере интеллектуальной деятельности и в сфере развлечений [3, с. 73].

Социальные меры предупреждения женских преступлений представляют собой часть широкой системы мер, направленных на дальнейшее совершенствование общественных отношений, участниками которых являются женщины.

Среди мероприятий социальной направленности, улучшающих положение молодых женщин, учёные выделяют:

– всестороннюю поддержку государством и обществом материнства;

– неприменение к женщинам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, необоснованно жёстких санкций, связанных с изъятием у них несовершеннолетних детей и помещением их в государственные учреждения;

– социальную защиту наиболее уязвимых групп, оказание адресной помощи нуждающимся, информирование женщин о возможности получения такой помощи;

– осуществление программ борьбы с бедностью и нищетой;

– преодоление опасной тенденции феминизации;

– содействие женскому и семейному предпринимательству на федеральном и региональном уровнях, улучшение условий труда женщин, с учётом половой специфики, создание равных условий мужчинам и женщинам для профессиональной самореализации [7, с. 23].

Важной также представляется профилактическая работа, проводимая в системе образовательных учреждений, которая, в первую

очередь, направлена на нейтрализацию факторов женских молодёжных преступлений, связанных с неудачным обучением в школе и низкими академическими показателями.

Профилактический эффект может достигаться и за счёт осуществления ряда мероприятий, улучшающих работу образовательных учреждений. Л.М. Иванова к таковым мероприятиям относит: восстановление воспитательной функции образовательных учреждений на основе педагогики диалога и сотрудничества; совместную деятельность учреждения и семьи; предупреждение отсева из школ несовершеннолетних из групп риска; повышение квалификации педагогов; ориентация педагогических коллективов, учащихся и родителей на сотрудничество с социальными службами и правоохранительными органами [7, с. 17].

Экономические меры общесоциального предупреждения женских преступлений – это базовые, фундаментальные меры. Ввиду особой значимости экономических факторов в воспроизводстве женских молодёжных преступлений важным направлением их профилактики должна стать оптимизация статуса женщины в трудовых и иных социально-экономических отношениях. Основой для этого являются общесоциальные меры: развитие экономики страны, рост реальных доходов населения, повышение заработной платы [7, с. 24]. Влияние невостребованности женщин на рынке труда на совершение ими преступлений подтверждается результатами исследований: удельный вес безработных среди женщин-преступниц составляет 58,7 %.

Меры культурного характера способны положительно повлиять на формирование женщины, её гармоничное развитие. В современном обществе преобладают корыстные устремления, культ наживы, значительная часть населения, особенно молодёжи, ориентируется на насильственные варианты разрешения жизненных проблем. Соответственно, нам требуется восстановить в сознании граждан надлежащие представления о правовых и моральных дозволениях и запретах.

Учёные полагают, что в духовно-нравственной сфере предупреждение преступлений должно идти в двух направлениях. Во-первых, важно противостоять тиражированию криминальной субкультуры, распространению взглядов о допустимости, при-

влекательности противоправного поведения. Во-вторых, необходимы пропаганда духовных ценностей, нетерпимости к любым актам насилия, возрождение традиций милосердия, в значительной степени утраченных.

Как пишет Д.А. Шестаков, духовно-нравственная сфера может противостоять преступности, если она имеет спланированную населением национальную идею, включающую в себя осознание прошлых достижений и общей грядущей цели, связанной с обретением достойного места в мировом пространстве. Для становления данной идеи требуется осознание давних корней, ощущение связи с прошлым, которое обычно возникает у людей, знающих многие поколения своих предков [11, с. 209].

Возрождению духовно-нравственной сферы могло бы поспособствовать развитие в обществе идеологии родолюбия – *осознание принадлежности к своему народу, его культуре, земле и основанное на нём глубокое уважение, почитание родителей, народа, Родины*. Понятие «родолюбие» может и должно стать заменой терминам, не имеющим отношения к исконной русской культуре, таким как «национализм», уже достаточно дискредитированному, и «патриотизм». Родолюбие по своей духовной, моральной, нравственной, социальной сущности является антикриминогенным фактором. Антикриминогенность родолюбия заключается в естественном формировании у человека душевного состояния, когда совершение противоправных поступков становится противным его духовному мировоззрению, основанному на осознанном понимании невозможности и недопустимости преступного, которое претит ему, как уважающему себя, свой народ, культуру, понимающему, что всё это он предаёт, совершая запретное деяние» [2, с. 280–281].

Таким образом, общесоциальное предупреждение преступлений – задача не отдельно взятого органа и даже не какой-то системы органов. Это целенаправленная деятельность государства, в рамках которой необходимо выработать систему общегосударственных мер в социальной, экономической, духовно-нравственной и других областях жизни российского общества.

Второй уровень предупреждения женских молодёжных преступлений – специальная превенция. Она включает в себя меры, направленные на сокращение числа конкретных ви-

дов преступлений, с учётом специфики молодых женщин как особой социальной группы.

Личностные характеристики правонарушительниц имеют существенную специфику. Н.Н. Илюшин так пишет об этом: «по сравнению с совершившими преступления юношами, девушки, как правило, более скрытны, замкнуты, серьёзно травмированы предшествующими жизненными обстоятельствами, при этом чаще изобретательно лживы, эгоистичны» [5, с. 71]. Отметим следующие тенденции женских преступлений: рост их числа и жестокости, увеличение рецидива [4, с. 70].

К специальным мерам предупреждения женских преступлений следует отнести следующие:

- предупреждение конкретных видов преступлений, совершаемых молодыми женщинами;

- предупреждение различных женских девиаций, приводящих к совершению преступлений: алкоголизм, проституция, наркомания;

- профилактику антиобщественного образа жизни;

- психологическую реабилитацию женщин, отбывающих срок лишения свободы в уголовно-исполнительных учреждениях;

- ресоциализацию женщин, освободившихся из мест лишения свободы, помощь в адаптации к жизни на свободе [6, с. 285].

Как мы указывали выше, принято выделять две разновидности специального предупреждения – общее и индивидуальное. Общее предупреждение не персонифицировано, в основном направлено на микросреду, охватывает изучение причин преступности.

К первоочередным мерам специального предупреждения *общего характера*, по мнению учёных, следует отнести: выявление неблагополучных семей, определение в них источников негативного влияния на женщин, обнаружение и устранение причин социальной и бытовой конфликтности, осуществление профилактического воздействия на лиц, оказывающих на членов семьи десоциализирующее влияние, оказание социальной помощи семьям с низким уровнем материального обеспечения, создание специальных помещений для приёма на временное проживание женщин, подвергшихся насилию [9, с. 399–400].

Криминологическая терапия семьи, как указывает Д.А. Шестаков, предполагает проведение работы в нескольких направлениях:

- включение семьи, неспособной к активному сопротивлению криминогенному давлению условий окружающей среды, в профилактический процесс;

- блокирование внутрисемейных источников социально-психологической и криминальной напряжённости;

- способствование адаптации членов семьи друг к другу;

- стимулирование разобщения профилактируемой семьи с лицом, подверженным криминогенному влиянию [9, с. 144].

Объектом *индивидуального предупреждения* является сам человек, от которого можно ожидать совершения преступления. По мнению В.С. Харламова, на этом уровне предупреждения необходимо выделять две стадии:

- 1) выявление лиц, групп и организаций, в том числе, молодёжных, от которых можно ожидать совершения криминальных деяний;

- 2) непосредственное осуществление предупредительных мер [10, с. 54].

Первая стадия включает в себя сбор и анализ информации, связанной с противоправными посягательствами: об оперативной обстановке, о маргинальных лицах и группировках. На практике апробированы такие методы сбора сведений, как наблюдение, беседа, опрос, изучение документов, проведение целевых мероприятий. В зависимости от ситуации они осуществляются как отдельно, так и комбинированно.

Вторая стадия заключается в непосредственном осуществлении мероприятий по профилактике, предотвращению замышляемых и подготавливаемых преступлений.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что предупреждение преступлений молодых женщин представляет собой сложную систему мероприятий, проводимых как на общем, так и на специальном уровнях. Для уменьшения числа правонарушений, совершаемых молодыми женщинами, требуется: своевременно выявлять женщин, склонных к совершению общественно опасных деяний, принимать к ним меры воспитательного воздействия, устранять факторы риска в основных сферах жизнедеятельности женщин (семья, образовательные учреждения), оказывать действительную помощь молодым женщинам в реализации их основных социальных функций.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартасюк А.А., Червоненко С.В.* Проблемы структуры и динамики женской преступности // Учёные заметки ТОГУ. 2013. № 4. Т. 4. С. 558–563.
2. *Данилов А.П.* Криминология: Россия и Мир. СПб.: ЗАО «Полиграфическое предприятие № 3». 2018. 332 с.
3. *Игнатенко В.А.* Криминологическая теория, связанная с категорией «антиобщественный образ жизни несовершеннолетних» // Человек: преступление и наказание. 2011. № 2 (73). С. 71–74.
4. *Ильченко О.Ю., Хорошилова А.А.* Криминологическая характеристика женской преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 3 (26). С. 67–70.
5. *Илюшин Н.Н.* Преступность несовершеннолетних: проблемы профилактики и предупреждения // Наука и мир. 2014. № 11 (15). Т. 2. С. 70–72.
6. *Колесникова Ю.С.* Детерминация женской преступности и методы борьбы с нею // Актуальные вопросы современной науки. 2013. № 29. С. 282–289.
7. *Маковецкая Е.В.* Предупреждение женской преступности (по материалам Южного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 28 с.
8. *Рашидов С.А.* О профилактике девиантного поведения лиц молодого возраста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 61. С. 213–215.
9. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / Науч. ред.: Бурлаков В.Н., Волженкин Б.В. СПб.: Изд. Дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. 592 с.
10. *Харламов В.С.* Молодёжная преступность в Санкт-Петербурге и её профилактика органами внутренних дел // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 2 (17). С. 51–70.
11. *Шестаков Д.А.* Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминогенное законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. СПб., 2006. 561 с.
12. *Шестаков Д.А.* Основы учения о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 13–22.
13. *Шушунова Т.В.* Преступность несовершеннолетних и превентивные стратегии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4. Т. 5. С. 112–128.

REFERENCES

1. *Bartasyuk A.A., Chervonenko S.V.* Problemy struktury i dinamiki zhenskoj prestupnosti. [Problems of the structure and dynamics of female crime]. *Uchenye zametki TOGU – Scientific notes of the Pacific National University*. 2013, no. 4. T. 4. pp. 558–563.
2. *Danilov A.P.* Kriminologiya: Rossiya i Mir. [Criminology: Russia and the World]. St.P.: ZAO «Poligraficheskoe predpriyatye № 3». 2018, 332 p.
3. *Ignatenko V.A.* Kriminologicheskaya teoriya, svyazannaya s kategorией «antiobshchestvenniy obraz zhizni nesovershennoletnikh». [Criminological theory associated with the category of “antisocial juvenile lifestyle”]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – Man: crime and punishment*. 2011, no. 2 (73), pp. 71–74.
4. *Ilchenko O.Y., Khoroshilova A.A.* Kriminologicheskaya kharakteristika zhenskoj prestupnosti. [Criminological characteristics of female crime]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 3 (26), pp. 67–70.
5. *Ilyushin N.N.* Prestupnost nesovershennoletnikh: problemy profilaktiki i preduprezhdeniya. [Juvenile delinquency: problems of prevention]. *Nauka i mir – Science and the World*. 2014, no. 11 (15), t. 2, pp. 70–72.
6. *Kolesnikova Y.S.* Determinatsiya zhenskoj prestupnosti i metody borby s neyu. [Determination of female crime and methods of its counteraction]. *Aktualnye voprosy sovremennoy nauki – Topical Problems of Modern Science*. 2013, no. 29, pp. 282–289.
7. *Makovetskaya E.V.* Preduprezhdenie zhenskoj prestupnosti (po materialam Yuzhnogo federalnogo okruga): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Prevention of female crime (based on materials from the Southern Federal District)]. Saratov, 2015, 28 p.
8. *Rashidov S.A.* O profilaktike deviantnogo povedeniya lits molodogo vozrasta. [On prevention of deviant behavior of young people]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Bulletin of Herzen State Pedagogical University of Russia*. 2008, no. 61, pp. 213–215.
9. *Sovremennye problemy i strategiya borby s prestupnostyu.* [Current issues and the strategy of the crime counteraction]. Nauch. red.: Burlakov V.N., Volzhenkin B.V. St.P.: Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2005, 592 p.
10. *Kharlamov V.S.* Molodezhnaya prestupnost v Sankt-Peterburge i ee profilaktika organami vnutrennikh del. [Youth crime in St. Petersburg and its prevention by the internal affairs bodies]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2009, no. 2 (17), pp. 51–70.

11. *Shestakov D.A.* Kriminologiya. Novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti. Kriminogennye zakony i kriminogennoe zakonodatelstvo. Protivodeystvie prestupnosti v izmenivshemysya mire. [Criminology. New approaches to crime. Criminogenic laws and criminogenic legislation. Counteracting crime in a changed world]. St.P., 2006, 561 p.

12. *Shestakov D.A.* Osnovy ucheniya o protivodeystvii prestupnosti. [The basics of the doctrine of the crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 13–22.

13. *Shipunova T.V.* Prestupnost nesovershennoletnikh i preventivnye strategii. [Juvenile delinquency and preventive strategies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2002, no. 4, t. 5, pp. 112–128.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Оксана Юрьевна Каплун – кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента психологии и образования Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия); e-mail: ilchenko.oyu@dvfu.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Oksana Yurievna Kaplun – PhD in Sociology, associate professor, associate professor of the department of psychology and education of the School of Arts and Humanities of the Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia); e-mail: ilchenko.oyu@dvfu.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков

ТЕОРИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В РАЗВИТИИ (ОБ ОБСУЖДЕНИИ МАХАЧКАЛИНСКОГО ДОКЛАДА 21 ИЮНЯ 2019 ГОДА)

Аннотация: Подводится итог выездной беседы Санкт-Петербургского международного клуба в Махачкале о развитии учения о противодействии преступности. Даются ответы на вопросы, поступившие основному докладчику, отмечаются наиболее многообещающие соображения, высказанные участниками.

Ключевые слова: виктимология; внутренний олигархический уровень преступности; «воронка преступности»; государственная идеология; двунаправленная модель уголовного законодательства; досудебное соглашение о сотрудничестве.

D.A. Shestakov

THEORY OF CRIME COUNTERACTION IN DEVELOPMENT (ON THE DISCUSSION OF THE REPORT IN MAKHACHKALA ON JUNE 21, 2019)

Summary: The outcome of the visiting seminar of the St. Petersburg International Club in Makhachkala on the development of the doctrine of crime counteraction is summarized. Answers to questions to the main speaker are given, the most promising ideas expressed by the participants are noted.

Key words: victimology; domestic oligarchic crime rate; «funnel of crime»; state ideology; bidirectional model of criminal legislation; pre-trial cooperation agreement.

Ответы на вопросы по докладу. По поводу моего доклада на Махачкалинской беседе и выжимки из него, помещённой на сайте Клуба, мне были поставлены заслуживающие общего внимания письменные и устные вопросы. Поделюсь возникшими у меня по их поводу соображениями.

И.А. Джавадова (Баку, Азербайджанская Республика): *Какая взаимосвязь между криминологией и предложением докладчика записать в ч. 2 ст. 13 Конституции РФ: «Уважение к России, её истории, стремление к достойному её экономическому и политическому положению в мировом сообществе, равно как признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют основу государственной идеологии России»?*

Как эта сугубо конституционно-правовая проблема коррелирует с предложенными автором основами учения о противодействии преступности? [8].

Среди основных причин воспроизводства преступности в современной России мной особо выделяется противоречие между потребительством и духовностью, в частности,

проявляющееся в ослаблении национальной идеи¹. Для нейтрализации этой причины необходимы коренное изменение идеологии и соответствующая воспитательная и просветительная работа. Восстановление высокой российской духовности представляется мне в преступноведческом свете столь важным, что я и предлагаю соответствующее изменение Конституции. Связь данного предложения с учением о противодействии преступности и криминологией в целом проходит через криминологическую причинность.

¹ Далее следуют такие причины как: 2) противоречие между бедностью и откровенно украденным у народа богатством при отсутствии среднего зажиточного слоя и 3) противоречие между глобально-американизированной «олигархией» (воробогачеством) и суверенными цивилизациями. Третье противоречие в преломлении глобального в российское предстаёт как противоречие между властью, слившейся с «олигархией», и большинством населения. См.: Шестаков Д.А. «Ex nihilo nihil» или «condito sine qua non»? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 19–20.

И.М. Рагимов (Баку, Азербайджанская Республика), Х.Д. Аликперов (Баку, Азербайджанская Республика): в связи с отрицательным мнением докладчика об институте досудебного соглашения о сотрудничестве *«хотелось бы услышать дополнительные аргументы о недопустимости этого института в уголовно-правовой борьбе с преступностью или существенном ограничении сферы его применения в уголовном судопроизводстве».*

Г.Н. Горшенков (Нижегород, Россия), отчасти поддерживая моё скептическое отношение к соглашению обвиняемого со следствием, отмечает ущемление такими соглашениями прав потерпевшего. Ссылаясь на Н.А. Колоколова, он напоминает: «...идя на сотрудничество с преступником, государство, безусловно, ущемляет интересы потерпевших, так как осуждённым назначаются минимальные наказания, возмещение ими ущерба весьма символично» [6].

Процессуалист **С.Д. Шестакова (Санкт-Петербург, Россия),** принявшая участие в обсуждении доклада, чётко определила шесть неприемлемых недостатков этого нововведения, в том числе безнравственность «поощрения за предательство» и отсутствие гарантии неиспользования показаний лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, против него самого. Она отмечает, что рассматриваемый институт «стимулирует органы расследования к подмене доказательственной деятельности склонением обвиняемых к даче показаний, избобличающих соучастников» [15].

Соглашаясь с Софьей Дмитриевной, от себя добавлю, что подобная стимуляция с учётом значительных льгот, которые досудебное соглашение предоставляет «соглашателю» при назначении ему наказания (п. 2–5 ст. 62 УК РФ), является ощутимым криминогенным фактором оговора заведомо невиновных и, стало быть, коррелирует с ежегодным числом таких преступлений как фальсификация доказательств (ст. 303 УК РФ), заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) и заведомо ложные показания (ст. 307 УК РФ). Думаю, что значительная часть этих преступлений остаётся не выявленными.

Правоохранительные органы злоупотребляют досудебными соглашениями, главным образом, по особо тяжким преступлениям, стремясь повысить их раскрываемость. На-

личие в законе данного института обуславливает вынесение неправомерных приговоров к сверхдлительным срокам лишения свободы.

Полагаю, что следует установить ответственность за понуждение к оговору кого-либо в совершении преступления, в том числе к самоговору. Для этого можно было бы дополнить Уголовный кодекс статьёй 299¹. А в весьма вероятном случае того, что в законе институт досудебного соглашения сохранится, надо предусмотреть квалифицирующее обстоятельство предлагаемого состава: принуждение к досудебному соглашению.

Г.С. Курбанов (Баку, Азербайджанская Республика) с полным к тому основанием обращает внимание на необходимость разработки блока мер, обращённого к субъектам противодействия. *Его интересуют соображения докладчика на этот счёт* [11].

С учётом ограниченности объёма статьи назову Габилу Сурхаевичу только два соображения применительно к международному и внутригосударственному уровням. Во-первых, предложение о создании международного уголовного суда по подобию конституционных судов, о котором шла речь в докладе. Во-вторых, в России следует восстановить полноценный надзор прокуратуры за предварительным следствием. А для того, чтобы прокуроры обладали необходимой квалификацией для осуществления этого важнейшего направления надзора, в деятельность прокуратуры надо вернуть осуществление предварительного следствия и также право прокурора изымать уголовные дела у других следственных органов в собственное производство.

Г.Н. Горшенков (Нижегород, Россия). Геннадий Николаевич относительно структуры единого законодательства о противодействии преступности (ЕЗПП) просит уточнить, почему бы помимо Кодекса об уголовной ответственности и восстановления положения молодёжи в обществе не принять также экономический, экологический, политический, управленческий кодексы? [6].

В.С. Харламов (Санкт-Петербург, Россия), отмечая моё предложение включить в состав ЕЗПП Кодекс об уголовной ответственности и восстановлении положения молодёжи в обществе, созвучно Г.Н. Горшенкову спрашивает: *«Не лучше ли вместо этого кодекса принять Кодекс об уголовной ответственности и восстановлении положения социально*

уязвимых категорий населения в обществе (несовершеннолетних, беременных женщин, инвалидов, престарелых)?» [14].

Плодить множество уголовных кодексов нет необходимости. Исключение для «молодёжного» кодекса я связываю с двумя причинами. Во-первых, такой кодекс – суть эксперимент и первый шаг по необходимому преобразованию наказательного права в право уголовно-восстановительное. Во-вторых, в мире есть примеры законодательства об ответственности молодых, совершивших преступление, совмещённой с оказанием им помощи по воссозданию их добрых связей с окружающим миром, встраиванию в него оступившейся молодёжи. Имеющийся за рубежом законодательский опыт может быть учтён и в России.

Идея Валентина Станиславовича о кодексе для нуждающихся в особой защите общества заслуживает внимания, но заметно опережает время.

Другой вопрос В.С. Харламова: какую роль для преступноведения играет противодействие преступности посредством искусственного интеллекта?

Искусственный интеллект приветствуется до той ступени, пока он служит помощником, но следует остерегаться, как бы он не сделался руководителем. Помня о девятом уровне преступности, надо понимать, что ныне, как никогда прежде, существует опасность взятия глобальной олигархической властью (ГОВ) под свой контроль процесс противодействия преступности. Таким образом ГОВ получает дополнительный рычаг для обеспечения своей неприкосновенности.

Многообещающие соображения участников беседы. Как всегда происходит на беседах Клуба, участниками обсуждения доклада были высказаны соображения, заслуживающие дальнейшего развития. Вот некоторые из них.

Г.Н. Горшенков привлек внимание к двусторонности отношений между противопреступной и преступной системами. Одна из таких взаимосвязей, по его мнению, подпадает под признаки *резонансного взаимодействия*, под действие закона *резонанса*. А в особой *зоне резонанса* оказываются отношения преступности-противопреступности. Это, утверждает Геннадий Николаевич, может быть ситуация сотрудничества, причём,

возникшая не только на законных, но и на противозаконных, коррупционных, к примеру, основаниях [6, с. 27].

Напомню, что в мировом преступноведении обсуждается вопрос о потребности судов и силовых структур в воспроизводстве преступности. Наличие и возобновление преступлений способствует занятости населения полезным трудом. Благодаря злым поступкам, зарплата выплачивается силовикам, прокурорам, судьям, адвокатам, а теперь также и службам социальной адаптации [1; 13].

Суждение Горшенкова об эффекте резонанса, высказанное им в свете теории противодействия, представляется заслуживающим особого внимания и дальнейшего осмысления. Что можно из данного тезиса извлечь? Наверное, целесообразно, например, систематически исследовать *мнение лиц, совершивших преступления*, о том, как можно было бы сделать противодействие более действенным.

Д.М. Гаджиев (Махачкала, Россия), опираясь на положения общего преступноведческого учения, высветил дагестанские особенности внутренних государственного и олигархического уровней коррупции [4, с. 63]. Его выступление продолжает положения ранее опубликованной им основательной монографии [3].

Исследуя названные уровни *«воронки преступности»*, Даци Магомедович обращает внимание на то, что местные «элиты» в Дагестане состоят из кланов. Он определяет кланы в качестве «сплочённых групп лиц из отдельных сёл, которые объединены родственными и куначескими связями. Они захватывают ресурсы, оказывают управляющее воздействие на некоторые муниципальные образования, а также на подбор и расстановку кадров в отдельных министерствах и ведомствах». «При этом, – пишет Гаджиев, – они укрепляют свой авторитет и влияние путём заключения межклановых и династических брачных союзов» [3, с. 205].

Исследование Даци Магомедовича выявило, что первоначальное накопление капитала дагестанскими кланами произошло в период приватизации 1990-х годов и образования национальных движений. В большинстве случаев эти средства зарабатывались противоправным путём. Представители теневого бизнеса, нарастив финансовую силу, стремятся управлять муниципальными районами. Они дают

взятки (от 15 млн до 2 млрд рублей) за содействие назначению и переутверждению их на соответствующих должностях и общее покровительство на муниципальной службе... Происхождение этих средств носит криминальный оттенок. По данным Д.М. Гаджиева, наиболее поражёнными коррупцией в Дагестане оказались сфера здравоохранения и вслед за ней – земельных отношений [4, с. 64].

«Кремль, – отмечает Гаджиев, – потеряв доверие, вынужден был ввести элементы прямого президентского правления, то есть особый порядок управления регионом в экстремальных ситуациях, носящих общественно-политический характер (тотальная коррупция в верхних эшелонах власти, обнищание населения, беспрецедентное расхищение бюджетных средств на всех уровнях властной вертикали и т.д.)» [4, с. 66].

Однако, как преодолеть господство *клановой олигархии*? Как обеспечить доступ к власти способных к управлению людей безотносительно к их клановой принадлежности? Эти вопросы, к которым я прикоснулся в моём докладе, полагаю, тесно связаны с *общероссийской задачей перераспределения средств, полученных путём преступной приватизации*.

Мне представляется, что в рамках антикоррупционной политики необходимо учредить особое направление *подготовки и перемещения руководящих работников*. Требуется специальное высшее учебное заведение для руководящих кадров с упором на их нравственную подготовку. По окончании данного вуза предполагается целевое распределение выпускников в различные субъекты РФ с последующей их ротацией по России.

Даци Магомедович не без основания ставит вопрос о «потенциальных возможностях для предупреждения ранних признаков коррупционных проявлений в Республике Дагестан», придавая большое значение выявлению явного несоответствия доходов публичных лиц и граждан, имеющемуся у них имуществу. Он обращает внимание на использование институтов гражданского общества. Призывает обеспечить государственную поддержку независимым журналистским расследованиям; антикоррупционным советам, возникшим «снизу» по инициативе граждан; советам старейшин при муниципальных образованиях; общественным объединениям правоохранительной направленности; общественным на-

родным фронтам; молодёжным волонтерским движениям; антикоррупционным комиссарам и т.д.

Среди целого ряда глубоких соображений, высказанных *С.У. Дикаевым (Санкт-Петербург, Россия)* и *М.С. Дикаевой (Санкт-Петербург, Россия)* в их фундаментальной статье – отклике на доклад, – особо отмечу два.

Во-первых, тщательно обоснованное ими предположение о закономерности значительной неучтённой части преступлений (латентности), которая, по мнению авторов, необходима для сплочения общества, обеспечения в нём равновесия и поступательного его развития.

Салман Умарович и Милана Салмановна считают, что «человечество не только воспроизводит определённое количество преступлений, но обладает внутренними механизмами, обеспечивающими разумное количество расследованных преступлений и лиц, привлечённых к ответственности и наказанных», т.е. речь идёт о необходимом обществе самосохранения от неотвратимости наказания.

Во-вторых, в отклике Дикаевых имеется теоретический вклад в виктимологическое направление преступноведения. Они предлагают в качестве жертвы *преступности* рассматривать не только потерпевших, но и лиц, совершивших преступления, из чего делают значимые для уголовной политики выводы [9].

А.П. Данилов (Санкт-Петербург, Россия) ставит в политическом преступноведении вопрос об информационно-идеологическом направлении противодействия глобально-олигархической власти. В рамках этого направления он выделяет следующие меры: 1) широкое освещение преступной деятельности ГОВ; 2) развитие в обществе духовных начал, основанных на традиционных религиях мира; 3) постепенное замещение разлагающего информационного содержания, наполняющего современные литературу, театральные постановки, музыкальные произведения, фильмы и передачи, телевизионное и радиовещание в целом, сеть интернет, на нравственное [7, с. 58].

Очевидно, что из приведённого предложения вытекает дальнейшая задача выработки механизма этого замещения.

Андрей Петрович предлагает установить уголовную ответственность за управление общественным мнением, осуществляемое с

причинением существенного вреда интересам общества [7, с. 57].

Задача ставится им в нужном направлении. Однако для того, чтобы выдвигаемая норма не оказалась «мёртвой», видимо, при описании объективной стороны этого состава, надо раскрыть термин «управление общественным мнением», что будет непросто.

Сожалею, что **С.Ф. Милуков (Санкт-Петербург, Россия)** не разделяет моего отрицательного отношения к навязанной России с Запада двунаправленной модели изменения уголовного законодательства. Тем не менее, в выступлении Сергея Фёдоровича заслуживает внимания предложение о восстановлении в уголовном законе двух видов наказания: ссылки и высылки. Их применение позволит привлечь осуждённых, их близких, соответствующие государственные и частные структуры для заселения обезлюживаемых с конца 1980-х гг. территорий Севера, Сибири, Забайкалья и Приморья [12].

П.А. Кабанов (Набережные Челны, Россия) рассуждает в направлении виктимологической защиты от преступлений в сфере предпринимательства, в частности, тех же предпринимателей. Павел Александрович ставит вопрос о законодательной основе для решения этого вопроса, что заслуживает поддержки [10].

Для предупреждения одного из проявлений коррупции имеет значение отмеченная **С.Н. Гаджиевым (Махачкала, Россия)** коррупционная схема целевого набора в медицинские вузы, получившая распространение в Республике Дагестан, согласно которой целевые направления на учёбу выдают не только медицинские вузы, но и администрации муниципальных образований [5, с. 69]. Кстати замечу, что учёт этого криминогенного фактора является вкладом одновременно в две формирующиеся отрасли преступноведения – в криминологию

здравоохранения и криминологию сферы образования и науки.

Не менее важно требование **Х.О. Алиева (Махачкала, Россия)** навести порядок в земельном законодательстве в связи с тем, что, как он утверждает, сфера оборота земель наиболее коррупционна в Дагестане [2, с. 73].

Значение выездных бесед. Проведение выездных бесед постепенно входит в обычное дело Клуба. Они состоялись в Костанае, Калининграде и вот теперь в Махачкале.

В махачкалинском обсуждении теоретических основ противодействия преступности для меня особенно важен ряд услышанных от дагестанских участников беседы высказываний в отношении местной специфики криминогенных процессов. Здесь имеет место клановая особенность шестого (внутригосударственного) и седьмого (внутреннего олигархического) уровней преступности. Значимы соображения коллег о необходимости сильного федерального обеспечения демократических начал доступа к власти – не по принадлежности к тому или иному клану, а по способностям к руководству и моральным качествам. Эти высказывания местных преступноведов натолкнули меня на мысль о желательном введении периодического обмена между субъектами федерации их руководящими работниками.

Участие в беседе представителей законодательной и исполнительной республиканской власти, правоохранительных органов и видных правоведов, их сосредоточение на конкретном круге вопросов – развивающейся теории противодействия преступности – принесло ожидаемые плоды. Научные работники сделали некоторые шаги по развитию общей криминологической теории. Знакомство с особенностями местной преступности и противодействия ей способствовало обоюдному сближению теории и практики.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sessar K. Funktionalität des Verbrechens // Gutsche G., Thiel K. (Hrsg.): Gesellschaft und Kriminalität im Wandel. Goldesberg, 2001. S. 161–210.*
2. *Алиев Х.О. К вопросу о противодействии коррупции в Дагестане // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 72–74.*
3. *Гаджиев Д.М. Власть и особенности предупреждения преступности в Республике Дагестан. Махачкала: Администрация президента и правительства Республики Дагестан, 2007. 478 с.*
4. *Гаджиев Д.М. О предупреждении коррупции в Республике Дагестан // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 63–68.*

5. Гаджиев С.Н. Причины коррупции в Дагестане // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 69–71.
6. Горшенков Г.Н. Гуманистическая стратегия преступновиведа // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 26–30.
7. Данилов А.П. Информационно-идеологические меры противодействия глобально организованной преступности // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 57–59.
8. Джавадова И.А. Новые подходы к организации контроля над преступностью // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 60–62.
9. Дикаев С.У., Дикаева М.С. Об основах учения о противодействии преступности или о востребованности нелинейных суждений о преступности в криминологии // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 41–49.
10. Кабанов П.А. Многоуровневая система противодействия преступности в концепции профессора Д.А. Шестакова: размышления о главном // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 34–36.
11. Курбанов Г.С. Некоторые размышления о системе противодействия преступности в концепции профессора Д.А. Шестакова // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 37–40.
12. Миллюков С.Ф. О соотношении судебной и внесудебной репрессий в механизме противодействия преступности // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 31–33.
13. Сессар К. Преступление как социальная конструкция // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2004. № 1 (7). С. 111–151.
14. Харламов В.С. Уникальность научных новаций в учении о противодействии преступности // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 53–56.
15. Шестакова С.Д. О сотрудничестве со следствием // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 50–52.

REFERENCES

1. Sessar K. Funktionalität des Verbrechens // Gutsche G., Thiel K. (Hrsg.): Gesellschaft und Kriminalität im Wandel. Goldesberg, 2001. S. 161–210.
2. Aliev H.O. K voprosu o protivodeystvii korruptsii v Dagestane. [On the issue of combating corruption in Dagestan]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 72–74.
3. Gadzhiev D.M. Vlast i osobennosti preduprezhdeniya prestupnosti v Respublike Dagestan. [The power and features of crime prevention in the Republic of Dagestan]. Makhachkala: Administratsiya prezidenta i pravitelstva Respubliki Dagestan. 2007, 478 p.
4. Gadzhiev D.M. O preduprezhdenii korruptsii v Respublike Dagestan. [On prevention of corruption in the Republic of Dagestan]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 63–68.
5. Gadzhiev S.N. Prichiny korruptsii v Dagestane. [Causes of corruption in Dagestan]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 69–71.
6. Gorshenkov G.N. Gumanisticheskaya strategiya prestupnostiveda. [Humanistic strategy of criminologist]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 26–30.
7. Danilov A.P. Informatsionno-ideologicheskie mery protivodeystviya globalno organizovannoy prestupnosti. [Information and ideological measures of globally organized crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 57–59.
8. Dzhavadova I.A. Novye podkhody k organizatsii kontrolya nad prestupnostyu. [New approaches to crime control]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 60–62.
9. Dikaev S.U., Dikaeva M.S. Ob osnovakh ucheniya o protivodeystvii prestupnosti ili o vostrebovannosti nelineynykh suzheniy o prestupnosti v kriminologii. [On the fundamentals of the theory of crime counteraction, or on the need for non-linear judgments about crime in criminology]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 41–49.
10. Kabanov P.A. Mnogourovnevaya sistema protivodeystviya prestupnosti v kontseptsii professora D.A. Shestakova: razmyshleniya o glavnom. [The multi-level system of crime counteraction in the concept of Professor D.A. Shestakov: reflections on the main thing]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 34–36.
11. Kurbanov G.S. Nekotorye razmyshleniya o sisteme protivodeystviya prestupnosti v kontseptsii profesora D.A. Shestakova. [Some reflections about the system of crime counteraction in the concept of Professor

D.A. Shestakov]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 37–40.

12. *Milyukov S.F.* O sootnoshenii sudebnoy i vnesudebnoy repressiy v mekhanizme protivodeystviya prestupnosti. [On the correlation of judicial and extrajudicial repression in the mechanism of crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 31–33.

13. *Sessar K.* Prestuplenie kak sotsialnaya konstruktsiya. [Crime as a social construction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2004, no. 1 (7), pp. 111–151.

14. *Kharlamov V.S.* Unikalnost nauchnykh novatsiy v uchenii o protivodeystvii prestupnosti. [Uniqueness of scientific innovations in the doctrine of the crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 53–56.

15. *Shestakova S.D.* O sotrudnichestve so sledstviem. [On cooperation with the investigation]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 50–52.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Анатольевич Шестаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: shestadi@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitriy Anatolievich Shestakov – Doctor of Laws, professor; honoured scientist of the Russian Federation, co-founder, president of Saint-Petersburg International Criminology Club, head of the Laboratory of criminological at Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: shestadi@mail.ru

*Материалы международной беседы
«Теоретическая криминология в сравнении»
от 27 сентября 2019 года*

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков

ЕЩЁ РАЗ О ФИКЦИИ ПОРОЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЗАКОНОМ (К РАЗВИТИЮ ПРЕСТУПНОСТИВЕДЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В СВЯЗИ С УЧЕБНИКОМ КАРЛА-ЛЮДВИГА КУНЦА)

Аннотация: В учебнике К.-Л. Кунца по криминологии «Введение в криминологическое мышление» привлекает его теоретическая направленность. Он написан в духе криминологического конструктивизма (кримкона).

Надо согласиться с автором учебника в том, что для преступновостиведческой теории кримкон имеет определённое значение. Однако сведение последнего к конструктивистскому его направлению, как это делается в учебнике, едва ли можно признать обоснованным. Кримкон – только часть преступновостиведения, охватываемая криминологией закона.

В учебнике недостаточно разграничены такие ключевые для преступновостиведения явления, как «преступление» и «преступность». Нарушено равновесие между преступновостиведческим (*per se*) и юридическим (*de jure*) понятиями преступления в сторону понятия юридического.

Значение же криминологического понятия преступления состоит, как мне представляется, в создании научной основы для расширения предмета преступновостиведения за счёт включения в него некриминализованных, но подлежащих криминализации деяний.

«Законодательное конструирование» должно и впредь осмысляться криминологией закона для того, чтобы: 1) оценивать обоснованность (или необоснованность) уголовных запретов, 2) выстраивать и уточнять статистическую картину зарегистрированных преступлений.

К подлежащим дальнейшему осмыслению проблемам, связанным с кримконом, относится не в последнюю очередь *преступное законодательство*. Введение в научный оборот этого понятия выводит преступновостиведческое учение на постановку вопроса о новом международном уголовном суде по образцу судов конституционных.

Ключевые слова: преступновостиведение; общая преступновостиведческая теория; кримкон; криминология закона; криминологическое понятие преступления; преступное законодательство; новый международный уголовный суд.

D.A. Shestakov

ONCE AGAIN ON THE FICTION OF THE CREATION OF CRIME BY LAW (ON THE DEVELOPMENT OF CRIMINOLOGICAL THEORY IN CONNECTION WITH THE TEXTBOOK OF KARL-LUDWIG KUNZ)

Summary: The textbook on criminology «Introduction to criminological thinking» by K.-L. Kunz is interesting for its theoretical orientation. It is written in the spirit of criminological constructivism.

It is necessary to agree with the author of the textbook that criminological constructivism has a certain meaning for the criminological theory. However, reducing the latter to its constructivist direction (as it is done in the textbook) can hardly be justified. Criminological constructivism is only a part of criminology, covered by the criminology of law.

In the textbook, such key phenomena for criminology as «crime» and «criminality» are not sufficiently differentiated. The balance between the criminological (*per se*) and legal (*de jure*) concepts of crime is broken towards the legal concept.

The meaning of the criminological concept of crime consists, as it seems to me, in creating a scientific basis for expanding the subject of criminology by including in it non-criminalized acts, which should be criminalized.

«Legislative construction» should continue to be comprehended by the criminology of law in order to: 1) assess the validity (or unreasonability) of criminal prohibitions, 2) build and clarify the statistical picture of recorded crimes.

Criminal legislation refers to issues that are connected with criminological constructivism and require further reflection. The introduction of this concept to science makes criminology raise the question of a new international criminal court on the model of constitutional courts.

Key words: criminology; general criminological theory; criminological constructivism; criminology of law; criminological concept of crime; criminal legislation; new international criminal court.

Давнее приобретение. Уже больше четверти века тому назад в книжном магазине «Ромбах» на Бертольдштрассе в германском Фрайбурге я купил швейцарский учебник профессора К.-Л. Кунца по криминологии в красном переплёте. Книга снабжена подзаголовком «Основа». В ней заострено внимание на общей преступноведческой теории.¹ Это мне по вкусу. Неслучайно о моём собственном учебнике профессор П.А. Кабанов как-то раз заметил, что это учебник для преподавателей. Думаю, что университетское образование должно не штамповать умельцев узкого профиля, а учить рассуждать в своей отрасли на уровне современной науки, принимая во внимание противоречащие один другому теоретические подходы.

Учебник профессора Кунца теперь на русском языке в несколько переработанном виде именуется: «Введение в криминологическое мышление» [8]. По мнению его автора, преступноведение находится в плену силового поля: между научной автономией и практической пользой [8, с. 61]. Сам Кунц, как явствует из учебника, склонен к углублению в теорию.

Состояние теоретической криминологии Кунц оценивает сдержанно. В преступноведческих учениях он усматривает только фрагменты универсального объяснения генезиса преступности, «передвижные декорации», которые в своей одномерности оказываются принципиально нетождественными. Они предоставляют частичные определения фаз делинквентного развития, общий ход которого до поры до времени не может быть адекватно изображён. Поэтому, они – не теории преступности, а необходимые эвристические помощники для нашего представления о преступности или моделирующие подходы с ограниченной перспективой и радиусом действия [8, с. 82].

¹ Слова «преступноведение» и «криминология» являются синонимами.

Наверное, можно сказать, что изложенное в книге научное видение её автора лежит в основном в плоскости так называемой конститутивной теории преступности, рассмотрение и оценка которой, на наш взгляд, вмещается в криминологию закона. Привожу выжимку из его суждений.

Кунц усматривает некое развитие теоретического преступноведения в немецкоязычных странах, занимающегося разработкой основ науки о преступности и осознанно несущего в себе консультационную функцию для практической уголовной политики. В его представлении, теоретическая криминология исходит из того, что преступность не является некой данностью, а формируется в процессе дискурса.² Вследствие этого, изменённым объектом исследования должно выступать не преступное поведение как таковое, а поддерживающая порядок функция уголовного права [8, с. 22–23].

Профессор пишет о том, что традиционные рамки криминологии преодолеваются. Рассмотрение отклоняющегося поведения заменяется рассмотрением поведения, соответствующего нормам, стимулируемого (среди прочего) уголовным правом. В дополнение к этому исследовательский интерес направлен на изучение системы норм, нацеленной на поддержание порядка, среди которых нормы уголовного права лишь одни из многих [8, с. 18–19].

Отметим, что в России уже достаточно давно под криминологическим углом зрения исследуются нормы, влияющие на преступное поведение. В 1990-е годы в научный оборот мною введено понятие криминологического законодательства [4, с. 122; 13]. В русле концепции преступных подсистем (семанти-

² Слово *дискурс* не имеет строго определённого значения, нередко употребляется в смысле: *высказывание, обсуждение, контекст, единство, рассуждение, речь*.

ческая концепция преступности) на рубеже столетий возникла криминология закона [14, с. 76; 11], целенаправленно изучающая взаимосвязь преступности и законодательства.

Таким образом, теоретический центр тяжести учебника Кунца ощущается мной в определении соотношения нормативного и криминологического пониманий преступления. Данное преступноведческое направление именуется также конститутивным, постмодернистским или конструктивистским учением. Последнее название представляется мне наиболее подходящим – криминологический конструктивизм, кримкон. Будем здесь его придерживаться.

Читателям учебника я бы предложил сосредоточить внимание на изложении профессором Кунцем этого небесспорного учения. Как явствует из заглавия сей статьи, для нас важно движение преступноведческой мысли от *фикции порождения преступления законом* к реальности *преступного законодательства*.

Преступление в правовом и преступноведческом смыслах. К.-Л. Кунц пишет, что преступность невозможно обозначить без того, чтобы установить видимые отклонения от принятого обществом нормативного масштаба [8, с. 22]. Преступность, – замечает он, – есть часть коллективной системы смыслов социума, в котором значения назначаются, а смыслы производят. Более того, преступность – это зеркало общества, через определение преступности выражающего своё понимание нормы и готовность проявлять толерантность [8, с. 22].

Сразу обратим внимание на черту учебника, присущую в целом западному преступноведению: не проводится чёткого различия между понятиями «преступность» и «преступление». В российской криминологии они разведены и преступное деяние, понятие этого деяния, не смешивается с множеством (массой) совершаемых преступлений или процессом их воспроизводства (преступностью).

Излагаемый в учебнике подход к «преступности» соответствует теоретическому движению от теории клеймения к кримкону. Конечно, у Кунца присутствует очень популярное в немецкоязычных странах изречение профессора Зака. Помню мой обширный разговор с Фрицем Заком на прогулке неподалёку от Гамбургского университета, на которой

он развёрнуто пояснял свою фразу, произведшую чрезвычайно впечатление на немецких криминологов. Она звучит так: «Преступность есть негативное одобрение, выдаваемое соответствующим позитивным благам, таким, как собственность, имущество, авторитет» [3, с. 469].

Приводит Кунц [8, с. 26] также те слова Зака, согласно которым преступность, будучи порождением и зеркалом общества, не существует в виде объекта. Она некоммуникативна и является бесполезно наличествующей данностью. Преступность производится в обществе, и обществом ассоциируется с ограничивающей дистанцией, клеймением, урезанием ресурсов.

Остановившись на методологии преступноведения, К.-Л. Кунц утверждает, что преступность можно объяснять и понимать. По его словам, понимающая перспектива высвечивает тот факт, что человек и его действия не являются продуктом внешних сил, даже если общество и оказывает влияние на него и его поведение. «Влияние» – процесс взаимный, диалектический: поскольку социальные явления воздействуют на окружающий мир, данный посредством символов, изменяя его, а он, в свою очередь, стимулирует индивидуальные реакции посредством рефлексивной обработки. Только осмысленное понимание делает поведение преступным деянием. Характеристика криминального поведения заложена в квалификации его таковым [8, с. 29].

Уместно напомнить, как движение преступноведческой теории в направлении, заданном доктриной клеймения, привело к возникновению сербского происхождения (С. Генри и Д. Милованович) так называемой конститутивной криминологии. Мы здесь договорились именовать её криминологическим конструктивизмом (кримконом). Преступность, согласно этому учению, не столько порождается обществом, сколько ему сопутствует, т.к. общество создаёт социальную структуру дифференциации и привилегированного познания, на чём оно и строит свою власть. Причины воспроизводства преступлений Миловановичем и Генри усматриваются не только в самом человеке и его окружении, но также в непрерывном процессе создания обществом социальных концепций [1, с. 116].

Автор же обсуждаемой нами книги высказывает своё мнение о том, что ныне составляет, собственно, «несущую основу» преступноведения. По его мнению, фундамент образует понимание преступности как поведения, отклоняющегося от социальной нормы, своеобразия которого заключается только в отношении принятых в обществе норм [8, с. 41]. И, наверное, применительно к современной западной, во всяком случае, германоязычной криминологии это правда.

Что касается российского преступноведения, то и здесь, надо признать, очевидно присутствие кримкона,³ но лишь как одной из двух составляющих осмысления явления преступности. Имеются в виду нормативная (правовая) и криминологическая (социологическая) составляющие. Так, Г.Н. Горшенков высказал мысль о взаимосвязи и даже своеобразном «сотрудничестве» систем *преступности и антипреступности*. С одной стороны, – пишет он, – эти явления носят конфликтный характер, с другой стороны, между ними неизбежны связи «сотрудничеств» [5, с. 72–110].

Возникает вопрос: «Можно ли назвать конструктивистский подход новым видением преступного?». Едва ли. Так в двадцатые годы прошлого века в поэме «Путями Каина» (1922–1929 гг.) Максимилианом Волошиным было сказано:

*«Закона нет – есть только принужденье.
Все преступленья создаёт закон.*

Преступны те, которым в стаде тесно.

И тогда взгляд на законодательное «конструирование» преступления будил в умах брожение.

Углубляясь в историю конструктивистского взгляда на преступление,⁴ нередко вспоми-

³ Заметное внимание этому подходу уделяется в трудах Я.И. Гилянского. См., например, его: Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 192–193; его: Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд., перераб. и дополн. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 39–49. Наиболее характерно для этого кримиолога – и, соответственно, наиболее значимо – подчёркивание в одном из предложенных им определений преступности того, что преступность является разновидностью девиантности. Там же. С. 52.

⁴ Ещё раз подчеркнём: именно на преступление, а не на преступность.

нают апостола Павла, сказавшего в обращении к римлянам: «ибо закон производит гнев, потому что *где нет закона, там нет и преступления*». ⁵ И далее: «Неужели *от* закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона». ⁶ По смыслу его слов, в отличие от криминологического-конструктивистского понимания, преступность (у Павла, конечно, *греховность*) не есть конструкция, данная законом (по Павлу, Законом Божиим). Закон лишь называет, определяет, что именно запрещено и, соответственно, за какие деяния наступает кара. Павел разъясняет римлянам вопрос о вменении греха в вину грешнику, но *никак* не о происхождении преступления. ⁷

Павел трактует принцип римского уголовного права: «Nullum crimen sine lege». ⁸ Это правило было известно в Древнем Риме, а его происхождение исследователи связывают с именами древнегреческих мыслителей – Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), Демосфена (384–322 гг. до н.э.), Андокида (440–391 гг. до н.э.). ⁹

В конце XX – начале XXI века криминологический конструктивизм представляет собой лишь модное направление в криминологии, в котором подробно рассматривается влияние законодателя на истолкование картины пре-

⁵ Послание к римлянам. 4:15 // Библия. Петроград: Синодальная типография, 1917. С. 1420. Курсив мой. Об этих словах апостола напомнил и известный немецкий преступновед-теоретик, профессор Клаус Сессар в одном из своих докладов в Санкт-Петербургском криминологическом клубе. См.: Сессар К. Преступление как социальная конструкция // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2004. №1 (7). С. 140. (Доклад был опубликован на немецком языке – *Verbrechen als soziale Konstruktion*).

⁶ Послание к римлянам. 7:7. С. 1422.

⁷ При этом нельзя не видеть – для христианина закон человеческий, т.е. государственный, который устанавливает, что суд подвергает преступника наказанию, сам греховен, ибо сказано: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить». От Матфея. 7:1. // Библия. С. 1229.

⁸ Нет преступления без закона (лат.).

⁹ Karanikash // *Revue Internationale de droit penal*. 1937/ N 1–4. С. 292. Ссылаюсь по: Утевский Б.С. К вопросу о происхождении принципа *nullum crimen sine lege* // Учёные записки / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. М., 1940. Выпуск I. С. 133–160.

ступности. Причём, значение «конструирования преступности» посредством определения того, что следует считать преступным, представителями названного направления сильно преувеличивается.

Дело доходит до того, что осмысление (придание смыслов) ставится на место реальности. По существу, предлагается в качестве предмета преступноведения видеть не множество опасных для человека деяний и закономерности их порождения, но конструирование представлений о преступлении в законе, системе научных и ненаучных взглядов, оценок средств распространения сведений. Напомним: по Кунцу, «преступность есть часть коллективной системы смыслов социума, в котором значения назначаются, а смыслы производят».

В связи с рассуждениями преступноведов-конструктивистов в своё время мною были высказаны, помимо прочего, два важных (для меня) суждения.

Во-первых, дано понятие *фикции порождения законом преступления*. Ею я назвал закрепление в законе, юридической практике, уголовной статистике и т.д. преступлений (в том числе являющихся по сути мнимыми), вследствие чего создаётся впечатление, будто бы сущность преступления состоит не в том объективном зле, которое оно (преступление) наносит человеку и окружающему его миру, а в субъективной воле сложившихся в обществе сил, которые направляют законотворчество [16, с. 78–79].

Во-вторых, введено понятие *преступления в криминологическом смысле*, т.е. виновного деяния, представляющего для человека и общества значительное зло, безотносительно к тому, признаёт ли закон такое деяние преступлением [16, с. 80; 19; 11, с. 14–15]. Это понятие и стоящее за ним сосуществование двух подходов к преступлению – правового и преступноведческого – поддержано признанным специалистом в области уголовного права А.В. Наумовым [9, с. 311].

Страх, «безопасность», двунаправленная американская модель и ослабление социальной политики. В обсуждаемом учебнике уделено внимание уголовной политике. В нём констатируется отступление неолиберальной криминологии от человеколюбивых веяний. Нынешнее преступноведение, отмечает Кунц, содержит такое рассуждение:

«поскольку преступник лично ответственен за преступления, то социальная поддержка преступников неуместна. Некоторые постмодернистские преступноведы, такие как американец Рихард Познер, находят исходящее от государства наказание в принципе полезным и оправданным, разрешённым ответом на преступность» [8, с. 175; 2, с. 207–230].

Со своей стороны, замечу: в этом веянии, действительно есть что-то новенькое, я бы сказал *постлиберальное*. Оно противоречит всемирно-исторической тенденции к смягчению репрессии.

Кунц свидетельствует, что во взглядах криминологов утрачивается значимость социальной политики и ресоциализации преступников. Как он пишет, новая уголовная политика позднего модерна в основе отличается от уголовной политики до 1980-х годов. Кунц связывает это с коренным изменением общественных отношений, с обвалом «советской империи». В Западной Европе благотворительность и придание однородности культуре теряют популярность, в связи с чем возникают сомнения в целесообразности финансирования социальной политики. США всё более управляют культурой мирового порядка, глобальной уголовной политикой. Произведённые в США изменения задают стиль уголовной политики позднего модерна. А сама эта политика содействует продвижению неолиберальных представлений, в русле которых она преподносит стратегию противодействия преступности. Уголовная политика США является моделью для перестройки государства и общества на неолиберальные максимы [8, с. 70].

По мнению автора учебника, ключевые слова, обозначающие изменения последних 30 лет таковы: преступность из социально вредного поведения, требующего соответствующих реакций, стала риском, который ещё до наступления вреда необходимо вычислить и держать под контролем... государственная монополия на безопасность была нарушена в пользу принятия собственных мер безопасности, для открытия рынка с негосударственными структурами, обеспечивающими безопасность. Уголовная политика переместила свой центр тяжести с социально-политического и ресоциализирующего вмешательства, с помощью которых пытались бороться с вероятными причинами уголовных деяний ранее, на

ситуативное осложнение самой возможности совершения преступлений [8, с. 31].

Возникают, однако, вопросы: «Как эти констатации Кунца связаны с кримконом, преподаваемым в учебнике в виде основы современного преступноведческого мышления? Или конструктивистская теория, с одной стороны, и осмысление конкретных проявлений преступности, различных её форм и видов, с другой стороны, в «новом криминологическом мышлении» никак между собой не соотносятся?».

Сопоставляя же оценку уголовной политики немецкоязычных преступноведов с тем, что происходит в России, вкратце скажем следующее. И у нас имеет место критика навязанной через советчиков («экспертов») из США так называемой двунаправленной реформы уголовного законодательства [18, с. 24], чрезвычайно ужесточившей систему наказаний по сравнению с советским временем. В русле обсуждения «двунаправленной реформы» выдвинута модель умеренной терпимости к преступлениям, известная под названием «шар терпимости» (*шар Данилова*). Она иллюстрирует мысль об обладающей антикриминогенным свойством умеренной терпимости к преступлениям. Умеренно терпимой, по мнению автора модели, должна быть уголовная политика [6]. Развёрнуто, главным образом, в Санкт-Петербургском криминологическом клубе рассмотрение коллизии между уголовным правом и «правом безопасности» с оригинальным видением возможностей по преодолению этого столкновения [7; 20; 12; 10].

Предварительный итог. От «постмодернизма» к постлиберализму в преступноведении. Итак, в обсуждаемом учебнике привлекает, прежде всего, его особенность – теоретическая направленность. Суть книги не криминологическая, но криминологическая, но криминологическая, но криминологическая. Учебник даёт пищу для обсуждения специалистами.

Вместе с тем, к автору возникает ряд вопросов. В книге недостаточно разграничены такие ключевые для преступноведения понятия, как «преступление» и «преступность». Их определения вообще не предложены автором учебника. А хотелось бы на сей счёт получить его разъяснения.

Кроме того, швейцарским криминологом очевидно нарушено равновесие между пре-

ступноведческим (*per se*) и юридическим (*de jure*) понятиями преступления в сторону понятия юридического.

Сведение «преступноведческого мышления» к конструктивистскому его направлению едва ли можно признать обоснованным. Кримкон – только часть преступноведения, охватываемая (в моём представлении) криминологией закона. Едва ли он может претендовать на описание предмета науки о преступности.

Значение криминологического конструктивизма мне видится в том, что он показывает зависимость официальной статистики преступности от уголовного законодательства. Из уголовной статистики общество получает картину, не отражающую действительного многоуровневого строения преступности. Нужно обращать внимание человечества – и, прежде всего, преступноведов – на очень существенное различие между полицейскими сведениями и подлинной преступностью. Кримкон может послужить дополнительным доводом для более глубокого показа и разъяснения преступности, в особенности её государственно-олигархических слоёв.

Значение же криминологического понятия преступления состоит в создании научной основы для расширения предмета преступноведения за счёт включения в него некриминализованных, но подлежащих криминализации деяний. Согласись, читатель, не лукавя, что это важно...

Думается, что чрезвычайной задачей теоретической криминологии (общего преступноведческого учения) стало осмысление преступности глобальной олигархической власти (ГОВ) как основания всемирной преступной угрозы человечеству. Этому животрепещущему вопросу в учебнике не оказано должного внимания.

В моём видении *предмет общей криминологии* составляют теория преступности (человека и общества) и теория противодействия преступности.

Преступность как свойство воспроизводить зло включает в себя: 1) преступления как предусмотренные, так и не предусмотренные законом – во всём их многообразии, 2) преступное множество (массу) преступлений, с характеристиками (виды и уровни преступности), которые не сводятся к свойствам единичных преступлений, 3) причинный комплекс

[17, с. 106; 15, с. 134–141]. Усмотрение в самом «теле» преступности, среди прочего, также причин её воспроизводства – не оговорка, это одно из ключевых положений.

Здесь уместно напомнить, что мною понимается под видом и уровнем преступности. *Виды* преступности различаются на основании критерия принадлежности к тому или иному институту (семейная, экономическая, политическая преступность, преступность СМИ и т.д.). *Уровни (слои)* образуют воронку преступности или, как говорят немцы, «кратер Шестакова». В основании преступности лежит девятый, планетарно-«олигархический» уровень – глобальный контроль над сырьевыми ресурсами, банковской системой, информационными сетями, СМИ, государственной властью.

В разделе противодействия преступности, естественно, изучаются правовые меры: уголовно-правовые и криминологические. В 1990-х годах в научный оборот вошло понятие криминологического законодательства, теперь поставлен вопрос о разработке единого законодательства о противодействии преступности.

В заключение вернёмся к вопросу о «конструировании преступлений». Законодательное конструирование должно и впредь осмысляться криминологией закона для того, чтобы: 1) оценивать обоснованность (или необоснованность) уголовных запретов, 2) выстраивать и уточнять статистическую картину зарегистрированных преступлений.

Дальнейшее развитие теории предполагает освоение ею математических методов отображения глубинных слоёв преступности с учётом не только скрытых (латентных) преступлений, но, безусловно, и преступлений в криминологическом смысле.

Не случайно в моём определении преступности среди её признаков упомянута *количественная выражаемость* («интерпретируемость»).

К проблемам, связанным с кримконом, относится также *преступное законодательство*, понятие которого быстро входит в оборот. Преступны некоторые законы совсем не потому, что в 2001 году у их так назвал (не потому,

что мною было дано, «сконструировано», их понятие) [16, с. 22; 11, с. 23, 62], а потому, что они по сути своей представляют для человека и общества значительное зло. Появление же научного представления о преступном законодательстве вывело криминологическое учение на постановку вопроса о новом международном уголовном суде по образу судов конституционных.

Итог. От работы с идеями к работе самих идей. Преступноведческое мышление не вправе ограничиваться копанием в том, что было сказано раньше и говорится рядом, хотя без этого, разумеется, не обойтись. Мышление должно, обновляясь, развиваться – вширь и вглубь. И от выдвигаемых научных положений требуется дальнейшая их производительность.

Расширение в последние десятилетия автором настоящих строк связывалось, в частности, с построением *теоретической основы* для осмысления преступности подсистем общества, ранее в должной мере криминологией не охваченных – от семьи (как социального института) и политики до сфер экономики, массового распространения сведений и (!) законодательства. Такое вот продвижение: учение о преступности социальных подсистем (ядро семантической концепции) – рождение криминологии закона – теория преступного закона – замысел «конституционного» международного уголовного суда.

Углубление криммышления прошло ряд слоёв (учение о многоуровневой воронке преступности), достигнув преступности ГОВ. Этот пласт требует дальнейшей разработки в направлениях как общей преступноведческой теории, так и выдвижения мер практического – прежде всего, правового – противодействия.

Книга профессора Карла-Людвига Кунца «Введение в криминологическое мышление» оценивается мной весьма и весьма высоко. Безусловно, она найдёт среди русскоязычных преступноведов заинтересованных и благодарных читателей. Возможно, подвигнет некоторых из них к дальнейшему осмыслению теоретических основ нашей научной дисциплины.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Henry S., Milovanovic D. Constitutive criminology: beyond postmodernism. London: Sage, 1996.
2. Posner R.A. Economic Analysis of Law, 4th Edition, Boston, 1992.
3. Sack F. Neue Perspektiven in der Kriminologie // Sack F., König R. (Hrsg.). Kriminalsoziologie. Frankfurt a. M.: Akademische Verlagsgesellschaft, 1968.
4. Бурлаков В.Н., Гилинский Я.И., Шестаков Д.А. Преподавание криминологии в современных условиях // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 6, вып. 3. С. 121–125.
5. Горшенков Г.Н. Криминология: научные инновации. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2009. 214 с.
6. Данилов А.П. Преступноведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 27–30.
7. Зибер У. / Перев. с нем.: Д.А. Шестаков. Границы уголовного права // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1 (16). С. 15–78.
8. Куц К.-Л. Введение в криминологическое мышление / Пер. с нем. к.ю.н. Ангелины Козловой. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019. 362 с.
9. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018.
10. Харламов В.С. Институт охранного ордера в зарубежном законодательстве как инструмент защиты личности в зарубежном законодательстве // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 34–40.
11. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2011. 75 с.
12. Шестаков Д.А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 13–22.
13. Шестаков Д.А. Контроль преступности и криминологическое законодательство // Организованная преступность, уголовно-правовые и криминологические проблемы. Отв. ред. М.Г. Миненок. Калининград, 1999. С. 11–23.
14. Шестаков Д.А. Криминология на рубеже двух тысячелетий // Вестник Санкт-Петербургского юридического университета МВД России. 1999. № 2 (2).
15. Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминогенное законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. СПб., 2006. 561 с.
16. Шестаков Д.А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, Издательство «Лань», 2001. 264 с.
17. Шестаков Д.А. На криминологическом семинаре // Правоведение. 1981. № 2. С. 105–107.
18. Шестаков Д.А. Чего я жду от криминологии уже завтра? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4 (31). С. 21–25.
19. Шестаков Д.А. Школа преступных подсистем: парадигма, отрасли, влияние вовне // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 45–53.
20. Щедрин Н.В. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4 (31). С. 26–35.

REFERENCES

1. Henry S., Milovanovic D. Constitutive criminology: beyond postmodernism. London: Sage, 1996.
2. Posner R.A. Economic Analysis of Law, 4th Edition, Boston, 1992.
3. Sack F. Neue Perspektiven in der Kriminologie // Sack F., König R. (Hrsg.). Kriminalsoziologie. Frankfurt a. M.: Akademische Verlagsgesellschaft, 1968.
4. Burlakov V.N., Gilinskiy Y.I., Shestakov D.A. Prepodavanie kriminologii v sovremennykh usloviyakh. [Teaching criminology in modern conditions]. *Vestnik SPbGU – Bulletin of St. Petersburg State University*. 1996, ser. 6, vol. 3, pp. 121–125.
5. Gorshenkov G.N. Kriminologiya: nauchnye innovatsii. [Criminology: scientific innovation]. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2009, 214 p.
6. Danilov A.P. Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti). [Criminological theory of tolerance]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, no. 4 (39), pp. 27–30.
7. Sieber W. Granitsy ugovornogo prava. Perv. s nem.: D.A. Shestakov. [Borders of criminal law]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2009, no. 1 (16), pp. 15–78.

8. Kunz K.-L. Vvedenie v kriminologicheskoe myshlenie. [Introduction to criminological thinking]. Per. s nem. k.y.n. Angeliny Kozlovoy. St.P.: ООО Izdatelskiy Dom «Alef-Press», 2019, 362 p.
9. Naumov A.V. Rossiyskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast: kurs lektsiy. [Russian criminal law. General part: lecture course]. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2018.
10. Kharlamov V.S. Institut okhrannogo ordera v zarubezhnom zakonodatelstve kak instrument zashchity lichnosti ot vnutrisemeynogo nasiliya. [The institute of protection order in the international legislation as a tool for protection of a person from domestic violence]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2014, no. 1 (32), pp. 34–40.
11. Shestakov D.A. Vvedenie v kriminologiyu zakona. [Introduction to criminology of law]. St.P.: Izdatelstvo «Yuridicheskiy tsentr Press», 2011, 75 p.
12. Shestakov D.A. Eshche raz o prave bezopasnosti v svyazi s pravom protivodeystviya prestupnosti. [More about the right to security in the context of the right to crime prevention]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2014, no. 1 (32), pp. 13–22.
13. Shestakov D.A. Kontrol prestupnosti i kriminologicheskoe zakonodatelstvo. [Crime control and criminological legislation]. *Organizovannaya prestupnost, ugovolno-pravovye i kriminologicheskie problemy – Organized crime, legal and criminological problems*. Otv. red. M.G. Minenok. Kaliningrad, 1999, pp. 11–23.
14. Shestakov D.A. Kriminologiya na rubezhe dvukh tysyacheletiy. [Criminology at the turn of the millennium]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg Law University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 1999, no. 2 (2).
15. Shestakov D.A. Kriminologiya. Novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti. Kriminogennyye zakony i kriminogennoe zakonodatelstvo. Protivodeystvie prestupnosti v izmenivshemsya mire. [Criminology. New approaches to crime. Criminogenic laws and criminogenic legislation. Counteracting crime in a changed world]. St.P., 2006, 561 p.
16. Shestakov D.A. Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. Kratkiy kurs. [Criminology: crime as a social trait]. St.P.: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy universitet, Izdatelstvo «Lan», 2001, 264 p.
17. Shestakov D.A. Na kriminologicheskom seminare. [At a criminological seminar]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. 1981, no. 2, pp. 105–107.
18. Shestakov D.A. Chego ya zhdu ot kriminologii uzhe zavtra? [What do I expect from criminology tomorrow?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013, no. 4 (31), pp. 21–25.
19. Shestakov D.A. Shkola prestupnykh podsystem: paradigma, otrasli, vliyaniye vovne. [School of criminal subsystems: paradigm, branches, outside influence]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad – Russian criminological view*. 2005, no. 1, pp. 45–53.
20. Shchedrin N.V. Kontseptualno-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti. [Conceptual and theoretical foundations of legal regulation and application of security measures]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013, no. 4 (31), pp. 26–35.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Анатольевич Шестаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: shestadi@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitriy Anatolievich Shestakov – Doctor of Laws, professor; honoured scientist of the Russian Federation, co-founder, president of Saint-Petersburg International Criminology Club, head of the Laboratory of criminological at Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: shestadi@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Х.Д. Аликперов

СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНОЛОГИЯ В ТРАКТОВКЕ ПРОФЕССОРА КУНЦА

Аннотация: Учебник профессора Кунца отличается ненавязчивостью подачи материала, солидной фактологической и эмпирической базой исследования. В нём широко представлены труды выдающихся криминологов и философов, социологов и генетиков древности и современности, достаточно адекватно, а главное – ясно изложены их взгляды по обсуждаемым проблемам.

Ключевые слова: Карл-Людвиг Кунц; криминология; социальный конструкт; преступление; уголовная политика.

H.D. Alikperov

MODERN CRIMINOLOGY IN THE INTERPRETATION OF PROFESSOR KUNZ

Summary: Professor Kunz's textbook is notable for its non-intrusive presentation of material, a significant factual and empirical basis of the study. The textbook widely presents the works of outstanding criminologists and philosophers, sociologists and geneticists of antiquity and modernity, their views on the issues discussed are quite adequately, and, most importantly, clearly stated.

Key words: Karl-Ludwig Kunz; criminology; social construct; crime; criminal policy.

С большим интересом я ознакомился как с тезисами выступления доктора юридических наук, профессора Бернского университета Карла-Людвига Кунца, так и с его прекрасной монографией «Введение в криминологическое мышление» [1], рукопись которой направил мне мой добрый и мудрый друг – профессор Д.А. Шестаков.

По завершении прочтения этого фундаментального труда у меня сложилось впечатление, что это не просто новая книга по криминологии, а, скорее, фундаментальное произведение о философии криминологии и одновременно энциклопедия, охватывающая необъятные горизонты тернистого генезиса преступления и наказания. Поэтому, представляется, что название книги не в полной мере отражает всю глубину и масштабность её содержания, которое куда богаче и разнообразнее, чем введение в криминологическое мышление. И хотя это великолепное произведение К.-Л. Кунца заставляет читателя глубоко задуматься и искать ответы на многие сложнейшие вопросы современной криминологии, которые содержатся в книге, архитектура предмета этого многоуровневого исследования и его содержание выходят далеко за ограниченные пределы научного произведения, написанного в форме введения.

Книга отличается высокой читабельностью (за это спасибо переводчику) и информативностью, увлекательным экскурсом в историю становления и развития криминологии, написана в гуманистической тональности, *sine ira et studio* («без гнева и пристрастия»).

В процессе её прочтения как-то незаметно, исподволь, читатель настраивается мыслить масштабно, вникать в суть анализируемых в ней проблем, по-новому смотрит на сложившиеся стереотипы в криминологии и уголовном праве по вопросам преступления и наказания. При этом, чем больше углубляешься в суть неординарных суждений автора, тем чаще приходится прибегать к помощи различных литературных источников, так как испытываешь недостаток в собственных познаниях для прозрения глубинных пластов авторской мысли, открывающих читателю новые грани онтологии преступности.

Отрадно, что работа свободна от силлогистики и линейных суждений, избитых формулировок и пространных рассуждений по мелким вопросам. В ней удачно сочетаются глубокий анализ сложного теоретического материала с высокой юридической культурой, строгий подход к изложению авторской позиции с корректным, точнее джентльменским тоном полемики с другими исследователями,

к трудам которых он обращается в своём исследовании.

Всё это свидетельствует не только о безупречной правовой культуре и высокой научной этике профессора К.-Л. Кунца, но и о невероятных масштабах его эрудиции.

Учебник выделяется ненавязчивостью подачи материала, солидной фактологической и эмпирической базой исследования. В нём широко представлены труды выдающихся криминологов и философов, социологов и генетиков древности и современности, достаточно адекватно, а главное – ясно изложены их взгляды по обсуждаемым проблемам. Наряду с этим автор затронул и широкий пласт биологических и социологических, психологических и психофизиологических проблем преступности, что само по себе весьма важно для дальнейшего приращения учений о преступности.

Системность, масштабность и ретроспективный подход к избранным проблемам дали возможность автору, с одной стороны, актуализировать разработанные ранее доктрины с точки зрения современного понимания вопросов преступления и наказания, а с другой – выявить комплекс новых проблем в теории криминологии и предложить пути их решения.

Учитывая это, крайне сложно в ограниченных рамках статьи проанализировать все те ценные для науки криминологии теоретические конструкции, концептуальные выводы и крайне интересные идеи, которыми насыщена книга профессора К.-Л. Кунца.

Поэтому я кратко остановлюсь лишь на двух из многочисленных вопросов, возникших у меня при прочтении этого фундаментального произведения.

Первый. Автор утверждает, что «преступность есть продукт общества, выражающий то или иное его культурное отношение к чему бы то ни было. Общество является той инстанцией, которая вырабатывает преступность» [1, с. 22].

Между тем объяснение преступления исключительно в качестве социального конструкта давно развеяно в криминологии и не воспринимается как «*satis constat*», так как, во-первых, по сей день в теории криминологии нет вразумительных ответов на вопрос о происхождении преступления (преступности), с чем и сам автор согласен [1, с. 82]. Во-вторых, наряду с преступлениями, порождёнными обществом (законодателем), суще-

ствуют и естественные преступления (к примеру, убийство из корыстных побуждений, кража с целью обогащения, изнасилование и т.д.), которые известны с момента сотворения человека (вспомним умышленное убийство Авеля из корыстных побуждений своим братом Каином).

Причём, естественные преступления как природная данность не зависят от методологического либо нормативного подхода и субъективной позиции познающего, так как есть действия, которые сами по себе были, являются и останутся надолго преступными безотносительно того, совершены ли они на территории государства или в первобытнообщинном строе, признаны ли они обществом на законодательном уровне или нет.

На мой взгляд, преступление как негативный и порицаемый обществом индивидуальный поведенческий акт возникло гораздо раньше, чем это было зафиксировано в позитивном праве, порождённом человеком в рамках созданного им государства. «Социальная среда, вне рамок которой невозможно совершить преступление, вместе с тем не является определяющей причиной преступного поведения» [2, с. 129], в противном случае все лица, воспитанные в неблагоприятных (с позиции криминологии) семьях (среде), совершали бы преступление. Человек с момента рождения внутренне запрограммирован как законами добра и зла (что хорошо, а что дурно), так и склонностью совершать преступление.

Иными словами, возможность существования преступления и вне рамок уголовного закона сужает истинность отдельных положений концепции социального конструкта, сторонником которой является господин Кунц.

Как известно, приверженцы этой концепции считают, что «в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним имманентным свойствам, «*sui generis, per se*», так как «преступление не является чем-то естественным по своей природе, а суть социальный конструкт». По их мнению, все виды преступления, включённые в национальные уголовные кодексы, являются не чем иным, как продуктом человеческого представления о добре и зле.

Не отрицая наличия рационального зерна в учении о социальном конструкте преступления, а также соглашаясь, что большинство

ныне криминализованных в УК РФ деяний есть ни что иное, как социальный конструкт (например, преступления в сфере экономической деятельности, должностные преступления, преступления против интересов службы т.д.), вместе с тем надо признать, что есть и преступления *malum in se*, появившиеся одновременно с человеком и являющиеся одной из ветвей генеалогического древа *homo sapiens*.

Эти естественные преступления (*crime naturale*) посягают на сущностную природу человека и на абсолютную, вневременную ценность его бытия, которые дарованы ему природой с момента его рождения. В силу этого они вечны, неприкосновенны и неотчуждаемы, не могут быть пересмотрены, декриминализованы или сужены кем бы то ни было ни во времени, ни в пространстве. Поэтому посягательство на них всегда считалось, считается и будет считаться преступлением.

Наконец, эти преступления не могли быть сконструированы государством по той простой причине, что отдельные его виды возникли намного раньше, чем само государство с его нормативными скрижалями.

Таким образом, история свидетельствует, что ни в одном обществе, начиная с земного первообщества Адама и Евы с его обычным правом и заканчивая современными обществами (в том числе и тоталитарными) с их позитивным правом, не ставилось под сомнение, что умышленное убийство из корыстных побуждений, кража с целью обогащения, изнасилование малолетней для удовлетворения похоти и т.д. являются злом (первобытное

общество), грехом (теологическое общество), преступлением (светское общество), совершение которого влечёт для виновного возмездие.

Поэтому хотим мы того или нет, но должны признать, что не все виды преступления сконструированы государством, властью, режимом, так как наряду с преступлениями, порождёнными цивилизацией (*crime publicum*), есть и естественные преступления (*crime naturale*), являющиеся имманентным свойством человека.

Другой вопрос, что не каждый человек совершает преступление, так же, как и не каждая собака кусает, хотя такой потенциал изначально предусмотрен в их природной конституции. В частности, по сей день остаётся загадкой: «Почему у одних этот потенциал активизируется, а у других – спит вечным сном?». Нет чёткого ответа и на вопрос: «Сознательно ли Творец заложил такой потенциал в конструкцию человека, либо это – досадная ошибка небесной канцелярии?».

Второй. Требуется дополнительных аргументов достаточно спорный тезис автора о том, что «после краха советской империи, в период кризиса европейского государства общего благосостояния и гомогенизации культур США становятся единственным основателем трендов и в криминологии, и в уголовной политике» [1, с. 70], учитывая, что подавляющее большинство великих криминологов и специалистов в области уголовного права как прошлого, так и современности – это выходцы или из европейского, или евразийского пространств.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кунц К.-Л. Введение в криминологическое мышление / Пер. с нем. к.ю.н. Ангелины Козловой. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019. 362 с.
2. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. Санкт-Петербург, ООО «Издательский дом Р. Асланова». «Юридический центр», 2013. 288 с.

REFERENCES

1. Kunz K.-L. Vvedenie v kriminologicheskoe myshlenie. [Introduction to criminological thinking]. Per. s nem. k.y.n. Angeliny Kozlovoy. St.P: ООО Izdatelskiy Dom «Alef-Press», 2019, 362 p.
2. Ragimov I.M. Filosofiya prestupleniya i nakazaniya. [Philosophy of crime and punishment]. Sankt-Peterburg, ООО «Izdatelskiy dom R. Aslanova». «Yuridicheskiy tsentr», 2013, 288 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ханлар Джафарович Аликперов – доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых исследований (Баку, Азербайджанская Республика); e-mail: xan_alikperov@hotmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Khanlar Dzhafarovich Alikperov – Doctor of Laws, professor, director of the Centre of legal researches (Baku, the Republic of Azerbaijan); e-mail: xan_alikperov@hotmail.com

УДК 343.9
ББК 67.51

Г.В. Зазулин

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ, ГЕОПОЛИТИКИ, ФИЛОСОФИИ, КОНФЛИКТОЛОГИИ И ПРАВА

Аннотация: Учебнику К.-Л. Кунца «Введение в криминологическое мышление» не хватает развёрнутого предисловия, написанного каким-либо известным отечественным криминологом, в котором, с одной стороны, была бы дана профессиональная оценка интересных для российской криминологии моментов, спорных утверждений швейцарского коллеги, с другой – подчеркнуты в рамках сравнительного подхода некоторые достоинства отечественной криминологии.

Ключевые слова: криминология; сравнительный подход; криминологическое мышление; Западная Европа; цивилизация.

G.V. Zazulin

CRIMINOLOGICAL THINKING IN THE CONTEXT OF HISTORY, GEOPOLITICS, PHILOSOPHY, CONFLICTOLOGY AND LAW

Summary: The textbook by K.-L. Kunz «Introduction to criminological thinking» needs a detailed foreword written by some well-known Russian criminologist. In this foreword, a professional assessment of interesting to Russian criminology moments and the controversial statements of a Swiss colleague would be given, and some advantages of Russian criminology were emphasized within the framework of the comparative approach.

Key words: criminology; comparative approach; criminological thinking; Western Europe; civilization.

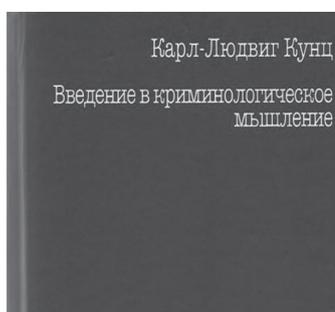
Мои первоначальные представления об учебнике профессора Карла-Людвига Кунца «Введение в криминологическое мышление» [6] сложились при прочтении тезисов его доклада, предисловия к данному учебнику [5], а также материалов Д.А. Шестакова «Ещё раз о фикции порождения преступления законом (К развитию преступноведческой теории в связи с учебником Карла-Людвига Кунца)» [8] и Х.Д. Аликперова «Современная криминология в трактовке профессора Кунца» [1].

Из предисловия к книге К.-Л. Кунца я узнал, что «она освещает различные аспекты криминологического мышления». Основное внимание в ней уделяется предмету изучения криминологии, а «... также тому, какое влияние на криминологию имеет политическая среда».

Амбициозность названия учебника – использование термина «мышление» и утверждение в предисловии о том, что в книге рассмотрена связь между криминологией и политикой стали побудительным началом, «усадившим меня за письменный стол», определившим содержание этой статьи.

Мы не так много знаем о механизме мышления, но вряд ли кто-то будет отрицать, что оно использует слова, ведь мышление без использования таковых невозможно. Соответственно, научное мышление существует только тогда, когда есть термины, смысл (значение) которых всеми понимается одинаково.

Однако человечество, как историческое объединение противостоящих веками (в геополитическом смысле) Запада и Востока, никогда не было единым социокультурным субъектом. Более того, современное челове-

Karl-Ludvig Kunz
Criminological thinking.
An introduction

Издательский Дом «Алеф-Пресс»
Санкт-Петербург
2019

ство – это не только объединение борющихся на геополитическом уровне за доминирование локальных человеческих цивилизаций (китайской, индийской, исламской, европейской, российской, японской и др.), но и поле борьбы между представителями традиционного общества, модерна и постмодерна, которые используют одни и те же слова (термины), но вкладывают в них различный смысл. Наибо-

лее остро это ощущается на примере таких понятий, как демократия, справедливость, свобода, порядок, безопасность, права человека.

Для наглядности отличия основных современных локальных человеческих цивилизаций, их культурно-цивилизационных кодов (матриц), обуславливающих самобытность, сведены в таблицу (табл. 1) [4].

Табл. 1. Культурно-цивилизационные коды (матрицы) современных мировых цивилизаций

Вид цивилизации	Код (матрица) цивилизации
Западная	выгода (материальная, прежде всего) – экспансия – насильственность (внешнее проявление)
Российская	совесть – святость – справедливость (во внешнем мире ощущение необходимости всеобщей справедливости)
Китайская	добродетель – китаецентричность мира – негибкость
Индийская	внутренняя свобода – этноцентризм – независимость нации (индуизм)
Исламская	долг – распространение ценностей ислама

Как можно приспособиться к различному пониманию одних и тех же явлений? Думаю, для этого необходимо использовать предложенный отечественным философом А.Г. Дугиным парадигмальный анализ, т.е. учитывать, что при переходе от традиции к модерну смысл одного и того же слова (термина) меняется на противоположный, а при переходе к постмодерну – может стать каким угодно, т.к. в постмодерне он полностью зависит только от того субъективного, которое доминирует в «постмодернисте», использовавшем данное слово в своей речи или тексте [3]. Значит по А.Г. Дугину слово «преступление» одно, а смысла у него должно быть как минимум три: два слова имеют противоположные значения, а третье – какое угодно, вплоть до отрицания смысла вообще.

Изложенное выше несколько не противоречит справедливому утверждению Д.А. Шестакова о «сосуществовании двух подходов к пониманию термина «преступление» (правового и преступноведческого), так как речь идёт о разных контекстах определения этого важнейшего для криминологии понятия.

Завершая рассмотрение философского аспекта, который архиважно, когда речь идёт о мышлении, особенно научном, хочу подчер-

кнуть, что, поскольку, как уже было показано на геополитическом уровне, человечество никогда не было единым социокультурным субъектом (*основанным на одних и тех же высших ценностях, ради которых люди живут, готовы эти ценности защищать с оружием в руках, а если потребуется, то отдать за них свою жизнь*), нам необходимо сделать вывод о том, что у человечества нет «философии вообще», а есть «мировая философия», состоящая как минимум из трёх различных философий: *западной, восточной и русской*.¹

Поскольку прошедшая в Клубе 27 сентября 2019 года международная беседа имела тему «Теоретическая криминология в сравнении», российские криминологи, участвовавшие в ней, не должны забывать вот о чём. Предельные основания криминологического мышления западного криминолога уходят корнями в западную философию, а российского, если

¹ Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов-на-Дону. Феникс. 1996. С. 511. (Составители данного словаря предприняли попытку показать смысловое содержание основных терминов философии Запада, философии Востока и философии России).

он не европейничает² – в русскую. Возможно, деление криминологии в немецкоязычных странах на три учебных направления, предложенное К.-Л. Кунцом: криминология «случайная»; криминология, ориентированная на уголовное право; социально-критическая криминология имеет место и в российских вузах. Однако в научном плане российским криминологам очень важно посмотреть на преступноведение в России через призму парадигмального анализа и выделить внутри него: 1) криминологию, присущую традиционному обществу, 2) криминологию модерна и 3) постмодернистскую криминологию (конструктивизм).

В контексте отечественной конфликтологии развитию криминологического мышления будет способствовать осознание населением влияния не только на криминологию, но и на жизнь всех людей на планете не просто «политической среды», а мирового гегемона – глобальной олигархической власти (ГОВ). Она формирует в своих интересах фальшивые идеалы, вредные системы ценностей и стереотипы поведения.

А.П. Данилов среди видов разноплановой глобальной преступной деятельности, осуществляемой ГОВ, выделяет и информационно-идеологическую. Она заключается в установлении ГОВ через мировые СМИ, институты культуры и образования, интернет и телевидение, иные источники информации контроля над общественным мнением, управление им, в том числе посредством сообщения искажённой и/или ложной информации, в разложении через указанные средства нравственности, национальных культур и развитии у населения различных страхов для достижения своих корыстных целей и облегчения совершения преступлений, например, актов агрессии [2, с. 57].

Для противодействия ГОВ на политическом уровне необходимо ввести в научный оборот новый термин – «российская государственная контргегемония» – *это согласованная деятельность всех российских государственных органов власти, органов местного самоуправления и общественных организаций, направленная на обеспечение государ-*

ственных, национальных и цивилизационных интересов единого многонационального русского народа внутри страны и во всём мире.

В настоящее время данная деятельность заблокирована, т.к. руководящие государственные должности в своём большинстве заняты или «европейскими русскими», утратившими национальное самосознание, или космополитами, чьё сознание пропитано европоцентризмом, американизмом, отравлено русофобскими мифами. Поэтому «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (далее по тексту – Стратегия), утверждённая Указом Президента РФ № 683 от 31.12.2015 года, призвавшая всех чиновников в обязательном порядке осуществлять свою деятельность на основе традиционных российских культурно-исторических и духовно-нравственных ценностей, фактически не выполняется (исключение – военная сфера), что очень негативно сказывается на криминогенной обстановке.

Отмечу, мои представления об учебнике профессора К.-Л. Кунца получили своё дальнейшее развитие после его выступления на беседе. Судя по 25-минутному докладу г-на Кунца, он отдаёт себе полный отчёт в том, что обсуждаемый учебник посвящён не всей европейской криминологии, а только преступноведению германоязычных европейских стран. По ходу доклада эту важную мысль автор учебника подчёркивал дважды (!). Это положение резко контрастирует с тем, как поступил «наш отечественный» издатель данной книги, необоснованно назвавший её «Введение в криминологическое мышление», как будто в книге речь идёт не о западноевропейском криминологическом мышлении, а о каком-то всемирном, всеобщем. Однако это же не так.

Момент истины наступил, когда автору был задан вопрос: *«Вы сами являетесь сторонником однополярного мира (единого мирового порядка) или Вы за многополярный мир?»*. На него г-н Кунц ответить не смог, так как, скорее всего, не понял суть вопроса. Ведь для формирования ответа необходимо, чтобы криминологическое мышление автора учебника позволило ему усмотреть связи между политической борьбой на мировой арене (конфликтом между локальными человеческими цивилизациями) и преступностью в странах,

² Европейничать – бездумно ориентироваться на Западную Европу, слепо перенимать всё европейское.

входящих в локальные цивилизации. Об этом я мог бы не писать, если бы Издательский Дом «Алеф-Пресс» не рекомендовал данный учебник студентам политологических факультетов, а ограничился только теми, кто обучается на юридических.

Дальнейшие размышления о состоявшейся научной беседе, более тщательное ознакомление с учебником профессора Кунца позволили полнее осознать, что мне – криминологу «принимающей стороны» – в нём не нравится кроме названия, которое должно быть более «скромным». Например, «Введение в западноевропейское криминологическое мышление» или «Введение в криминологическое мышление: западноевропейский опыт».

Русскому переводу данного учебника объективно не хватает развёрнутого предисловия, написанного каким-либо известным отечественным криминологом, в котором, с одной стороны, была бы дана профессиональная оценка интересных для российской криминологии моментов, спорных утверждений швейцарского коллеги, с другой – подчеркнуты в рамках сравнительного подхода некоторые достоинства отечественной криминологии.

Даже если исходить лишь из содержания отклика Д.А. Шестакова на тезисы доклада профессора Кунца [7], размещённого на сайте Санкт-Петербургского международного криминологического клуба до беседы, совершенно очевидно, что при написании предисловия к данному учебнику Дмитрием Анатольевичем, оно бы существенно помогло российским читателям, прежде всего студентам, в установлении непростых истин «преступностиведческого мышления».

Не сомневаюсь, что в предисловии (в противовес взглядам К.-Л. Кунца) было бы подчеркнуто, что юристу всегда необходимо помнить о двух подходах к понятию «преступление»: юридическом (уголовно-правовом) и криминологическом. В рамках последнего под преступлением следует понимать *«виновное*

деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно к признанию его в качестве такового законом» [9].

Думаю, что при издании на русском языке любого иностранного учебника по «криминологическому мышлению» в него следует включать предисловие, в котором именитые отечественные криминологи, например, создатели криминологических школ, могли бы объяснять, как иностранная авторская концепция соотносится с отечественной криминологической теорией, насколько она соответствует / не соответствует «историческому выбору» современной России, закреплённому, в частности, в положениях Стратегии.

Ведь невыполнение в течение почти четырёх лет Стратегии, требующей от руководителей всех органов власти руководствоваться в принятии решений национальными интересами, связано с тем, что в сознании руководителей, а многие из них в качестве высшего имеют юридическое образование, доминируют западноевропейские, а не традиционные российские духовно-нравственные ценности. Поэтому, решая различные проблемы постсоветского развития страны, в том числе противодействия преступности, им никогда не придёт в голову искать «пророков в своём Отечестве», тем более, что есть Запад, который во всех сферах, включая криминологию, предлагает свой собственный опыт, но не как опыт одной из локальных человеческих цивилизаций (европейской), а как достижение мировой мысли и вершину общечеловеческого блага.

Трансляторов и «внедрителей» западного опыта (как международного), несмотря на то, что он чужд сформированному православному верой мышлению русского человека и своеобразию нашего национального самосознания, в нашем Отечестве всегда хватало. Пора бы нам это осознать и сделать должные для практики противостояния «мягкой силе» выводы.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликперов Х.Д. Современная криминология в трактовке профессора Кунца // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (54). С. 39–41.
2. Данилов А.П. Информационно-идеологические меры противодействия глобально организованной преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 57–59.
3. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение. 2009. 744 с.
4. Ивашов Л.Г. Геополитика русской цивилизации / Отв. ред. О.А. Платонов. М. Институт русской цивилизации. 2015. 800 с.

5. Криминологическое мышление. Введение – Criminological Thinking. An Introduction (in Russian). URL: https://www.researchgate.net/publication/335110549_Kriminologiceskoe_myslenie_Vvedenie_--_Criminological_Thinking_An_Introduction_in_Russian (дата обращения: 23.09.2019).

6. Кунц К.-Л. Введение в криминологическое мышление / Пер. с нем. к.ю.н. Ангелины Козловой. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019. 362 с.

7. Теоретическая криминология в сравнении. URL: <https://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/369-2019-10-01-21-12-23.html> (дата обращения: 01.10.2019).

8. Шестаков Д.А. Ещё раз о фикции порождения преступления законом (К развитию преступности-ведческой теории в связи с учебником Карла-Людвига Кунца) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (54). С. 30–38.

9. Шестаков Д.А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, Издательство «Лань», 2001. 264 с.

REFERENCES

1. Alikperov H.D. Sovremennaya kriminologiya v traktovke professora Kuntsa. [Modern criminology in the interpretation of Professor Kunz]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 3 (54), pp. 39–41.

2. Danilov A.P. Informatsionno-ideologicheskie mery protivodeystviya globalno organizovannoy prestupnosti. [Information and ideological measures of globally organized crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 57–59.

3. Dugin A.G. Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli. [Postphilosophy. Three paradigms in the history of thought]. М.: Evraziyskoe dvizhenie, 2009, 744 p.

4. Ivashov L.G. Geopolitika russkoy tsivilizatsii. [Geopolitics of Russian civilization]. Otv. red. O.A. Platonov. М. Institut russkoy tsivilizatsii, 2015, 800 p.

5. Kriminologicheskoe myshlenie. Vvedenie. [Criminological Thinking. An Introduction (in Russian)]. (URL: https://www.researchgate.net/publication/335110549_Kriminologiceskoe_myslenie_Vvedenie_--_Criminological_Thinking_An_Introduction_in_Russian (date of submission: 23.09.2019).

6. Kunz K.-L. Vvedenie v kriminologicheskoe myshlenie. [Introduction to criminological thinking]. Per. s nem. k.y.n. Angeliny Kozlovoy. St.P.: ООО Izdatelskiy Dom «Alef-Press», 2019, 362 p.

7. Teoreticheskaya kriminologiya v sravnenii. [Theoretical criminology in comparison]. URL: <https://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/369-2019-10-01-21-12-23.html> (date of submission: 01.10.2019).

8. Shestakov D.A. Eshche raz o fiksii porozhdeniya prestupleniya zakonom (K razvitiyu prestupnostivedcheskoy teorii v svyazi s uchebnikom Karla-Lyudviga Kuntsa). [Once again on the fiction of the creation of crime by law (On the development of criminological theory in connection with the textbook of Karl-Ludwig Kunz)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 3 (54), pp. 30–38.

9. Shestakov D.A. Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. Kratkiy kurs. [Criminology: crime as a social trait]. St.P.: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy niversitet, Izdatelstvo «Lan», 2001, 264 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Георгий Васильевич Зазулин – кандидат юридических наук, доцент, ст. научный сотрудник ООО «Многопрофильное предприятие «ЭЛСИС»» (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: zazulin.ecad@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Georgy Vasilievich Zazulin – PhD in Laws, associate professor, senior researcher of Multidisciplinary Enterprise «EL SIS» Ltd. (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: zazulin.ecad@gmail.com

УДК 343.9
ББК 67.51

Н.И. Пишикина

«ВВЕДЕНИЕ» ПОЛУЧИЛОСЬ

Аннотация: Обмен результатами научной деятельности между учёными разных стран даёт им бесценную возможность для более глубокого исследования изучаемого объекта. Это относится и к видению проблем преступности, представленному профессором Карлом-Людвигом Кунцем в его труде «Введение в криминологическое мышление».

Ключевые слова: преступность; теории преступности; предупреждение преступлений; уголовная политика.

N.I. Pishikina

«INTRODUCTION» CAME OFF FINE

Summary: The exchange of scientific results between scientists from different countries gives them an invaluable opportunity for a deeper research of the studied object. This also applies to the vision of crime problems presented by Professor Karl-Ludwig Kunz in his «Introduction to Criminological Thinking».

Key words: crime; crime theory; crime prevention; criminal policy.

Моё детальное знакомство с книгой Карла-Людвига Кунца «Введение в криминологическое мышление» [2] состоялось уже после её представления в Клубе 27 сентября 2019 года. Однако, может быть, это и к лучшему: получив общее широкое представление о труде в ходе беседы, можно ещё лучше узнать его при самостоятельном изучении.

В аннотации книги сказано, что данная работа – это современный западный учебник по криминологии. По своей структуре, стилю изложения книга К.-Л. Кунца отличается от отечественных учебников по преступности-ведению, к которым привыкли мы: издание характеризуется энциклопедическим подходом к проблемам преступности и социального контроля в обществе постмодернизма [2, с. 2].

Как отмечено очными и заочными участниками беседы, профессор Кунц ненавязчиво заинтересовывает читателя, обозначая проблему, но не раскрывая её полностью, а лишь давая направление для самостоятельного исследования [1; 3].

Примечательно, что в отличие от нашей страны, где результаты криминологических изысканий не привлекают особого внимания и, в основном, не находят реализации в практической деятельности, «в Германии криминологические службы организованы при Федеральном ведомстве Уголовной полиции Германии, Криминологическом исследовательском институте Нижней Саксонии, Кри-

минологическом Центральном Управлении, Министерстве Юстиции Федеральных Земель» [2, с. 9].

В рамках определения предмета исследования представляют интерес «критическое» и «радикальное» понимания предупреждения преступлений в зарубежной академической криминологии. В частности, по мнению Г. Руше и О. Кирххаймера, задача уголовно-правовой системы состоит не в предупреждении преступлений, а в том, что контроль над преступностью и, в особенности, процесс исполнения уголовных наказаний направлены на «дисциплинирование, контроль рабочего класса». Э. Сазерленд, основываясь на своих исследованиях, приходит к неутешительному выводу: уголовно-правовая система выборочно концентрируется на определённых деяниях тех или иных групп лиц, при этом игнорируя другие деяния и группы [2, с. 13–14].

Появившийся в этой связи термин «преступление сильнейших» стал маркером незамеченных и не преследуемых преступлений социальной, экономической и политической власти. Эта ситуация характерна для многих государств, в том числе и для России. Об этой проблеме много говорят и отечественные специалисты, в особенности, в рамках политической криминологии.

Ещё одним достоинством труда профессора Кунца является обширный анализ теорий, разработанных в зарубежной криминологии

в конце XX века. Среди них стоит отметить мало описанные в отечественной учебной литературе теории контроля, постмодернизма. «Постмодернистское развитие способствует общественным процессам эмансипации и индивидуализации, которые, с одной стороны, предоставляют свободу, а с другой, способствуют разрушениям социальных связей, оставляя человека «один на один с собой». Человек вынужден конкурировать с другими в борьбе за ограниченные ресурсы. Нахождение в условиях повышенного риска порождает в человеке стремления к самоутверждению, наслаждению, вызывает безразличие к другим людям, находящимся в состоянии крайнего социального бедствия [2, с. 172]. Если это так, то, думается, бесполезно, например, взывать к представителям российской элиты об их социальной ответственности. Скорее, здесь необходимы другие механизмы.

Наиболее меня заинтересовали теории ресоциализирующего стыда и баланса контроля. Неожиданным стало то, что в зарубежной криминологии выделена феминистская теория, в рамках которой брак, ведение домашнего хозяйства сравнивают с тюрьмой, поскольку семейная жизнь и социальный контроль воспринимаются мужчинами и женщинами по-разному [2, с. 225]. При этом женщина должна соответствовать принятым в публичной сфере правилам, чаще всего установленным мужчинами. В отечественной криминологии в связи с активным включением слабого пола в экономическую деятельность этой проблеме также уделяется внимание.

Анализируя теории преступности, профессор Кунц излагает своё видение их недостатков, практически всегда отмечает значение теории не только для науки, но и для практики. Следует с ним согласиться в том, что на сегодняшний день в криминологии имеется множество теорий преступности, что обуславливает необходимость их упорядочивания. В связи с этим представляется интересной в научном плане предлагаемая К.-Л. Кунцем модель систематизации теорий по двум направлениям:

- 1) интеграция отдельных теорий или их элементов;
- 2) создание специальной модели для исследования теорий преступности, выявляющей их специфические характеристики, обеспечивающей наглядность взаимодействия и несовместимости данных теорий [2, с. 238].

Нельзя оставить незамеченным следующее мнение автора работы: невозможность признать преступность нормальным явлением обосновывается её опасностью, способностью снижать ориентирующую функцию норм уголовного права по социально приемлемому поведению. Стимул жить по зафиксированным в уголовном законодательстве поведенческим рекомендациям будет ослаблен, если нарушения рекомендаций станут нормой. Преступление, как противопоставление социально желаемому поведению, должно сохранить оттенки чёрного, чтобы скучная серость юридически конформных усилий не воспринималась бы как непривлекательная [2, с. 247].

Основные положения, касающиеся противодействия преступности, профессор Кунц вынес в главу «Уголовная политика в период позднего модернизма». Здесь необходимо отметить ещё один приём автора. Он сравнивает «просвещённую уголовную политику» до 1980-годов с уголовной политикой позднего постмодерна. Такой подход позволяет увидеть многие плюсы и минусы прошлого и настоящего. Сформировавшаяся в эпоху Просвещения в Западной Европе уголовная политика стала «политикой ограничения контроля над преступностью и предупреждения преступлений, осуществляемого средствами уголовного права. В то время, как просвещение требует разумно реагировать на нарушения права, в обществе устанавливается необходимость рациональной криминологической политики» [2, с. 249].

Позже основным вектором криминологической политики стало стремление свести контроль над преступностью к предупреждению преступлений. В частности, получило распространение применение в отношении преступников мер устрашения. При этом предполагалось сдержанное реагирование на преступность. Однако реализация такой политики в широком масштабе стала возможной только после окончания Второй мировой войны: в соответствии с «концептом государства всеобщего благосостояния, которое в своей программе закрепляло необходимость снижения социального неравенства, создания приблизительно равных возможностей и социальную интеграцию маргиналов и переселенцев за счёт государственного посредничества» [2, с. 250].

Таким образом, основной задачей такой политики становится распределение благ среди большинства граждан, результатом чего будет переустройство общества. «Предупреждение преступности понимается как выражение благотворительного отношения к бедности и нужде, уголовная политика – как часть обширной интегративной социальной политики» [2, с. 250].

Интересно также отношение к наказанию, которое рассматривалось нерациональным и сомнительным инструментом из прошлого. При этом в среднесрочной перспективе отказ от наказания считался преждевременным, но его следовало назначать за действие, юридически определяемое как наказуемое, а размер наказания должен быть соизмерим со степенью вины обвиняемого. Эта направленность выражалась в таких формулах, как «разделение морали и необходимость наказания, ресоциализация правонарушителей, лечение и социальная терапия» [2, с. 251].

Отметим, в нашей стране, начиная с конца 1950-х годов начинает формироваться и к первой половине 1980-х годов выстраивается эффективная система предупреждения преступлений, во многом по социальной направленности схожая с вышеизложенными компонентами уголовной политики Западной Европы. Советское общество было достаточно однородно в материальном плане. Общественные структуры в значительной степени участвовали в индивидуальной профилактике, активно применялись условное осуждение, отсрочка исполнения приговора. Развивалась деятельность товарищеских судов, использовались возможности передачи преступников, совершивших преступления небольшой тяжести, на поруки учебных и трудовых коллективов.

Уголовная политика в Западной Европе, по мнению профессора Кунца, кардинально изменилась в 1980-х годах. В этот период произошла смена модернистской модели общества благосостояния на модель нелиберального толка. И хотя полного отказа от интегративной социальной политики и идеи реинтеграции правонарушителей не произошло, изменилась оценка их значимости в повседневной политике, а также вера в их успех. Неoliberalизм провозглашает индивидуальную свободу и мобильность, дискредитируя при этом социальную неблагополучность, как проявление

личной неэффективности, пассивности, отсутствия мотивации, а также результат асоциального образа жизни людей.

В результате социальная сплочённость стремительно снижается. Социально гарантированные ранее условия труда перестают быть таковыми, а социально незащищённые слои населения сталкиваются с более жёстким отношением к себе. Создавшаяся ситуация требует новых социальных и финансовых гарантий, обеспечение которых становится всё менее реальным. Это, в свою очередь, отражается на преступности, на которую всё чаще обращают внимание СМИ и политики. После террористических атак 11 сентября 2001 года в США, а также нескольких террористических актов в Европе западное общество утратило убеждённости в своей неуязвимости. В неолиберальной интерпретации западная культура приобретает атрибуты общества с культурой страха [2, с. 256–257].

При этом автор обращает внимание на крайне опасную сущность неолиберальной идеологии, скрывающей в себе потенциал «политического взрыва, раскалывающего общество». Одновременно она предполагает неуместность национальных и культурных связей, традиционных иерархий и ценностей. Данная идеология не признаёт значимость политического давления, принимает экономическое превосходство за единственно необходимый критерий в решении проблем.

По этой причине государственным инстанциям недостаточно обеспечивать общественную безопасность только своими силами или поощрять граждан к самозащите. Культура страха требует изменения самой стратегии по обеспечению гарантий безопасности: наряду с технологическими и инструментальными мерами по обеспечению безопасности необходимы более впечатляющие «сигналы» о готовности к решительной борьбе с несправедливостью [2, с. 258]. В этой связи вспоминаются реформа системы МВД, частые кампании по противодействию коррупции в нашей стране, которые, видимо, россияне должны воспринимать в качестве сигналов по обеспечению безопасности.

По мнению К.-Л. Кунца, политика безопасности сталкивается с решением двоякой проблемы. С одной стороны, необходимо сформировать серьёзное отношение к растущей неопределённости в обществе, порождающей

страх, а с другой, убедить, что чрезмерная озабоченность ничем не обоснована, и всё, в конечном счёте, находится под контролем.

На самом деле состояние неопределённости, отсутствие чётких жизненных перспектив, прежде всего, у молодого поколения россиян, не смотря на декларирование позитивных изменений в молодёжной политике, порождает в российском обществе схожее состояние неуверенности, безысходности, пассивности, страха, с одной стороны, и эмигранцию, протест, преступления, с другой.

К сожалению, так же, как и в «западных странах, политические решения нередко принимаются в свете их предполагаемого влияния на отклик в СМИ» [2, с. 260].

В заключение надо сказать, что можно, конечно, обсуждать отдельные спорные положения, высказанные на страницах книги профессора Кунца, ведь в споре рождается истина. Однако важнее то, что это издание – результат его многолетнего теоретического и практического труда, за который хочется сказать спасибо!

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аликперов Х.Д.* Современная криминология в трактовке профессора Кунца // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (54). С. 39–41.
2. *Кунц К.-Л.* Введение в криминологическое мышление / Пер. с нем. к.ю.н. Ангелины Козловой. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019. 362 с.
3. *Шестаков Д.А.* Ещё раз о фикции порождения преступления законом (К развитию преступности-ведческой теории в связи с учебником Карла-Людвига Кунца) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (54). С. 30–38.

REFERENCES

1. *Alikperov H.D.* Sovremennaya kriminologiya v traktovke professora Kuntsa. [Modern criminology in the interpretation of Professor Kunz]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 3 (54), pp. 39–41.
2. *Kunz K.-L.* Vvedenie v kriminologicheskoe myshlenie. [Introduction to criminological thinking]. Per. s nem. k.y.n. Angeliny Kozlovoy. St.P: ООО Izdatelskiy Dom «Alef-Press», 2019, 362 p.
3. *Shestakov D.A.* Eshcheraz o fiktsii porozhdeniya prestupleniya zakonom (K razvitiyu prestupnostivedcheskoy teorii v svyazi s uchebnikom Karla-Lyudviga Kuntsa). [Once again on the fiction of the creation of crime by law (On the development of criminological theory in connection with the textbook of Karl-Ludwig Kunz)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 3 (54), pp. 30–38.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нина Ивановна Пишикина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС РФ (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: pishinina@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nina Ivanovna Pishikina – PhD in Laws, associate professor, associate professor of the department of law of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: pishinina@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

И.В. Мезенцев

ЕСЛИ ЗАКОН СУРОВ, МОЖЕТ ЛИ ОН БЫТЬ ЗАКОНОМ?

Аннотация: Учебник К.-Л. Кунца будет интересен широкому кругу читателей: от студентов и аспирантов до сотрудников правоохранительной системы.

Ключевые слова: криминология; преступление; вина; суровость наказания.

I.V. Mezentssev

IF THE LAW IS HARSH, CAN IT BE LAW?

Summary: Textbook by K.-L. Kunz will be interesting to a wide range of readers: from students and postgraduates to law enforcement officers.

Key words: criminology; crime; guilt; severity of punishment.

27 сентября 2019 года профессор Бернского университета Карл-Людвиг Кунц представил в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе свой учебник «Введение в криминологическое мышление» [1], изданный на русском языке. В нём, кроме всего прочего, автор указывает на то, что суровость наказания не увеличивает эффективность предупреждения преступлений.

Профессор Кунц, наряду с рядом других криминологов, выступает против серьёзных ограничений прав граждан, в том числе при применении наказаний за преступления небольшой тяжести. Непросто воспитать законопослушного члена общества, лишь устанавливая суровые наказания, связанные с лишением свободы.

Работа К.-Л. Кунца написана хорошим научным языком. Она даёт возможность читателю ознакомиться с широким кругом проблем, связанных с вопросами преступности, поднимаемыми в немецкоязычных странах. Особый интерес вызывает авторский анализ различных теорий преступности, криминологических исследований. Например, эксперимент с близнецами, проведённый с целью установления единого преступного, «девиантного» поведения. Справедливо было отмечено, что это исследование проводилось в течение непродолжительного времени и только в отношении некоторых индивидуумов. Его результаты неочевидны и требуют дальнейшей корректировки. Также любопытен анализ «психиатрической» теории происхождения преступников.

В России можно было бы использовать важный опыт швейцарской судебной систе-

мы, когда лицо до назначения ему наказания либо своего освобождения изучается специальной судебной комиссией, включающей психиатров, представителей муниципальной власти. К сожалению, в России мнение врача-психиатра учитывается только при определении степени вменяемости.

В своём труде К.-Л. Кунц не стал заострять внимание на проблемах вины, хотя понятия «виновность» и «преступление» неразрывно связаны. Для многих правоведов определение виновности ограничено рамками уголовного закона и некоторыми теоретическими изысканиями, устанавливающими вину как психическое отношение к совершённому деянию и его последствиям.

В Уголовном кодексе РФ не закреплено определение вины. Выводятся лишь «формулы» умышленного преступления (ст. 25), преступления, совершённого по неосторожности (ст. 26). Вместе с тем, необходимо развивать и понятие невиновного причинения вреда (ст. 28).

Согласно ч. 1 ст. 28 УК РФ, деяние признаётся совершённым невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть.

По нашему мнению, не могут быть признаны преступными следующие действия: покупка предметов видео- и фотофиксации, ограниченных в обороте, замаскированных под иные вещи – флешкарты, очки, ручки. Так, «в кон-

це января 2017 года гражданин Васильев для личных целей заказал в интернет-магазине с доставкой из Китая устройство «Мини А8», используемое для передачи акустической информации из помещения. Устройство, как заявляло следствие, запрещено к свободному обороту в РФ, так как относится к специальным техническим средствам для негласного получения информации. В дальнейшем следственные органы прекратили уголовное дело ввиду отсутствия состава преступления» [2].

В 2017 году на ежегодной пресс-конференции Президент РФ В.В. Путин высказал сомнение по вопросу необходимости криминализации таких деяний-приобретений, в том числе в части покупки средств наблюдения за своими животными или близкими людьми.

После президентского заявления появились соответствующие разъяснения Верховного Суда РФ, предостерегающие нижестоящие суды от вынесения незаконных и несправедливых приговоров, поскольку необходима не только констатация факта сделки, но и установление преступного умысла, направленного на незаконное слежение. Следовательно, нужно доказывать злонамеренное желание нарушить закон, причинение значи-

тельного вреда государственным или общественным интересам.

Затем Генеральная прокуратура РФ начала полномасштабную проверку законности и обоснованности всех уголовных дел данной категории. Результаты проверки пока не обнародованы, но понятно, что теперь число выявляемых преступлений, предусмотренных ст. 138.1 УК РФ «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации», значительно уменьшится. В перспективе, полагаем, данная статья будет частично декриминализована, станет восприниматься как анахронизм.

Другое дело, если человек сознательно нарушает установленные правила. Здесь уже действует злонамеренность, и уголовное законодательство должно выделять такую категорию лиц, назначая более суровое наказание. И, наоборот, освобождая первую категорию лиц (незлонамеренных) от наказания.

В завершение отметим, учебник К.-Л. Кунца будет интересен широкому кругу читателей: от студентов и аспирантов до сотрудников правоохранительной системы.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кунц К.-Л. Введение в криминологическое мышление / Пер. с нем. к.ю.н. Ангелины Козловой. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019. 362 с.
2. Следствие закрыло дело курганского фермера, купившего GPS-маячок для коровы. URL: <https://ria.ru/20180321/1516942148.html> (дата обращения: 10.11.2019).

REFERENCES

1. Kunz K.-L. Vvedenie v kriminologicheskoe myshlenie. [Introduction to criminological thinking]. Per. s nem. k.y.n. Angeliny Kozlovoy. St.P: ООО Izdatelskiy Dom «Alef-Press», 2019, 362 p.
2. Sledstvie zakrylo delo kurganskogo fermera, kupivshego GPS-mayachok dlya korovy. [The investigation closed the case of a Kurgan farmer who bought a GPS for a cow]. URL: <https://ria.ru/20180321/1516942148.html> (date of submission: 10.11.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Игорь Вячеславович Мезенцев – ассистент кафедры уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: mezezman@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Igor Vyacheslavovich Mezentsev – assistant of the department of criminal law and criminal procedure of St. Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: mezezman@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

А. Лепс

ПРЕСТУПНОСТЬ В ЭСТОНИИ: АНАЛИЗ К 100-ЛЕТИЮ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: Ранняя стадия капиталистического общества – разбойный капитализм – сопровождалась в Эстонии объяснимо резким увеличением общего числа преступлений. В последние годы оно уменьшается, что обусловлено сокращением числа преступлений против имущества (за счёт частичной декриминализации краж). Однако выросло число преступлений против жизни и здоровья граждан.

Ключевые слова: преступность; Эстонская Республика; заключённые; глобализация.

А. Leps

CRIME IN ESTONIA: ANALYSIS TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE REPUBLIC

Summary: The early stage of capitalist society – robbery capitalism – was accompanied in Estonia by an understandably sharp increase in the total number of crimes. In recent years, it has decreased, due to a reduction of crimes against property (due to partial decriminalization of theft). However, the number of crimes against the life and health has increased.

Key words: crime; Republic of Estonia; prisoners; globalization.

Некоторые обобщающие замечания.

В связи со 100-летием Эстонской Республики уместно проанализировать статистику правонарушений, совершённых за годы её существования. Начиная с 2003 года, официальную статистику о преступлениях публикует Министерство юстиции Эстонии.

Общество или «гражданское общество», как любил говорить великий немецкий философ Гегель, а также государство имеют определённое строение, обусловленное юридическими законами. В каждом государстве они действуют по-своему, в силу национальной идентичности и уникального исторического опыта, присущего тому или иному народу. Не следует забывать, что каждая эпоха является продолжением предыдущей. Поэтому и нынешние правонарушения связаны со «вчерашними».

Никакая статистика не является совершенно точной. Может быть, А. Эйнштейн пришёл к своей теории вероятности именно через статистику, которая по своей сути в большей или меньшей степени вероятностна!

В настоящей статье сделана попытка осветить лишь самые важные вопросы. Особенно «отутюжил» автор этих строк статистику правонарушений 1919–1938 годов,

чтобы показать их динамику, обеспечить возможность сравнения с другими периодами.

Нельзя также не упомянуть о том, что правовед, как член общества, современник определённой исторической эпохи, имеющий философские, экономические, политические и прочие взгляды, должен быть честным по отношению к себе и науке!

Преступность.

Динамика преступлений, зарегистрированных эстонскими службами охраны правопорядка в 1904–2018 гг. представлена на рисунке ¹ (данные за 1939–1944 годы отсут-

¹ Все рисунки подготовлены магистром права Галиной Бибиковой.

ствуют). Нижняя кривая не учитывает нарушений административных постановлений, а показывает, в первую очередь, преступления, совершённые работниками и безработными (как правило, средние и бедные слои населения). Преступные деяния (служебные и экономические) работодателей, государственных чиновников и служащих самоуправлений (более состоятельные слои населения), к сожалению, в этот период зачастую в уголовной статистике не отражались.

Анализ преступлений, зарегистрированных службами охраны правопорядка, показывает, что число преступлений в 1950–1980 годы было в 8 раз ниже, чем в 1919–1938 и 1992–2000 годы, и в 9 раз ниже, чем в годы XXI века. Самое большое число преступлений зарегистрировано в Эстонии в 2001 году – 58 497.

Такая значительная разница зарегистрированных преступлений не связана с искажениями официальной статистики, присущими любому государству. Во времена советской милиции практически отсутствовала безработица, доходы граждан были примерно одинаковыми – это обеспечивала проводимая государством политика. Милиция работала не хуже нынешней полиции.

В отдельные годы советской власти число преступлений всё же росло. И так как этот факт не укладывался в рамки действовавшей идеологии, согласно которой с развитием социализма преступность должна была исчезнуть, данные о преступлениях были засекречены.

Автор статьи был одним из первых исследователей в мире, кто для выявления неучтён-

ных преступлений стал применять (1991 год) специальную методику: число зарегистрированных самых тяжких преступлений – преднамеренных убийств – сравнивалось с общим числом зарегистрированных преступлений. При помощи данной методики анализировалась преступность в 95 государствах мира. Очевидно, что далеко не все из них раскрывали действительные данные о преступности.

Используя данную методику применительно к советскому периоду Эстонии, мы видим, что официальная статистика была достаточно правдивой. Число преднамеренных убийств незначительно, они совершались сравнительно редко [1].

Ужасающий рост числа преднамеренных убийств отмечен в Эстонии в так называемый переходный период: 1990–1998 годы. В 1992 году зарегистрировали рекордное число преднамеренных убийств и попыток убийства – 239. Это было время классического разбойного капитализма, люди разбогатели преступным путём, появился класс собственников-капиталистов. В то же время закон часто «молчал», как и во время войн в Древнем Риме. В последние годы количество убийств значительно сократилось, но увеличилось число преступлений против личности.

Обретение Эстонией самостоятельности привнесло в её жизнь вместе со свободой также и множество проблем: экономические трудности, резкое имущественное расслоение населения, безработица. На этом негативном социальном фоне резко выросло число преступлений. Государству стало трудно обеспечивать безопасность граждан. Правда,

начиная с 2003 года, число преступлений сокращается. Основная их доля приходится на кражи. Поскольку кража вещей стоимостью до 200 евро (20 минимальных дневных заработков) уже не считается преступлением, а является проступком, естественно, что число регистрируемых преступлений уменьшилось.

Заключённые.

В советское время заключённых было значительно больше, чем в другие периоды (см. рис. 4). Эта ситуация обуславливалась длительными сроками заключения, представлениями о том, что в местах лишения свободы заключённых можно перевоспитать. В 1921–1935 годах среднее количество заключённых составляло 3270 человек, в 1966–1991 – 4800 человек, в 1992–2007 – 2810 человек, в 2008–2012 – 3480 человек, в 2013–2017 – 2925 человек.

На рисунке 4 представлены данные о числе заключённых на 10 000 населения. Они свидетельствуют о зависимости между снижением числа заключённых и количеством населения. В международной практике используется число в 100 000 жителей. В Эстонии в 1921–1935 годах на 100 000 граждан приходилось 276 заключённых, в 1966–1991 – 323, в 1992–2007 – 213, в 2000–2008 – 23, в 2012–2018 – 230.

Приведём статистику по заключённым на конец 2018 года. В эстонских тюрьмах и арестных домах находилось 2584 задержанных, из которых 2040 – осуждённые, 530 – арестованные, 14 – сидели за совершённые проступки. В тюрьмах пребывало 14 несовершеннолетних, из них 10 осуждённых и четверо – под стражей. Число несовершеннолетних, заключённых в тюрьме, уменьшается второй год подряд. По возрастным группам распределение несовершеннолетних следующее: двое

15-летних, пятеро 16-летних, семеро 17-летних. Большинство несовершеннолетних попадает в тюрьму в связи с совершением преступлений против имущества.

Среди заключённых было 2461 мужчина (95 % от общего числа заключённых) и 123 женщины (5 %). Эстонских граждан-заключённых – 64 % (1662 человека), лиц с неопределённым гражданством – 26 % (677 человек), граждан РФ – 7 % (177 человек).

В течение года распределение заключённых в зависимости от их гражданства существенно не изменилось. Из других стран в тюрьмах содержались граждане Латвии (24 человека), Литвы (9 человек), Украины (7 человек), Финляндии (4 человека), Сербии (3 человека), а также по одному гражданину Афганистана, Азербайджана, Грузии, Голландии, Казахстана, Молдовы, Польши, Португалии, Великобритании, Сирии, Туниса, Узбекистана, Беларуси.

Удельный вес эстоноязычных заключённых остаётся примерно на одном уровне в 2018 году – 40 % (1031 человек), в 2017 – 41 % (1037 человек). Удельный вес русскоязычных заключённых в конце 2018 года составлял 52 % (1353 человека).

В тюрьмах отбывало наказание в виде пожизненного лишения свободы 42 человека (2 % от общего числа заключённых), наказание свыше 15 лет лишения свободы – 3 % осуждённых, 10–15 лет – 8 %, 5–10 лет – 24 %, 1–5 лет – 52 %, до одного года – 11 %.

В 2018 году из тюрем было освобождено 1907 человек, из них в связи с отбытием наказания – 764 осуждённых (40,1 %). По сравнению с 2016 и 2017 годами существенно увеличился удельный вес заключённых, освобождаемых из тюрьмы условно – под надзор, досрочно (560 лиц или 29,4 %), отбывших часть заключения – так называемого шокового заключения (387 лиц или 20,3 %).

Отметим, если в среднем в странах Европейского союза в 2016 году на 100 000 человек приходилось 124 заключённых, то в Эстонии – 191, Латвии – 224, Литве – 254, России – 416, Финляндии – 57, Швеции – 58, Норвегии – 73.

Заклучение. Прошлое.

В советский период Эстонии её службы охраны правопорядка регистрировали зна-

чительно меньше преступлений, нежели сегодня регистрируется соответствующими эстонскими органами. То, что статистика не искажалась, подтверждается исследованиями преднамеренных убийств и покушении (рис. 2). Что самое важное – этот период характеризуется низким уровнем имущественного расслоения населения и отсутствием безработицы, в результате чего отношения между людьми были лучше, нежели теперь.

Современность. Ранняя стадия капиталистического общества – разбойный капитализм – сопровождалась в Эстонии объяснимо резким увеличением общего числа преступлений. В последние годы оно уменьшается, что обусловлено уменьшением числа преступлений против имущества. Однако выросло число преступлений против жизни и здоровья граждан. Количество убийств уменьшилось, но на фоне показателей Западной Европы уровень преднамеренных убийств в Эстонии, Латвии и Литве на 100 тысяч жителей в 2016 года очень высок.

Можно указать на следующие основные проблемы Эстонии: а) процветает потребление

наркотических веществ, что угрожает молодёжи, ставит под угрозу существование нации; б) количество преступлений коррупционной направленности выросло в 2018 г. по сравнению с 2017 г. на 23 %; в) отмывание денег. В 2017 г. выяснилось, что через эстонские банки (Danske Bank, Versobank, Krediidipank, SEB Pank) проходили «грязные» деньги – 1,6 млрд долларов США! д) рост числа преступлений, связанных с насилием в семье: в 2018 г. их зарегистрировано на 37 %, чем в 2017 г.; е) безопасность дорожного движения: участились случаи преступных деяний на дороге, в том числе часто совершаемые пьяными водителями.

Будущее. Глобализация, противоречивое понимание демократии, нестабильность мировой экономики, рост населения на планете, терроризм, являющийся излюбленной темой многих стран, таким образом отводящих взор населения от настоящих проблем общества, следовательно, от причин преступности: противоречие богатства и бедности, безработица. Эти факторы будут обуславливать и развитие преступности в Эстонии.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Leps A. Kuritegevus Eestis. Tartu Ülikool. Eesti Akadeemiline Õigusteaduse Selts. Tartu. 1991.

REFERENCES

1. Leps A. Kuritegevus Eestis. Tartu Ülikool. Eesti Akadeemiline Õigusteaduse Selts. Tartu. 1991.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андо Лепс – доктор юридических наук, профессор (Таллин, Эстония); e-mail: andoleps@hotmail.ee

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Ando Leps – Doctor of Laws, professor (Tallinn, Estonia); e-mail: andoleps@hotmail.ee

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВИКТИМОЛОГИЯ

УДК 343.9; 343.2/.7; 343.1; 342
ББК 67.400; 67.409; 67.51; 67.71

П.А. Скобликов

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ 2017–2018 ГГ. ПО ВОПРОСАМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: Основные причины, обуславливающие потребность в разъяснениях законодательных норм, – это нечёткость и многозначность законодательных формулировок, пробелы и противоречия в законодательстве, иные его недостатки. Единственный законный способ побуждать судей следовать позиции Верховного Суда РФ и формировать таким образом единую судебную практику – убеждать их в правильности данной позиции, приводить убедительные доводы.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; толкование норм права; постановления Пленума Верховного Суда РФ; права потерпевшего; принцип законности; конфискация имущества в уголовном судопроизводстве.

P.A. Skoblikov

RESOLUTIONS OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION 2017–2018 ON THE PROTECTION OF RIGHTS AND INTERESTS OF PERSONS AFFECTED BY CRIMES

Summary: The main reasons for the need for clarification of legislative norms are the vagueness and ambiguity of legislative language, gaps and collisions in legislation, and its other shortcomings. The only legal way to encourage judges to follow the position of the Supreme Court of the Russian Federation and thus form a unified judicial practice is to convince them of the correctness of this position and to give convincing arguments.

Key words: criminal proceedings; interpretation of the rule of law; Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; the rights of the victim; principle of legality; confiscation of property in criminal proceedings.

1. Введение. В последнее десятилетие в теории права вопросам защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, уделяется всё больше внимания. По соответствующим темам защищены десятки кандидатских и несколько докторских диссертаций [6; 7], опубликованы сотни (если не тысячи) научных статей. Этот интерес исследователей обусловлен, прежде всего, законодательными пробелами и перекосами в пользу обвиняемого (подозреваемого, подсудимого, осуждённого), а также отстранённостью правоприменителей от забот потерпевших. Данное положение, в свою очередь, предопределяется корпоративно-ведомственными интересами по снижению рабочей нагрузки и ответственности соот-

ветствующих сотрудников, принятыми критериями успешности-неуспешности работы оперативных аппаратов, органов предварительного расследования, прокуратуры, судов и органов исполнения наказаний, зачастую не учитывающих проблемы, права и интересы потерпевших.

В поле зрения исследователей указанной тематики обычно попадают те или иные положения процессуального и материального закона, ими же обосновываются предложения по его совершенствованию. Однако на периферии научных изысканий остаются постановления Пленума Верховного Суда РФ, в которых истолковываются положения законов антикриминального блока, затрагивающие права и законные интересы потерпевших.

Возможно, единственным исключением из этого правила является постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», которое, как следует уже из названия, целиком посвящено участию потерпевшего в уголовном процессе и обстоятельно рассмотрено в юридической литературе. Между тем указанное Постановление не охватывает весь круг проблем, возникающих в правоприменительной практике и касающихся лиц, пострадавших от преступлений.

В российской правовой системе постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющие нормы закона, играют большую роль и фактически являются источником права, заполняют законодательные пробелы, порой «подправляют» нормы права. Суды ссылаются на них в обоснование принимаемых решений, отдают им предпочтение, если наблюдаются коллизии между буквальным текстом закона и разъяснениями постановлений.

В настоящей статье представлен анализ некоторых постановлений Пленума Верховного Суда РФ, принятых в 2017–2018 гг. и затрагивающих права и законные интересы лиц, пострадавших от преступлений.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48. Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ УК РФ был дополнен привилегированным составом преступления – «Мошенничество в сфере кредитования» (ст. 159.1). Согласно новой норме, лицам, совершившим мошенничество в сфере кредитования, грозит менее строгое наказание, чем предусмотрено санкцией общей нормы об ответственности за мошенничество (ст. 159 «Мошенничество» УК РФ).

Если опираться на принципы разумности и справедливости, логику законодателя трудно постичь. Ведь мошенничество в сфере кредитования причиняет намного больший вред общественным отношениям, нежели заурядное мошенничество, например, гадалки, выманивающей у доверчивых граждан денежные средства под предлогом снятия порчи, действия которой следует квалифицировать по ст. 159 УК РФ.

В качестве кредитных организаций, прежде всего и в основном, предстают банки. При этом банковская система является своего рода

кровеносной системой экономики. Ущерб банковской системе неизбежно и негативно сказывается на всех иных сферах экономики и обществе в целом. Поэтому следовало поступить наоборот: ввести не привилегированный, а квалифицированный состав мошенничества в сфере кредитования, указывающий на повышенную общественную опасность содеянного, влекущий, по сравнению с основным составом, более строгую ответственность для виновных.

Самое строгое наказание, которое может быть назначено виновным в мошенничестве в сфере кредитования без квалифицирующих признаков, представляет собой арест на срок до четырёх месяцев (ч. 1 ст. 159.1 УК РФ). В то же время виновным в мошенничестве в иных социальных сферах и без квалифицирующих признаков (т.е. не подпадающим под действие специальной нормы) грозит до двух лет реального лишения свободы (ч. 1 ст. 159 УК РФ).

Причём, отметим, уголовное наказание в виде ареста носит символический характер, поскольку в России отсутствуют места для отбывания такового. Не удивительно, что наказание данного вида судами не назначается. Так, в 2018 г. среди 2114 лиц, осуждённых по ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, больше всего тех, кому в качестве уголовного наказания назначен штраф – 474 человека; 372 лицам в качестве уголовного наказания назначено ограничение свободы. В отношении 453 человек уголовные дела прекращены судом в связи с примирением с потерпевшим, 106 лицам назначен судебный штраф (без вынесения обвинительного приговора).¹

Самое строгое наказание за мошенничество в сфере кредитования, которое может быть назначено лицам, совершившим это деяние по предварительному сговору, – лишение свободы на срок до четырёх лет (ч. 2 ст. 159.1 УК РФ), а вот виновным в аналогичном преступлении, но совершённом в иных социальных сферах, грозит до пяти лет лишения свободы.

¹ Сведения почерпнуты с официального сайта Судебного департамента при Верховном Суде РФ из отчёта по форме 10.3 за 2018 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 30.06.2019).

Резче всего различия проступают, если сравнить последствия совершения хищений в крупном размере. В случае применения общей нормы об ответственности за мошенничество крупным размером признаётся стоимость имущества, превышающая 250 000 рублей (см. п. 4 примечания к ст. 158 УК РФ, относящийся к большинству статей, размещённых в гл. 21 УК РФ). Виновным грозит до шести лет лишения свободы (ч. 3 ст. 159 УК РФ). В случае же применения нормы об ответственности за мошенничество в сфере кредитования крупным размером признаётся стоимость имущества, превышающая 1 500 000 рублей (см. примечание к ст. 159.1 УК РФ). Поэтому при мошенничестве в указанной сфере и отсутствии других квалифицирующих признаков виновным в хищении на сумму свыше 250 000 и до 1 500 000 руб. включительно грозит не более чем арест на срок до четырёх месяцев.

Первое преступление отнесено к категории тяжких, срок давности привлечения к уголовной ответственности за него – десять лет. Второе преступление отнесено к категории небольшой тяжести, срок давности привлечения к ответственности за него – два года.

Это обстоятельство существенно затрудняет привлечение к ответственности виновных, ведь нередко преступления такого вида выявляются спустя несколько месяцев или даже лет с момента выдачи кредита. А чтобы добиться возбуждения уголовного дела банкам приходится тратить до полугода и больше. Немало времени занимают также предварительное расследование и судебное разбирательство. С учётом сказанного, уголовные дела зачастую прекращаются за истечением срока давности привлечения к ответственности либо вовсе не возбуждаются.

При осуждении за эти преступления предусмотрены разные сроки погашения судимости. По общему правилу, судимость погашается в отношении лиц, осуждённых к лишению свободы за тяжкие преступления, по истечении восьми лет после отбытия наказания (п. «г» ч. 3 ст. 86 УК РФ). А в отношении лиц, осуждённых к более мягким видам наказаний, чем лишение свободы, судимость погашается по истечении одного года после отбытия или исполнения наказания (п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ).

Судимость, в соответствии с УК РФ, учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и влечёт за собой иные правовые последствия в случаях и порядке, установленных федеральными законами. Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные УК РФ, связанные с судимостью. Таким образом, *ст. 159 УК РФ защищает права и законные интересы потерпевших значительно лучше, нежели ст. 159.1 УК РФ.*

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, мошенничество в сфере кредитования представляет собой «хищение денежных средств заёмщиком (выделено мною – П.С.) путём представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений». В качестве заёмщика могут выступать физические лица (граждане, индивидуальные предприниматели), а также организации и государства.

Однако по смыслу ряда основополагающих статей Общей части УК РФ, субъектом любого преступления, в том числе и хищения, могут выступать лишь физические лица (см. ст. 11–13 УК РФ и др.). Отсутствие сознания и психической жизни у организаций и государств делает невозможным вменение им общественно опасных деяний, при этом вина в уголовно-правовом смысле является обязательным условием уголовной ответственности (ст. 5 УК РФ). Вины нет, если лицо не осознавало и не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть (ч. 1 ст. 28 УК РФ).

А в силу отсутствия у организаций и государств физического тела и других атрибутов социализированного человека их нельзя подвергнуть уголовным наказаниям: применить смертную казнь, лишить свободы, привлечь к принудительным, обязательным или исправительным работам, лишить права занимать определённые должности, лишить воинского звания, ограничить по военной службе и т.д.

Таким образом, субъектом преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, могут быть не любые заёмщики, а лишь граждане, включая индивидуальных предпринимателей.

30 ноября 2017 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 48 «О судебной

практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее по тексту – Постановление № 48). В п. 13 Постановления № 48 указано, что для целей статьи 159.1 УК РФ заёмщиком признаётся лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица. То есть вопреки буквальному тексту закона круг субъектов преступления, предусмотренного общей нормой, сужен, а круг субъектов преступления с привилегированным составом расширен.

На основании чего и посредством каких логических операций Пленум Верховного Суда РФ пришёл к изложенному выводу – разъяснений в Постановлении № 48 не содержится. Как бы то ни было, *такая позиция Пленума Верховного Суда РФ ослабляет защиту банков и иных кредитных организаций от мошенничества, ущемляет права и законные интересы потерпевших.*

Здесь важно отметить, что в уголовном процессе потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. 159.1 УК РФ, признаются юридические лица – кредитные организации. Однако опосредованно вред данными преступлениями причиняется значительно более широкому кругу лиц: 1) вкладчикам кредитных организаций, поскольку мошенничества в сфере кредитования снижают доходность банковской деятельности, влекут снижение процентных ставок и ухудшение иных условий по вкладам; 2) добросовестным заёмщикам (как физическим, так и юридическим лицам), поскольку снижение доходности банковской деятельности приводит к повышению стоимости кредитов; 3) акционерам банков, так как снижение доходности банковской деятельности влечёт понижение курсовой стоимости и (или) дивидендной доходности акций; 4) работникам банков, поскольку снижение доходности банковской деятельности приводит к снижению уровня их зарплат и сокращению рабочих мест.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17. 14 июня 2018 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» (далее по тексту – Постановление № 17). В качестве

целей принятия данного акта декларируется обеспечение правильного и единообразного применения судами норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих основания и порядок конфискации имущества.

Речь идёт, прежде всего, о нормах, закреплённых в главе 15.1 УК РФ, которая была введена в действие Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ. И хотя с того момента прошло без малого двенадцать лет, разъяснения относительно применения столь важного правового института, предусмотренного указанной главой, высший суд России дал впервые, если не считать разъяснений по некоторым моментам конфискации, сделанных «походя» в рамках постановлений, посвящённых вопросам применения отдельных норм Особой части УК РФ.

В этом есть определённая логика: законодатель многократно изменял и дополнял главу 15.1 УК РФ, а давать разъяснения нестабильному, часто меняющемуся законодательству сложно и не слишком продуктивно. Нестабильность института конфискации как иной уголовно-правовой меры во многом объясняется попытками найти оптимальную модель правового регулирования после упразднения конфискации в качестве вида наказания и постепенного осознания субъектами уголовной политики объективной необходимости отыскать решение, адекватное сложившейся криминологической ситуации, если возврат к прежней модели по каким-то причинам невозможен [10].

Важно отметить, что в Постановлении № 17 Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснения ряда положений законодательства, непосредственно затрагивающих права и законные интересы лиц, пострадавших от преступлений. Рассмотрим их далее.

В абз. 2 п. 2 Постановления № 17 даётся следующее разъяснение: орудия, оборудование или иные (то есть любые – П.С.) средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), могут быть конфискованы судом по делам о преступлениях, *перечень которых не ограничен* (выделено мною – П.С.). Такое разъяснение вызывает возражение, поскольку создаёт почву для расширительного толкования репрессивных норм и несправедливого лишения права собственности.

Если подвергнуть норму, содержащуюся в п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, системному толкованию, то можно прийти к выводу, что конфискация возможна лишь по делам об умышленных преступлениях. *Орудия, оборудование и другие средства совершения неосторожных преступлений конфискации не подлежат.* Именно такой позиции при рассмотрении аналогичного вопроса придерживался Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 16 августа 1984 г. № 19 «О конфискации орудий преступления, признанных вещественными доказательствами по делу». В противном случае должны конфисковываться все вещи, принадлежащие осуждённому, которые объективно сыграли роль средств совершения неосторожного преступления: автомобили, катера, другие транспортные средства, производственное оборудование и т.д.

Как должно измениться правоприменение, если позиция Пленума Верховного Суда РФ будет последовательно проводиться в жизнь правоприменителями? Представьте, увы, типичную ситуацию, когда гражданин, следовавший в отпуск на личном автомобиле с семьёй, задремал. Машина свернула с трассы и опрокинулась в поле. Автомобиль не слишком пострадал, а вот находившийся в салоне ребёнок получил серьёзную (внутричерепную) травму. Виновник аварии привлечён к ответственности по ч. 1 ст. 264 УК РФ за нарушение Правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью. Согласно сделанным в Постановлении № 17 разъяснениям, автомобиль виновника аварии подлежит конфискации. При этом семья, которой предстоит нести большие расходы по реабилитации своего несовершеннолетнего члена, теряет ценный актив и средство передвижения. В этом случае от конфискации пострадает не только виновный, но и все члены его семьи, включая потерпевшего.

Тщательного анализа заслуживает также п. 10 Постановления № 17, который гласит: «обратить внимание судов на то, что в силу положений статьи 104.3 УК РФ при решении вопроса о конфискации имущества в первую очередь должен быть решён вопрос о возмещении вреда, причинённого законному владельцу, в том числе за счёт имущества, подлежащего конфискации». Здесь имеют место механическое воспроизведение текста ч. 1

ст. 104.3 УК РФ² и попытка краткого пересказа ч. 2 ст. 104.3 УК РФ без разъяснения их содержания с учётом места процитированной нормы в системе действующего правового регулирования, а также проблем, возникающих при правоприменении.

Смысл нормы, закреплённой в ст. 104.3 УК РФ, в следующем: *при отсутствии или недостаточности у виновного иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, кроме подлежащего конфискации, из его стоимости сначала возмещается вред, причинённый законному владельцу, а оставшаяся часть обращается в доход государства.*

Эта норма важна и справедлива. Она призвана обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, непосредственно или опосредованно пострадавших от преступлений, в ситуациях, когда имущества виновного недостаточно, на это имущество одновременно претендуют государство с требованием о конфискации и пострадавшие лица с требованием о восстановлении их прав. Приоритет в УК РФ отдан последним. Однако на практике возникают трудности, обусловленные тем, что по делу не всегда выносится приговор, а при вынесении обвинительного приговора имущество виновного не всегда распределяется между всеми лицами, на него претендующими. Рассмотрим эти проблемы более подробно.

Во-первых, уголовное дело или уголовное преследование может быть прекращено по нереабилитирующим обстоятельствам, а при этом заявленный по уголовному делу гражданский иск (ст. 44 УПК РФ) не разрешается по существу. Если в этом случае принимается решение о конфискации имущества, то оно не учитывает (или не учитывает в полной мере) притязания законного владельца имущества.

Во-вторых, проблема может возникнуть и при вынесении обвинительного приговора, когда суд, руководствуясь ч. 2 ст. 309 УПК РФ, признаёт за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска, но передаёт вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке граждан-

² Для удобства сопоставления воспроизведу текст ч. 1 ст. 104.3 УК РФ: «При решении вопроса о конфискации имущества в соответствии со статьями 104.1 и 104.2 настоящего Кодекса в первую очередь должен быть решён вопрос о возмещении вреда, причинённого законному владельцу».

ского судопроизводства. Тогда последующее рассмотрение иска потерпевшего в порядке гражданского производства способно длиться многие месяцы. В таких случаях решение о конфискации имущества принимается значительно раньше решения по иску потерпевшего, поэтому если имущества осуждённого недостаточно, исполнение приговора в части конфискации может создать препятствия для последующего исполнения решения по гражданскому делу, в рамках которого будет рассмотрен и удовлетворён иск потерпевшего о возмещении вреда, причинённого преступлением.

В-третьих, лицо, которому преступлением причинён имущественный вред, вправе предъявить иск к виновному не только в рамках уголовного дела, но и позже – после вступления в законную силу приговора (значит, и решения о конфискации имущества виновного) – в порядке гражданского судопроизводства в пределах срока исковой давности. Причём в некоторых ситуациях для пострадавшего такая последовательность желательна и удобна. Однако к моменту разрешения гражданского дела имущество, за счёт которого решение по этому делу могло бы быть исполнено, оказывается конфискованным.

В связи с этим *Пленум Верховного Суда РФ должен предложить судам порядок действий, гарантирующий приоритетное возмещение вреда, причинённого пострадавшему, выполнение предписания, заключённого в ст. 104.3 УК РФ.* Для решения этой задачи следует систематизировать относящиеся к данному вопросу правовые институты и нормы. При обнаружении пробелов правового регулирования необходимо заполнить их, используя, где это возможно, аналогию закона или права.

В частности, следовало бы разъяснить судам, что перед принятием решения о конфискации они должны устанавливать круг лиц, претендующих или могущих в дальнейшем претендовать на имущество виновного, размер и основания их требований с учётом обстоятельств дела и положений закона, а также обеспечивать возможность исполнения таких требований. Причём не только до принятия решений о конфискации, но и позже, через поворот исполнения таких решений, с выплатой государством законным владельцам возмещения в пределах стоимости

конфискованного имущества, либо возвращения имущества в натуре, если это возможно физически и на этом настаивает законный владелец.

А если обнаружится, что в рамках действующего законодательства невозможно обеспечить решение перечисленных задач, тогда Верховному Суду РФ целесообразно подготовить и внести в установленном порядке законопроект о дополнении существующих правовых институтов.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2018 г. № 43. 18 декабря 2018 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 43 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»» (далее по тексту – Постановление № 43).

Принятие Постановления № 43 объясняется изменениями законодательства, а также возникающими в судебной практике проблемами. В качестве целей издания данного акта декларируется обеспечение правильного и единообразного применения закона, единства судебной практики. Документ охватывает широкий круг, может быть, самых важных тем, связанных с обеспечением защиты общества от преступности, соблюдением прав и законных интересов потерпевших и обвиняемых.

Однако не все сложные и актуальные проблемы правоприменения попали в поле зрения высшего суда в Постановлении № 43. Прежде всего, это относится к неразрешённым вопросам защиты прав и законных интересов потерпевшего. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (далее по тексту – Постановление № 21), в которое Постановлением № 43 внесены изменения, осуждённый (осуждённые) упоминается 108 раз, а потерпевший – лишь единожды. Он назван в п. 23 Постановления № 21 наряду с иными заинтересованными лицами, правомочными заявлять ходатайства о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора.

Между тем, с учётом положений действующего законодательства, существует объективная потребность судов и других правоприменительных органов в получении разъяснений по более широкому и сложному кругу вопросов, имеющих отношение к потерпевшим.

Согласно ч. 1 ст. 190 УИК РФ, при уклонении условно осуждённого от исполнения возложенных на него судом обязанностей, в том числе уклонении от возмещения вреда (полностью или частично), причинённого преступлением, в размере, определённом решением суда, осуждённый в письменной форме предупреждается о возможности отмены условного осуждения.

Отсюда вытекает, что возмещение вреда, причинённого преступлением, в размере, определённом решением суда, входит в круг обязанностей, систематическое неисполнение которых условно осуждённым даёт основание суду, в соответствии с ч. 3 ст. 74 УК РФ и ч. 5 ст. 190 УИК РФ, при поступлении представления от уполномоченного органа вынести решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

Данные положения крайне важны. Они направлены на усиление мотивации преступника к возмещению причинённого преступлением вреда, т.е. на восстановление прав и обеспечение законных интересов потерпевших – лиц, для защиты которых собственно и существует уголовный закон [12; 13].

Не менее важно, что возмещение вреда потерпевшему, причинённого преступлением, является не только и не столько делом частным, сколько общественно значимым, т.к. посредством справедливого восстановления нарушенных прав и законных интересов потерпевшего, помимо прочего, восстанавливается также нарушенный преступлением социальный порядок [4, с. 208]. Социально-политические последствия не возмещения ущерба, причинённого проявлениями преступности, весьма значительны и не могут не учитываться при определении путей стабилизации общественной жизни в России. Жертвы преступлений, пережившие личную трагедию и не получившие за неё моральную либо материальную компенсацию, обычно обвиняют государство в неспособности защитить их конституционные права и интересы [3].

Приведённые выше дополнения в ст. 190 УИК РФ были внесены за два года до издания Постановления № 21, но они, к сожалению, не были тогда разъяснены судам.

Наряду с изложенным *нуждался в разъяснении вопрос: «Каким судебным актом устанавливаются обязанности по возмещению причинённого преступлением вреда, систематическое неисполнение которых по смыслу ч. 1 и 5 ст. 190 УИК РФ даёт основание для отмены условного осуждения?»*.

Сложность данного вопроса обуславливается тем, что решение об удовлетворении гражданского иска потерпевшего может быть принято не только при вынесении обвинительного приговора, но и позже, в порядке гражданского судопроизводства, с использованием преюдициальных свойств приговора [1]. Причём разрешение иска потерпевшего может быть связано с волеизъявлением последнего, которому по каким-то причинам удобно заявлять и поддерживать гражданский иск позже и в другом процессе, но может и не зависеть от воли потерпевшего, а определяться усмотрением суда, рассматривающего уголовное дело (ч. 2 ст. 309 УПК РФ³).

И если в случае удовлетворения иска в рамках уголовного судопроизводства меньше предпосылок для разноречивого толкования, поскольку иск потерпевшего о возмещении вреда разрешается тем же приговором, которым назначается наказание, то в случае разрешения иска потерпевшего в рамках гражданского судопроизводства таких предпосылок больше.

Полагаем, однако, что с учётом конституционных принципов справедливости, равенства граждан перед законом и обязательности судебных актов, *систематическое неисполнение условно осуждённым любого судебного решения о возмещении вреда, причинённого преступлением* (при условии, если исполнительный документ предъявлен к исполнению

³ Согласно ч. 2 ст. 309 УПК РФ, при необходимости произвести дополнительные расчёты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

в установленном порядке, ведётся или велось исполнительное производство и осуждённый своевременно уведомлен о необходимости исполнить судебное решение), *даёт основания для: 1) отмены условного осуждения, 2) исполнения наказания.*

Помимо вышесказанного, необходимо было разъяснить судам, в чём может выражаться уклонение условно осуждённого от возмещения вреда, причинённого преступлением; влияет ли на вывод о наличии уклонения размер и (или) доля невозмещённого вреда, а также имущественное положение осуждённого и (или) потерпевшего.

К сожалению, при принятии Постановления № 43 Пленум Верховного Суда РФ не дал разъяснений по перечисленным вопросам, что не способствует обеспечению правильного и единообразного применения закона, единству судебной практики, ослабляет защищённость лиц, пострадавших от преступлений.

5. Замечания и предложения общего плана. Все проанализированные выше постановления Пленума Верховного Суда РФ сформулированы безапелляционно и повелительно, так, словно в них содержатся предписания, обязательные к исполнению. При этом никак не разъясняется то, почему Пленум Верховного Суда занял ту или иную позицию.

В каждом единичном заключается общее как его сущность [14]. Эта закономерность даёт право автору для определённых обобщений с учётом характерных черт рассмотренных актов, изложения замечаний общего плана, относящихся не только к проанализированному, но и иным постановлениям Пленума Верховного Суда РФ.

Разъяснение, сделанное на основании ст. 126 Конституции РФ, ст. 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее по тексту – ФКЗ № 3), предполагает наличие объяснения того, почему Пленум Верховного Суда РФ занял изложенную в постановлении позицию, почему определённая правовая норма толкуется им так, а не иначе. Это требование носит объективный характер и обусловлено рядом причин.

Прежде всего, следует отметить, что в приведённых законодательных актах, содержащих нормы конституционного права, разъяснения Верховного Суда РФ не наделяются

свойством обязательности. В ст. 126 Конституции РФ установлено, что Верховный Суд РФ «даёт разъяснения по вопросам судебной практики». В п. 1 ч. 3 ст. 5 ФКЗ № 3 установлено, что Пленум Верховного Суда РФ «рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и даёт судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации». Прилагательное «обязательные» или «руководящие» либо какое-либо иное, указывающее на обязанность судов и других правоприменительных органов неуклонно следовать этим разъяснениям, там отсутствует.

Автор полагает такое решение правильным. В противном случае, если Верховный Суд РФ вопреки ясному и недвусмысленному положению закона толкует его иначе, суды были бы поставлены перед сложным выбором: следовать закону или выполнять обязательные предписания Верховного Суда РФ, который истолковывает закон вопреки правилам, сформировавшимся в правовой доктрине (а, порой, и вопреки нормам Конституции РФ).

Возможно следующее возражение на тезис автора: если разъяснения Верховного Суда РФ не обладают свойством обязательности, то невозможно добиться закреплённой в ФКЗ № 3 цели – обеспечение единообразного применения законодательства. Так, С.А. Перов и М.А. Панфилов высказали мысль, что при отсутствии обязательности постановлений Пленума Верховного Суда РФ способность этого органа осуществлять возложенную на него функцию обеспечения единообразия судебной практики стала бы проблематичной [8]. Иными словами, согласно этой позиции свойство обязательности разъяснений Верховного Суда РФ, будучи прямо не зафиксированным в законе, выводится из него логическим путём.

Однако, во-первых, такая цель, как достижение единства правоприменения, хотя и важная, но не единственная, стоящая перед судами, и если она вступает в противоречие с целями обеспечения законности, справедливости, предпочтение следует отдать последним. Помимо прямо сформулированных в Конституции РФ правовых принципов есть конституционные принципы – подразумеваемые, выявляемые Конституционным Судом

РФ в процессе толкования норм Конституции РФ и законов РФ. К таким принципам, прежде всего, относится принцип законности, являющийся универсальным политико-юридическим принципом деятельности государства [1, с. 55; 5, с. 234]. Согласно позициям Конституционного Суда РФ, любые судебные решения (равно как решения иных государственных органов) также должны отвечать принципам обоснованности и справедливости.

Во-вторых, существует иной способ побуждения судей следовать разъяснениям, исключая возможное противоречие с обеспечением законности. Судьи могут и должны применять разъяснения Верховного Суда РФ в рассматриваемых делах по своему внутреннему убеждению, но для этого разъяснения должны быть убедительными. А вот склонение судей, вопреки их собственному пониманию закона, следовать позиции Пленума Верховного Суда РФ под угрозой отмены судебного акта Верховным Судом РФ либо иным вышестоящим судом при рассмотрении апелляционной, кассационной либо надзорной жалобы является неправовым, противоречащим такому конституционному принципу судостроительства и судопроизводства, как принцип независимости судей (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ).

Принцип независимости судей общепризнан в мировой практике. Он нашёл отражение во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Основных принципах независимости судебных органов 1985 г., Европейской хартии «О статусе судей» 1998 г. и в других международно-правовых актах. *Независимость судей означает их самостоятельность, несвязанность обстоятельствами или чужой волей.* Они должны руководствоваться законом и действовать в соответствии с собственной правовой позицией.

В отечественной юридической литературе отмечается, что «субъективный критерий независимости судей в большой степени связан с правилом об исключении возможности оказывать давление на судей при осуществлении ими полномочий по отправлению полномочий от кого-бы то ни было» [9, с. 175]. Если последовательно соблюдать декларируемое правило, то неприемлемо и давление со стороны вышестоящих судей, судов; хотя от про-

ведения таких логических (дедуктивных) операций правоведы обычно воздерживаются.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 7 ФКЗ № 3, Президиум Верховного Суда РФ «в целях обеспечения единства судебной практики и законности проверяет в порядке надзора, в порядке возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам вступившие в силу судебные акты». Как должен поступить Президиум, если окажется, что по проверяемому делу принято решение, отступающее от сложившейся судебной практики, но отвечающее принципу законности? Даже если сложившаяся судебная практика обобщена и (или) рекомендована постановлением Пленума Верховного Суда РФ. Думается, что решение следует оставить без изменений.

Исходя из этого, *единственный законный способ побуждать судей следовать позиции Верховного Суда РФ и формировать таким образом единую судебную практику – убеждать их в правильности данной позиции, приводить убедительные доводы.*

Необходимо, по крайней мере, раскрыть умозаключение (правовые и фактические посылы, а также логическую связь между ними) или цепочку таковых, в результате которых Пленум Верховного Суда РФ пришёл к тому или иному выводу, сформулированному в постановлении. Однако в постановлениях № 17, 22 и 43 разъяснения такого рода обнаружить сложно. Прежние, отредактированные и новые пункты постановлений Пленума Верховного Суда РФ в основном сформулированы в повелительном наклонении и воспринимаются так, будто это не разъяснения, а правовые предписания. Логические построения там не приводятся.

В целом, такое положение даёт основание некоторым исследователям утверждать, что постановления Пленума Верховного Суда РФ фактически являются нормативными правовыми актами, имеющими значительную юридическую силу, «серым кардиналом», реальным, но несколько скрытым источником права [2, с. 184]. А если так, то нарушается конституционный принцип разделения властей, поскольку Верховный Суд РФ не только применяет, но и сам создаёт правовые нормы.

6. Краткое заключение. Надеюсь, что представленные выше суждения, оценки и выводы окажутся полезными работникам ап-

парата и судьям Верховного Суда РФ при подготовке новой редакции постановлений № 17, 21, 43, 48 и других постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а также всем, кто имеет отношение к законотворческому процессу, поскольку часть рассмотренных в статье проблем может быть разрешена путём совершенствования конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, законодательства об исполнительном производстве.

Основные причины, обуславливающие потребность в разъяснениях законодательных норм, – это нечёткость и многозначность законодательных формулировок, пробелы и противоречия в законодательстве, иные его недостатки. Одновременно приглашаю коллег по научно-исследовательскому «цеху» к конструктивному обсуждению поднятых проблем. Рассчитываю, что материал статьи будет полезен всем лицам, в той или иной роли вовлечённым в уголовный процесс, для выстраивания правильной позиции по делу.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артёмова Д.И. Законность – основной принцип конституционного судопроизводства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2013. № 4 (28). С. 53–62.
2. Бурков А.Л. Статус постановлений Пленума Верховного Суда в законодательстве и судебной практике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 172–186.
3. Задорожный В.И. Современные проблемы возмещения вреда жертвам преступлений и пути их решения // Гражданин и право. 2006. № 3. С. 31–38.
4. Ибрагимова А.И. Особенности процесса возмещения вреда, причинённого преступлением // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 208–213.
5. Малый Д.А. Законность как конституционный принцип // Символ науки. 2015. № 6. С. 234–236.
6. Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. 508 с.
7. Мусаев М.А. Защита жертв преступлений: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012. 487 с.
8. Перов С.А., Панфилов М.А. Источники права и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации // STUDIUM. 2013. № 3–4 (28–29). С. 14.
9. Рябинина Т.К. О содержании и проблемах реализации принципа независимости судей: нравственный аспект // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 172–178.
10. Скобликов П.А. Конфискация имущества упразднена. Навсегда? // эж-ЮРИСТ. 2004. № 7. С. 10.
11. Скобликов П.А. Межотраслевая и внутриотраслевая преюдиция приговоров и связанных с ними судебных актов // Закон. 2013. № 8. С. 59–65.
12. Скобликов П.А. Современные проблемы возмещения вреда лицам, пострадавшим от преступлений, и их законодательные решения // Закон. 2012. № 8. 87–92.
13. Скобликов П.А. Уголовно-правовая защита пострадавших от преступлений: Практическое пособие. М.: Юрист, 2005. 122 с.
14. Спиркин А.Г. Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2002. 736 с.

REFERENCES

1. Artemova D.I. Zakonnost – osnovnoy printsip konstitutsionnogo sudoproizvodstva. [Legality is the main principle of constitutional proceedings]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region – News of higher education institutions. Volga region.* 2013, no. 4 (28), pp. 53–62.
2. Burkov A.L. Status postanovleniy Plenuma Verkhovnogo suda v zakonodatelstve i sudebnoy praktike. [The status of the decisions of the Plenum of the Supreme Court in legislation and judicial practice]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie – News of higher education institutions. Law.* 2011, no. 5 (298), pp. 172–186.
3. Zadorozhniy V.I. Sovremennyye problemy vozmeshcheniya vreda zhertvam prestupleniy i puti ih resheniya. [Modern problems of compensation for the victims of crime and ways to solve them]. *Grazhdanin i pravo – Citizen and Law.* 2006, no. 3, pp. 31–38.
4. Ibragimova A.I. Osobennosti protsessa vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem. [Features of the process of compensation for harm caused by a crime]. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve – Gaps in Russian Legislation.* 2013, no. 5, pp. 208–213.
5. Maliy D.A. Zakonnost kak konstitutsionniy printsip. [Legality as a constitutional principle]. *Simvol nauki – Symbol of Science.* 2015, no. 6, pp. 234–236.

6. *Martynenko N.E.* Uголовно-pravovaya okhrana poterpevshego: dis. ... dokt. yurid. nauk. [Criminal law protection of the victim]. М., 2015. 508 p.

7. *Musaev M.A.* Zashchita zhertv prestupleniy: dis. ... dokt. yurid. nauk. [Protection of victims of crime]. М., 2012. 487 p.

8. *Perov S.A., Panfilov M.A.* Istochniki prava i postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. [Sources of law and decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. STUDIUM. 2013, no. 3–4 (28–29), pp. 14.

9. *Ryabinina T.K.* O soderzhanii i problemakh realizatsii printsipa nezavisimosti sudey: нравственный аспект. [On the content and problems of the implementation of the principle of independence of judges: the moral aspect]. *Sudebnaya vlast i ugovolnyy protsess – Judicial Branch and Criminal Process*. 2017, no. 4, pp. 172–178.

10. *Skoblikov P.A.* Konfiskatsiya imushchestva uprazhdena. Navsegda? [Confiscation of property is abolished. Forever?]. *EZH-YURIST*. 2004, no. 7, p. 10.

11. *Skoblikov P.A.* Mezhotraslevaya i vnutriotraslevaya preyuditsiya prigovorov i svyazannykh s nimi sudebnykh aktov. [Inter-branch and intra-branch prejudice of sentences and related judicial acts]. *Zakon – Law*. 2013, no. 8, pp. 59–65.

12. *Skoblikov P.A.* Sovremennyye problemy vozmeshcheniya vreda litsam, postradavshim ot prestupleniy, i ikh zakonodatelnye resheniya. [Modern problems of compensation for the victims of crime and their legislative decisions]. *Zakon – Law*. 2012, no. 8, pp. 87–92.

13. *Skoblikov P.A.* Uголовно-pravovaya zashchita postradavshikh ot prestupleniy: Prakticheskoe posobie. [Criminal law protection of victims of crime: A practical guide]. М.: Yurist, 2005. 122 p.

14. *Spirkin A.G.* Filosofiya: Uchebник. [Philosophy: A textbook]. 2-e izd. М.: Gardariki, 2002. 736 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пётр Александрович Скобликов – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия); e-mail: skoblikow@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Pyotr Aleksandrovich Skoblikov – Doctor of Laws, senior research scientist of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: skoblikow@list.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Р.Р. Тотоев, С.В. Смелова

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ФАКТОРОВ ВИКТИМНОСТИ ИНВАЛИДОВ

Аннотация: Виктимное сознание формируется у инвалидов под воздействием комплекса факторов, которые могут быть разделены на две группы: объективные и субъективные. Выделение факторов, определяющих виктимность инвалидов, и их классификация обеспечивают развитие теории виктимологии, способствуют девиктимизации инвалидов, профилактике преступлений.

Ключевые слова: виктимность; инвалиды; жертва преступления; факторы виктимности; криминология; виктимология.

R.R. Totoev, S.V. Smelova

TO THE QUESTION OF CLASSIFICATION OF VICTIMIZATION FACTORS OF PERSONS WITH DISABILITIES

Summary: Victim consciousness is formed in persons with disabilities under the influence of a complex of factors that can be divided into two groups: objective and subjective factors. The identification of factors determining the victimization of persons with disabilities, and their classification provide the development of the theory of victimology, contribute to the devictimization of persons with disabilities and crime prevention.

Key words: victimization; persons with disabilities; victim of a crime; victimization factors; criminology; victimology.

В наши дни исследования, направленные на изучение *жертв преступлений*, особенно актуальны. Данные изыскания развивают теоретическую платформу криминологии, расширяют эмпирическую базу виктимологии [3; 4; 9]. При этом виктимологические исследования имеют, что вполне оправданно, междисциплинарный характер [3, с. 6].

Виктимность – это способность при определенных обстоятельствах стать жертвой преступления [13, с. 23]. Виктимность личности формируется в результате воздействия различных *факторов*. Получение инвалидности зачастую приводит к тому, что возникают предпосылки для виктимизации личности-инвалида [9, с. 6].

Понятие «инвалид» закреплено в статье 1 Федерального закона от 24.11.1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Инвалид – это лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты.

На апрель 2019 года в России общая численность инвалидов, состоящих на учёте и получающих пенсию по инвалидности, составляла *11 947 000 человек*, из них: 1 433 000 инвалидов I группы, 5 356 000 – II группы, 4 488 000 – III группы, 670 000 детей-инвалидов.

С 2012 г. численность инвалидов постепенно снижается. В 1970–1980-е годы отмечалась аналогичная тенденция, но в 1990-е и начале 2000-х годов – противоположная [12, с. 113].

В мировом масштабе количество людей с ограниченными возможностями увеличивается. Около 15 % населения Земли имеет какие-либо формы инвалидности. В то же время общество не до конца понимает все проблемы, связанные с инвалидностью. Здесь будет уместно привести закреплённые в Конвенции о правах инвалидов положения: «инвалиды продолжают сталкиваться с барьерами на пути их участия в жизни общества в качестве равноправных членов, нарушениями их прав человека во всех частях мира» [7].

Одна из существенных проблем – уязвимость инвалидов перед лицом преступности. Что формирует виктимность инвалида, опре-

деляет его виктимное сознание? Очевидно, здесь речь идёт о целом *комплексе факторов*.

Удачное, по нашему мнению, определение «факторы виктимизации» предложил К.В. Вишневецкий – это совокупность обстоятельств в жизни людей и общества, детерминирующих процесс превращения личности в жертву преступления либо тем или иным образом способствующих реализации этого процесса [1, с. 226].

В научной литературе выделяют общие факторы виктимности. Классификация таковых представляет несомненный интерес, являясь теоретической основой для противодействия преступности. Наиболее перспективно определение факторов виктимизации различных социальных групп.

Факторы, способствующие виктимизации, подразделяют также на: а) социально-экономические, б) социально-политические, в) правовые, г) организационно-управленческие, д) идеологические, е) воспитательные, ж) нравственно-психологические [5, с. 55].

Укажем факторы, определяющие, по нашему мнению, виктимность инвалидов, и предложим классификацию данных факторов. Виктимное мышление инвалидов обусловлено осознанием ими своей уязвимости. Поэтому для того, чтобы понять, что именно способствует виктимизации инвалидов, нужно обратить внимание на факторы, способствующие повышению уязвимости инвалидов, укоренению в их сознании мнения о себе, как о представителе уязвимой группы населения.

Первую группу факторов можно обозначить как *объективные*. В данном случае мы имеем в виду внешние обстоятельства, независящие от инвалида, способствующие закреплению его виктимности. К таковым отнесём следующие:

– негативное отношение общества или отдельных личностей к инвалидам, предубеждения и предрассудки, «стигматизация» (от греч. «stigma» – клеймо) инвалидов. Социум отторгает инвалидов как ненужных и бесполезных. Исследователи отмечают: «инвалидность становится причиной и оправданием разнообразных форм деприваций, с которыми сталкивается стигматизированный подобным образом человек» [8];

– дискриминация, отчуждение инвалидов. Общество может отгораживаться от инвалидов, в то время как наиболее гуманный путь

– их полноценное включение в общественную жизнь, создание таких условий, в которых инвалид не будет себя чувствовать оторванным от социума, где ему станут доступны все возможности, которыми пользуются здоровые люди;

– низкий уровень доходов, благосостояния;
– физическая беспомощность. Отсутствие лиц, готовых на постоянной основе осуществлять уход за инвалидом, оказывать ему помощь.

Когда человек сталкивается с проблемой инвалидности, он испытывает экзистенциальный кризис. Болезнь становится для него пограничной ситуацией, приводящей к ломке привычного мироощущения, понятных жизненных констант.

Вторая группа факторов – *субъективные* (личностные, психологические особенности). К ним можно отнести следующие:

– низкая самооценка;
– отсутствие стремления к поиску работы или повышению уровня образования;
– неуверенность в себе, своих силах, возможностях;

– отчаяние в связи с беспомощностью. Даже несмотря на поддержку родных, инвалид может испытывать депрессивные состояния, ощущать себя обузой для окружающих;

– повышенная тревожность, эмоциональная неустойчивость;

– пессимистические настроения, нежелание выстраивать жизнь в связи с изменившимися обстоятельствами. Утрата или снижение волевой активности (абулия).

Из всех психологических факторов, вызывающих виктимность, специалисты выделяют доминирующие: «пессимистичность, эмоциональная лабильность, импульсивность, тревожность, индивидуалистичность» [6, с. 398].

Деление факторов, способствующих виктимизации, на объективные и субъективные прослеживается в исследованиях Д.В. Ривмана [11, с. 40–42] и А.И. Папкина [10, с. 28]. Однако эта классификация не была ими должным образом рассмотрена. В целом проблема *факторов виктимизации* является малоизученной. Таким образом, «одной из насущных задач криминологии является разработка единого представления о виктимологических факторах криминального поведения» [5, с. 50].

Повторимся, виктимность инвалида формируется в результате действия *комплекса*

факторов. В жизни факторы, приведшие к тому, что инвалид становится жертвой преступления, тесно переплетены. Показательно уголовное дело № 1-316/2016, рассмотренное Кировским районным судом г. Санкт-Петербурга в 2016 году. Так, подсудимый N использовал рабский труд инвалидов (лиц с физическими увечьями) с целью незаконного обогащения. N систематически получал преступную прибыль от пострадавших, заставляя их в метрополитене Санкт-Петербурга заниматься попрошайничеством. При этом инвалиды подвергались психологическому и физическому насилию, были лишены документов.

В данном случае очень сложно однозначно ответить на вопрос: «Какой фактор привёл к тому, что потерявшие инвалиды стали жертвами преступления?». Беспомощность, тяжелое финансовое положение, отчаяние и другие факторы наложились друг на друга и создали предпосылки для усиления виктимизации, и, в конечном счёте, совершения преступного посягательства.

Классификация факторов виктимизации имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Понимая структурное своеобразие предрасположенности к роли жертвы, можно более успешно осуществлять девиктимизацию личности, проводить профилактику виктимизации уязвимых социальных групп [2, с. 32].

В качестве итога отметим то, что люди с ограниченными возможностями представляют собой особую виктимную группу. Их положение, как потенциальных жертв преступления, обусловлено комплексом факторов, из которых подчас сложно выделить какие-либо решающие, наиболее существенные. Этот комплекс факторов, как мы показали, может быть рассмотрен в качестве *системы субъективных и объективных факторов.*

Девиктимизация инвалидов предполагает планомерные и последовательные усилия государства, гражданского общества, социальных институтов в направлении нейтрализации факторов виктимности как личности-инвалида, так и инвалидов в целом, как социальной общности.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневецкий К.В. Виктимизация: факторы, условия, уровни // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 226–227.
2. Вишневецкий К.В., Кубякин Е.О. Криминологическая модель виктимности социальных групп как элемент системы профилактики преступности // Виктимология. 2014. № 1 (1). С. 32–37.
3. Горшенков Г.Н. Виктимологический аспект новой криминологии // Виктимология. 2015. № 1 (3). С. 6–10.
4. Кабанов П.А. Современная криминологическая виктимология: тенденции и некоторые перспективные направления развития // Виктимология. 2017. № 3 (13). С. 5–15.
5. Кабанов П.А., Магизов Р.Р. Криминологическая виктимология. Учебное пособие. Казань. 2018. 118 с.
6. Клачкова О.А. Психологические особенности виктимной личности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 58. С. 396–399.
7. Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 01.08.2019).
8. Котов С.В., Степанов О.В. Социокультурные предпосылки и следствия стигматизации людей с ОВЗ: понятие «инвалид» как стигма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 55–58.
9. Майоров А.В., Назаров В.И. Виктимология: вчера, сегодня, завтра // Виктимология. 2014. № 1 (1). С. 6–12.
10. Папкин А.И. Современная криминальная виктимология. Домодедово. 2006. 157 с.
11. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб. 2002.
12. Сергиенко Л. Социально-экономическое положение инвалидов в России // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2013. № 2. С. 113–119.
13. Франк Л.В. Виктимология и виктимность. Душанбе. 1972.

REFERENCES

1. Vishnevetskiy K.V. Viktimizatsiya: faktory, usloviya, urovni. [Victimization: factors, conditions, levels]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 2014, no. 4, pp. 226–227.

2. *Vishnevetskiy K.V., Kubyakin E.O.* Kriminologicheskaya model viktimnosti sotsialnykh grupp kak element sistemy profilaktiki prestupnosti. [The criminological model of victimization of social groups as an element of the crime prevention system]. *Viktimologiya – Victimology*. 2014, no. 1 (1), pp. 32–37.
3. *Gorshenkov G.N.* Viktimologicheskii aspekt novoy kriminologii. [The victimological aspect of the new criminology]. *Viktimologiya – Victimology*. 2015, no. 1 (3), pp. 6–10.
4. *Kabanov P.A.* Sovremennaya kriminologicheskaya viktimologiya: tendentsii i nekotorye perspektivnye napravleniya razvitiya. [Modern criminological victimology: trends and some promising areas of development]. *Viktimologiya – Victimology*. 2017, no. 3 (13), pp. 5–15.
5. *Kabanov P.A., Magizov R.R.* Kriminologicheskaya viktimologiya. Uchebnoe posobie. [Criminological victimology. Tutorial]. Kazan. 2018. 118 p.
6. *Klachkova O.A.* Psikhologicheskie osobennosti viktimnoy lichnosti. [Psychological features of victim identity]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – News of Herzen State Pedagogical University of Russia*. 2008, no. 58, pp. 396–399.
7. Konventsia o pravakh invalidov. Prinyata rezolyutsiei 61/106 Generalnoy Assamblei OON ot 13 dekabrya 2006 goda. [Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Adopted by UN General Assembly resolution 61/106 of December 13, 2006]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (date of submission: 01.08.2019).
8. *Kotov S.V., Stepanov O.V.* Sotsiokulturnye predposylki i sledstviya stigmatizatsii lyudey s OVZ: ponyatie «invalid» kak stigma. [Sociocultural premises and consequences of the stigmatization of people with disabilities: the concept of “disabled person” as stigma]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanitarian, Socio-economic and Social Sciences*. 2017, no. 12, pp. 55–58.
9. *Mayorov A.V., Nazarov V.I.* Viktimologiya: vchera, segodnya, zavtra. [Victimology: yesterday, today, tomorrow]. *Viktimologiya – Victimology*. 2014, no. 1 (1), pp. 6–12.
10. *Papkin A.I.* Sovremennaya kriminalnaya viktimologiya. [Modern criminal victimology]. Domodedovo. 2006, 157 p.
11. *Rivman D.V.* Kriminalnaya viktimologiya. [Criminal victimology]. St.P. 2002.
12. *Sergienko L.* Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie invalidov v Rossii. [Socio-economic situation of persons with disabilities in Russia]. *RISK: Resursy, informatsiya, snabzhenie, konkurentsia – RISK: Resources, Information, Supply, and Competition*. 2013, no. 2, pp. 113–119.
13. *Frank L.V.* Viktimologiya i viktimnost. [Victimology and victimization]. Dushanbe. 1972.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ренат Романович Тотоев – старший преподаватель кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: renattotoev@mail.ru

Светлана Владимировна Смелова – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: smelowa.s@yandex.ru

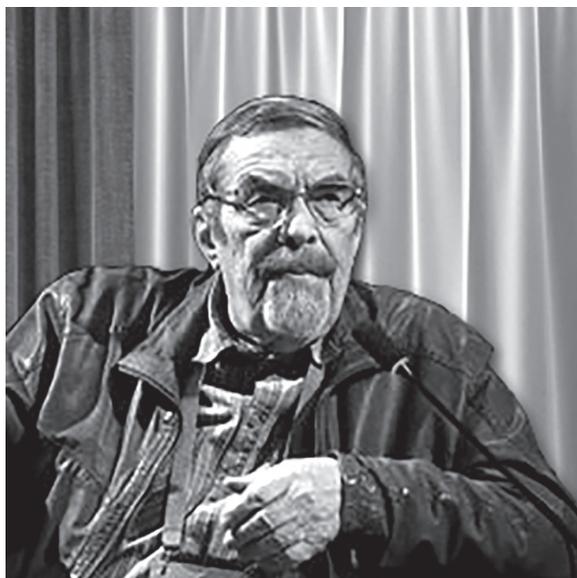
INFORMATION ABOUT AUTHOR

Renat Romanovich Totoev – senior lecturer of the department of preliminary investigation of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: renattotoev@mail.ru

Svetlana Vladimirovna Smelova – PhD in Laws, lecturer of the department of preliminary investigation of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: smelowa.s@yandex.ru

3. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

ЯКОВУ ИЛЬИЧУ ГИЛИНСКОМУ – 85 ЛЕТ!

16 июня 2019 года криминологи отпраздновали 85-летний юбилей неординарного учёного, доктора юридических наук, профессора Якова Ильича Гилинского.

Яков Ильич snискал широкую известность не только в России, но и далеко за её пределами, прежде всего, как криминолог и – шире – как девиантолог. Автор большого числа публикаций, среди которых особое место занимают монографии «Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»» и «Социальное насилие», блестяще написанный учебник «Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль», а также книга «Я в мире, мир во мне. Неоконченные мемуары». Многие его труды опубликованы на иностранных языках.

В разнообразном, значимом вкладе профессора в преступноведение важную роль играет развиваемое им понимание преступности в качестве «социального конструкта», а также последовательное обоснование необходимого очеловечивания противодействия преступности. Сочинения Гилинского не только содержательны, но и прекрасно изложены.

В жизни Санкт-Петербургского международного криминологического клуба Яко-

ву Ильичу по праву принадлежит почётное место: он принял деятельное участие в его становлении, а также издаваемого Клубом первого в истории России специального криминологического журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра». Продвижение и того, и другого, как известно, было связано с трудностями и значительным сопротивлением, преодолению которых Гилинский совместно с другими учредителями отдал немало сил.

Яркие, подлинно профессиональные выступления профессора важны не только для участников бесед, проходящих в Клубе, но и для науки преступноведения в целом.

Вокруг профессора Гилинского сложилась девиантологическая научная школа, диалог которой со школой преступных подсистем (невско-волжской преступноведческой школой) успешно протекает, в том числе на площадке Клуба.

С днём рождения, дорогой Яков Ильич! Здоровья и дальнейшего творческого и прочего процветания.

От имени Совета Клуба,

Д. Шестаков.

ЮБИЛЕЙ БЕРМЕТЫ ГАЛИЕВНЫ ТУГЕЛЬБАЕВОЙ!

Бермета Галиевна Тугельбаева – кандидат технических наук, доктор юридических наук, декан юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета, руководитель Бишкекского филиала Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.

новыми знаниями, в первую очередь, в области юриспруденции. И здесь огромную роль сыграли Лейла Чынтургановна Сыдыкова, которая заставила её получить второе высшее образование – юридическое. Она же стала её научным руководителем по докторской диссертации

на тему: «Проблемы преступного насилия в отношении женщин: предупреждение и борьба с последствиями», оппонентом по которой был Дмитрий Анатольевич Шестаков. Благодаря ему Б.Г. Тугельбаева, по её признанию, влюбилась в криминологию.

Бермета Галиевна привлекалась к работе Конституционного совещания, разработке Концепции судебно-правой реформы в Кыргызской Республике (далее по тексту также – КР), являлась членом Консультативного совета при Верховном суде КР, общественного Совета по внешней политике при Министерстве иностранных дел КР, Совета по государственной службе Государственной кадровой службы КР, Комиссии по гражданству при Президенте КР, Национального совета по гендерной политике при Президенте КР, экспертом комитета по обороне, безопасности, правопорядку и судебно-правовой реформе Парламента КР, а также работала в составе рабочих групп по реформе правоохранительных органов и судебной системы.

В советский период Бермета Галиевна долгое время занималась научно-исследовательской работой в области физических процессов: сначала в университете, затем в Политехническом институте, что позволило подготовить и защитить в 1989 году диссертацию в Институте ядерной физики АН Казахской ССР.

Бермета Галиевна – автор более чем 100 научных трудов, из которых около 30 монографий, в области физических процессов, кристаллографии, гендерной политики, государственного управления, криминологии и криминалистических экспертиз.

Перелом во взглядах юбиляра на общественную работу наступил в 1994 году, когда она с группой женщин-научных работников создала свою неправительственную организацию – международную ассоциацию «Диамонд». Направлениями её деятельности стали исследования по проблемам прав женщин, их здоровья, достойного места в политике, обществе и семье, достижения гендерного равенства в обществе и государстве.

Дорогая Бермета Галиевна, примите наши сердечные поздравления с юбилеем! Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия и творческого настроения!

Руководящее положение в ассоциации требовало от Берметы Галиевны овладения

Совет Клуба.

ГЕОРГИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАЗУЛИНУ – 65 ЛЕТ!

Георгий Васильевич Зазулин – к.ю.н., доцент, ст. научный сотрудник ООО «Многопрофильное предприятие «ЭЛСИС»», член Санкт-Петербургского международно-криминологического клуба.

Наш юбиляр родился 26 мая 1954 года. В 1977 году окончил химический факультет Ростовского государственного университета, а в 1993 году – Санкт-Петербургскую Высшую школу МВД РФ. С 1981 по 1999 год проходил службу в органах внутренних дел Российской Федерации, закончив её в должности начальника Управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков ГУВД Санкт-Петербурга и ЛО. Работая в органах МВД, участвовал и руководил рядом операций по пресечению незаконного оборота наркотиков. Наиболее «громкие» из них – ликвидация метадоновой и триметилфентаниловой подпольной лаборатории в Санкт-Петербурге (1990 г.), перехват международного транзита тонны кокаина в Санкт-Петербурге (1993 г.).

С 1999 по 2009 год продолжал дело противодействия наркотикам на идеологическом фронте: в международной некоммерческой общественной организации «Европейские города против наркотиков».

Георгий Васильевич внёс существенный вклад в популяризацию и распространение в России передового антинаркотического опыта. Он является одним из основателей нового научного направления – наркоконфликтологии, базирующейся на философском осмыслении теории и практики противодействия наркоугрозе в реальностях сегодняшней геополитической ситуации.

В 2000 году в Санкт-Петербургском университете МВД России им защищена кандидатская диссертация на тему «Противодействие незаконному обороту синтезированных наркотиков» (научный руководитель – д.ю.н, профессор Д.В. Ривман). Долгое

время он работал на кафедре конфликтологии Института философии СПбГУ. При его непосредственном участии на ней в 2003 была разработана и внедрена в образовательный процесс отечественная иннова-

ционная магистерская программа подготовки менеджеров по наркоконтролю («наркоконфликтология»).

Георгий Васильевич является автором более 60 научных публикаций, в том числе пяти учебников и монографий. Среди наиболее значимых его работ: «Криминология» (1998, в соавторстве), «Наркоэпидемия. Политика. Менеджмент» (2003), «Практика антинаркотической деятельности городов и направления её совершенствования» (2005, в соавторстве), «Антинаркотическая политика: шведские ответы на российские вопросы» (2008, в соавторстве), «Антинаркотическая политика в России: проблемы становления (2000–2013 годы)» (2013).

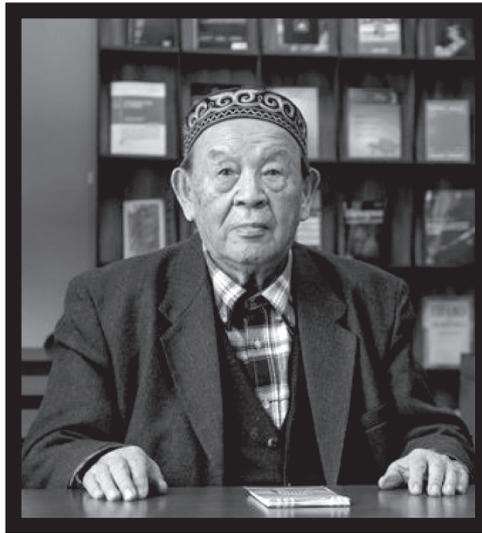
Г.В. Зазулин имеет награды МВД СССР. За большой личный вклад в общенациональное дело спасения молодёжи России от наркомании награждён почётным серебряным орденом «Общественное признание».

В октябре 2016 года Георгий Васильевич выступил в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе с основным докладом «Государственная политика на основе Стратегии национальной безопасности РФ и преступноведение», получившим широкий отклик у коллег.

Дорогой Георгий Васильевич, примите наши искренние поздравления с юбилеем! Желаем Вам крепкого здоровья, бодрости духа, сил на продолжение вашей крайне важной антинаркотической научной деятельности!

Совет Клуба.

ПАМЯТИ УЗЫКЕ СИКУНБАЕВИЧА ДЖЕКЕБАЕВА

22 апреля 2019 года на 93-м году жизни от нас навсегда ушёл д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Университета КазГЮУ (Астана, Республика Казахстан) Узыке Сикунбаевич Джекебаев.

Узыке Сикунбаевич родился 28 февраля 1927 года в г. Семипалатинске. Родители – отец Сикунбай и мать Мария (Кулипа) – занимались разведением скота. Их аул находился у подножья Чингисских гор. Размеренная жизнь степняков-казахов была нарушена сплошной коллективизацией сельского хозяйства, насильственным насаждением оседлого образа жизни кочевникам и полукочевникам. Конфискация скота у населения, неурожай в отдельных районах обусловили в 1931 году голод, от которого в Казахстане погибли более двух миллионов человек.

Семья Джекебаевых оказалась в Алтайском крае. Тяжёлая работа в совхозе, коренное изменение образа жизни привели к преждевременной кончине родителей Узыке Сикунбаевича. В семь лет он остался круглым сиротой. Сначала жил у родственников, затем в детдоме. В 1939 году Узыке оказался в Казахстане, в семье своего дяди Дутбая Джекебаева.

Любовь к книге, особенно к художественной литературе, была привита Узыке Джекебаеву его первым учителем И.Д. Годовиковым. Профессор У.С. Джекебаев с любовью и благодарностью вспоминал своего русского

учителя, который полуголодному ученику-сироте, но отличнику учёбы, приносил из дома бутерброды и пирожки. Когда Узыке научился писать и читать, учитель вместе с едой стал приносить небольшие книжки.

Начав с осени 1942 г. трудовую деятельность разнорабочим на Семипалатинском мясокомбинате, У.С. Джекебаев продолжил её секретарём судебного заседания народного суда в г. Семипалатинске. Заседания часто проходили в клубах или красных уголках завода. В работе народного суда наряду с прокурорами участвовали и известные адвокаты, многие из которых были эвакуированы из европейской части России. С юристами сложились дружеские отношения, отсюда и появилась тяга к юриспруденции.

В 1948 году он окончил двухгодичную юридическую школу МЮ КазССР в г. Алма-Ате, а затем работал следователем, одновременно заочно учился в Государственном юридическом институте, а в 1952 году перевёлся с заочной формы обучения на 4-й курс очного отделения АГЮИ, которую успешно завершил в 1953 году.

Государственная экзаменационная комиссия во главе с профессором А.В. Мухиным (г. Ленинград) рекомендовала У.С. Джекебаева в аспирантуру. Аспирантскую подготовку он проходил с декабря 1953 по 1 августа 1958 г. в Институте государства и права Академии наук СССР (г. Москва). В 1958 г. защитил

диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук на тему «Компетенция и роль Генеральной ассамблеи и Совета безопасности ООН в мирном разрешении споров» (научный руководитель д.ю.н., профессор В.М. Шуршалов).

С 1958 года Узыке Сикунбаевич был младшим, затем старшим научным сотрудником Института философии и права АН КазССР. С 1966 по 1994 год заведовал отделом уголовно-правовых наук этого же института.

В 1971 году вышла в свет его книга «О социально-психологических аспектах преступного поведения», вызвавшая большой научный интерес. На эту работу откликнулись французское юридическое издание *Revue de science criminelle et de droit penal compare* (Paris, 1972, № 4, p. 990–991), журнал «Советское государство и право» (1972 г., № 11, с. 140–142), затем немецкий журнал «*Staat und Recht*» (Berlin, 1974, Lit 3, S. 513–518).

В феврале 1974 г. он был приглашён для чтения лекции по девиантному поведению в университете Алберта в Канаде, а также для участия в Международном конгрессе по криминологии. Но поездка не состоялась, поскольку в то время проблема преступности в стране была закрытой темой, да и общение с иностранными коллегами не поощрялось. Тем не менее, его криминологическое творчество было освещено в Канаде профессором Петером Соломоном.¹

В 1975 году защитил докторскую диссертацию «Криминологическое изучение личности преступника и преступного поведения» (ВНИИ Прокуратуры СССР, г. Москва). Научным консультантом был д.ю.н., профессор В.Н. Кудрявцев. С 1994 по 2005 год работал заведующим кафедрой уголовного права и криминологии Казахского гуманитарно-юридического университета (г. Алматы).

Под руководством Узыке Сикунбаевича защитили кандидатские диссертации более 30 аспирантов и соискателей, в том числе К.Ж. Балтабаев, Н.О. Дулатбеков, М.С. Нарикбаев, Р.Т. Нуртаев.

Узыке Сикунбаевич занимался проблемой психологической категории бессознательного, он принадлежит к числу учёных, которые положили начало углублённой разработке социально-психологических проблем криминологии и уголовного права. В книге «Мотивация преступления и уголовная ответственность» (в соавторстве, 1983 год) им был подготовлен специальный раздел «Неосознаваемые мотивы преступного поведения и их значение в криминологии». Опираясь на австрийскую школу психоанализа, У.С. Джекебаев использовал в преступноведении представление о психологической защите (сублимации). Он применил эту категорию при объяснении хулиганской мотивации.

Профессор Джекебаев внёс существенный вклад в использование советским преступноведением системного подхода к осмыслению преступности (Преступность как криминологическая проблема. Алма-Ата, 1974). Он привлёк внимание юридической общественности к вопросу о возможной уголовной ответственности юридических лиц и предложил собственное решение вопроса о пределах установления такой ответственности в рамках уголовного закона (Уголовная ответственность юридических лиц // Известия АН РК. 1994. № 4).

С февраля 2005 года Узыке Сикунбаевич являлся профессором кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Университета КазГЮУ (Астана, Республика Казахстан).

Представители Санкт-Петербургского международного криминологического клуба и школы изучения преступности общественных подсистем высоко ценили профессора Джекебаева как преступноведа и как человека. Президента Клуба Д.А. Шестакова связывала с Узыке Сикунбаевичем многолетняя дружба.

Вечная Вам память, дорогой Узыке Сикунбаевич.

Совет Клуба.

¹ *Peter H. Solomon, Jr. Soviet criminologists and criminal policy. N.Y. Columbia University Press, 1978.*

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КОМАРНИЦКОГО

13 июня 2019 года на 70-м году жизни от нас навсегда ушёл к.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба Анатолий Васильевич Комарницкий.

В 1973 г. Анатолий Васильевич окончил исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена по специальности «учитель истории и обществоведения» и по распределению был направлен на работу в УВД Леноблгорисполкомов.

В 1981 г. он окончил Академию МВД СССР. Имел 26-летний стаж работы в органах внутренних дел и звание полковника милиции. Анатолий Васильевич в 1990-е годы руководил отделом по делам несовершеннолетних милиции общественной безопасности ГУВД г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. С 2001 по 2007 год работал в качестве главного советника контрольного департамента полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе, являлся государственным советником Российской Федерации II класса.

С 2003 по 2006 год А.В. Комарницкий обучался в аспирантуре Санкт-Петербургского университета МВД России, в котором в 2006 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Преступность несовершеннолетних и её предупреждение (по материалам Северо-Западного федерального округа)». С 2007 года работал на кафедре уголовного права юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена.

Анатолием Васильевичем опубликовано более 50 научных и учебно-методических трудов по криминологии и ювенальной юстиции, в том числе, две монографии и два учебника. В круг его научных интересов входили: личность несовершеннолетнего преступника, детерминация преступного поведения несовершеннолетних, вопросы профилактики правонарушающего поведения несовершеннолетних, теоретические вопросы причинного комплекса преступлений несовершеннолетних, ювенальная юстиция.

Среди работ А.В. Комарницкого особо можно выделить: «Историко-правовой аспект законодательства об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних» (2005); «Защита прав и законных интересов несовершеннолетних в сфере трудовой деятельности» (Учебное пособие, 2009); «Основы ювенальной юстиции» (Учебник, 2010); «Основы ювенального права» (Учебник, 2011); «Уголовный закон и несовершеннолетние» (Монография, 2012).

А.В. Комарницкий обладал бесценным опытом работы по организации предупреждения правонарушений несовершеннолетних в масштабах Санкт-Петербурга. Он был добрым товарищем. Будучи членом Совета Санкт-Петербургского международного криминологического клуба вносил ощутимый вклад в деятельность Клуба и журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

Вечная Вам память, дорогой Анатолий Васильевич.

*От имени Совета Клуба
Д. Шестаков.*

К НАШИМ АВТОРАМ

Журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра» – первый в истории России криминологический журнал. Редакция уделяет особое внимание содержательной стороне представляемых для опубликования материалов.

Наш журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук. В начале 2015 года подана заявка на включение журнала в крупнейшую в мире единую реферативную базу данных Scopus.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ РЕДАКЦИЕЙ К СТАТЬЯМ:

1. Представляемая статья не должна быть опубликована или направлена в другие издания.

2. Статья должна быть криминологической, обладать научной новизной и теоретической значимостью, раскрывать значимые вопросы криминологии.

3. Объём статей студентов, аспирантов, соискателей учёной степени кандидата наук – 3–4 страницы формата А4 (до 10 000 знаков с пробелами), кандидатов наук – до 10 страниц (до 20 000 знаков с пробелами), докторов наук – до 20 страниц (до 40 000 знаков с пробелами).

4. Статья оформляется в соответствии с межгосударственным стандартом ГОСТ 7.1-2003. Набор статьи: верхнее и нижнее поле – по 20 мм, левое – 30 мм, правое – 10 мм. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта основного текста – 14, сносок – 12; межстрочное расстояние – полуторное; абзацный отступ – 1,25. Формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы нумеруются сверху (Таблица 1 – Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 – Название). Ссылки на источники и литературу выполняются постранично внизу страницы. Не допускается использование вместо буквы «ё» буквы «е». Нумерация страниц – внизу, посередине, на каждой странице.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией, ключевыми словами (объём до 700 знаков с пробелами), пристатейным списком литературы, сведениями об авторе на русском и английском языках. Аннотация не должна содержать в себе вводных уведомлений: «в статье рассматривается, идёт речь...» и т.п.

6. Статья оформляется в соответствии с прилагаемым редакционной коллегией образцом оформления материала статьи.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ:

1. Для опубликования статьи автор должен отправить заявление (в сканированном виде или оригинале) на имя главного редактора журнала о публикации статьи (форма заявления размещена на сайте Клуба), а также сведения об авторе (в сканированном виде или оригинале) по установленной форме (форма размещена на сайте Клуба) на электронный адрес Клуба: criminology_club@mail.ru или по почтовому адресу Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, юридический факультет: 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 20, каб. 5–6.

2. Представляемая статья должна соответствовать требованиям, предъявляемым редакцией к публикуемым материалам.

3. Статья представляется в установленные редакцией сроки:

в № 1 (январь) – до 1 ноября предшествующего года;

в № 2 (апрель) – до 1 февраля текущего года;

в № 3 (июль) – до 1 мая текущего года;

в № 4 (октябрь) – до 1 августа текущего года.

4. Студенты, аспиранты, соискатели учёной степени кандидата наук для опубликования статьи должны представить рекомендацию (в сканированном виде или оригинале), подписанную лицом, имеющим учёную степень и заверенную печатью учреждения или организации. В рекомендации отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень представленного материала и делаются выводы о возможности опубликования статьи в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ:

1. В течение 3 (трёх) дней с момента получения статьи автору по указанному им адресу электронной почты направляется соответствующее уведомление.

2. Все статьи, поступившие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.

3. Главный редактор определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему близкую к теме статьи научную специализацию.

4. Статьи проходят двустороннее анонимное («слепое») рецензирование.

5. В рецензии освещаются следующие вопросы:

– соответствие содержания статьи заявленной в названии теме;

– соответствие современным достижениям науки;

– что нового предлагается автором, научная новизна;

– доступность читателям с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

– знание автором статьи научной литературы по обсуждаемому кругу проблем, в том числе международный опыт.

6. Рецензия должна содержать конкретные выводы:

– целесообразность публикации с учётом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

– в чём конкретно заключаются недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

– заключение о возможности опубликования: «рекомендуется», «рекомендуется с учётом исправления отмеченных недостатков» или «не рекомендуется».

7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

8. Решение о публикации по итогам рецензирования принимается в течение 3 (трёх) месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

9. Рецензии на поступившие материалы отправляются авторам по электронной почте.

10. В случае отклонения статьи от публикации редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ.

11. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

12. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционной коллегией.

13. После принятия редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации редколлегия информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

14. Оригиналы рецензий хранятся в редакционной коллегии и редакции журнала в течение 5 лет.

ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЬИ:

1. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имён собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

2. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение её в сети Интернет на официальных сайтах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (<http://www.criminologyclub.ru/>), других справочно-правовых системах, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

3. Решение об опубликовании или удалении статьи принимает редакционная коллегия.

4. Статья, представленная редколлегии журнала, не будет принята к рассмотрению, если автором не соблюдены требования, предъявляемые редакцией, или правила представления статей.

5. Редколлегия журнала примет любые пожелания по совершенствованию её деятельности. Возникающие вопросы разрешаются путём электронной переписки.

6. Редакционная коллегия правомочна осуществлять научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости сокращать их по согласованию с автором.

7. Представленные статьи публикуются бесплатно.

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА СТАТЬИ

Образец заглавия статьи, аннотации и ключевых слов:

В.В. Лунеев

О КРИМИНОЛОГО-АНАЛИТИЧЕСКОМ И СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К ЗАКОНОТВОРЧЕСТВУ

Аннотация: Исследователем реальных тенденций и закономерностей преступности, системным и независимым разработчиком новых законопроектов по противодействию преступности должен стать специальный информационно обеспеченный центр, действующий на основе принципов самостоятельности, непрерывности и системности.

Ключевые слова: закономерности преступности; статистика; законотворчество; прогнозирование.

V.V. Luneev

ON CRIMINOLOGICAL, ANALYTIC AND SYSTEMIC AP- PROACHES TO LAWMAKING

Summary: A special information-provided centre relying upon the principles of independence, continuity, consistency must be the researcher of the actual tendencies and crime patterns, system and independent drafter of new crime preventions bills.

Key words: crime pattern; statistics; lawmaking; forecast.

Пристатейный список литературы и сведения об авторе в конце публикации:

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004.
2. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кондратьев Л.В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции. Научный доклад. М., 2001.
3. РАН, реформа, воровство, коррупция // Московский комсомолец. – 2013. – 1 июля.
4. Тезисы выступления П.В. Крашенинникова на Парламентских слушаниях «Актуальные вопросы уголовного законодательства». URL: <http://old.alrf.ru/publication/2009/12article998/> (дата обращения: 01.02.2014).

REFERENCES

1. Beccaria C. On prestupleniyakh i nakazaniyakh. [On crimes and punishments]. Moscow, 2004.
2. Goryainov K.K., Ovchinskiy V.S., Kondratyev L.V. Uluchshenie vzaimootnosheniy grazhdan i

militsii. [Improvement of relations between citizens and militia. Scientific report]. Moscow, 2001.

3. Rossiyskaya akademiya nauk, reforma, vorovstvo, korruptsiya. [Russian Academy of Sciences, reform, theft, corruption]. *Moskovskiy Komsomolets – Moscow Komsomolets*, 2013, July 01.

4. Tezisy vystupleniya P.V. Krashenninnikova na Parlamentskikh slushaniyakh «Aktualnye voprosy ugolovnoego zakonodatelstva». [Speaking notes of the lecture by P.V. Krashenninnikov at the Parliament hearings «Relevant issues of the criminal law»]. Available at: <http://old.alrf.ru/publication/2009/12article998/> (date of submission: 01.02.2014.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Васильевич Лунеев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии РФ, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия); e-mail: luneevvv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Viktor Vasilievich Luneev – honoured scientist of the Russian Federation, doctor of Laws, professor, laureate of the State Prize of the Russian Federation, chief research scientist of the department of criminal law and criminology at Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: luneevvv@yandex.ru

Примеры оформления материалов пристатейного списка литературы

Статья из журнала:

Харламов В.С. Старшее поколение и внутрисемейное насилие в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27). С. 60–63.

Монография:

Дикаев С.У. Террор, терроризм, преступления террористического характера. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 464 с.

Автореферат:

Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 60 с.

Диссертация:

Шестаков Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений: дис. ...докт. юрид. наук. Л., 1986. 46 с.

Интернет-документы:

Талькова Т. Убийство // Сайт памяти Игоря Талькова. URL: <http://www.talkov.su/murder.php> (дата обращения: 25.11.2012).

Данилов А.П. Родолюбие спасёт мир // Сайт «Crimpravo.ru». URL: <http://crimpravo.ru/blog/1800.html> (дата обращения: 25.11.2012).

Книга без ответственного редактора:

Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М., 2001. 200 с.

Книга с ответственным редактором:

Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 800 с.

Статья в газете:

Фалалеев М. «Стоп» маршрутке // Российская газета. – 2012. – 10 октября.

А.П. Данилов. КРИМИНОЛОГИЯ: РОССИЯ И МИР.

Санкт-Петербург, ЗАО «Полиграфическое предприятие № 3», 2018. 332 с.

ОТ АВТОРА:

«Давайте вернёмся к истокам. Вновь осознаем принадлежность к великому народу, его культуре, земле, станем почитать родителей, любить Родину. Понимая творящееся зло, не оставайтесь сторонними наблюдателями, противодействуйте ему, пусть даже у Вас для этого не так много возможностей».

КРИМИНОЛОГИЯ: РОССИЯ И МИР

А.П. ДАНИЛОВ

А.П. ДАНИЛОВ

КРИМИНОЛОГИЯ:
РОССИЯ И МИР

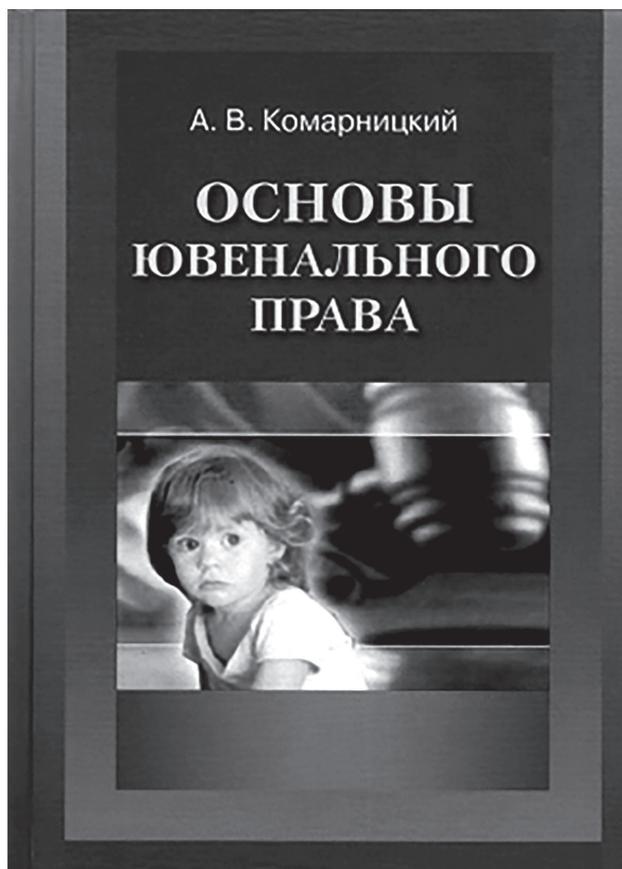
В книге собраны основные научные труды А.П. Данилова, сгруппированные по разделам, соответствующим различным отраслям криминологии: политической, экономической, криминологии закона, здравоохранения, искусства и пр.

Данная книга будет полезна криминологам, политологам, правоведам, а также всем неравнодушным к судьбе России читателям.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

А.В. Комарницкий. ОСНОВЫ ЮВЕНАЛЬНОГО ПРАВА.

СПБ.: ИВЭСЭП, 2011. 524 С.

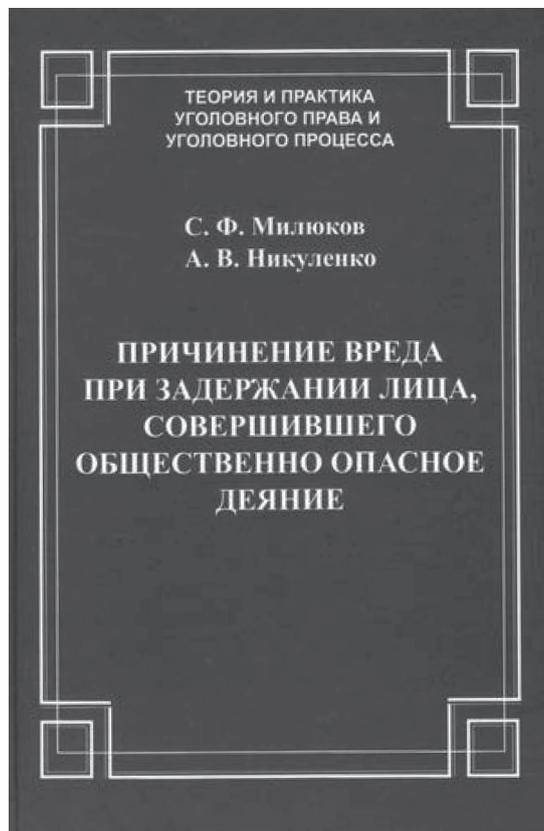

В предлагаемом учебнике анализируются концепция и система формирования в современных условиях ювенального права. Подробно рассматриваются вопросы охраны и защиты прав несовершеннолетних, предусмотренные различными отраслями российского законодательства (конституционного, гражданского, семейного, трудового, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного).

Учебник включает учебно-методический комплекс по дисциплине «Основы ювенального права», содержащий программу курса, планы семинарских занятий, методические рекомендации для студентов по самостоятельной работе, список рекомендуемой литературы, вопросы для самоконтроля, аттестации и глоссарий. Адресован студентам, аспирантам юридических вузов, преподавателям и специалистам, занимающимся вопросами охраны и защиты прав несовершеннолетних.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**С.Ф. Милюков, А.В. Никуленко. ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА
ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА,
СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ.
СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. 560 с.**

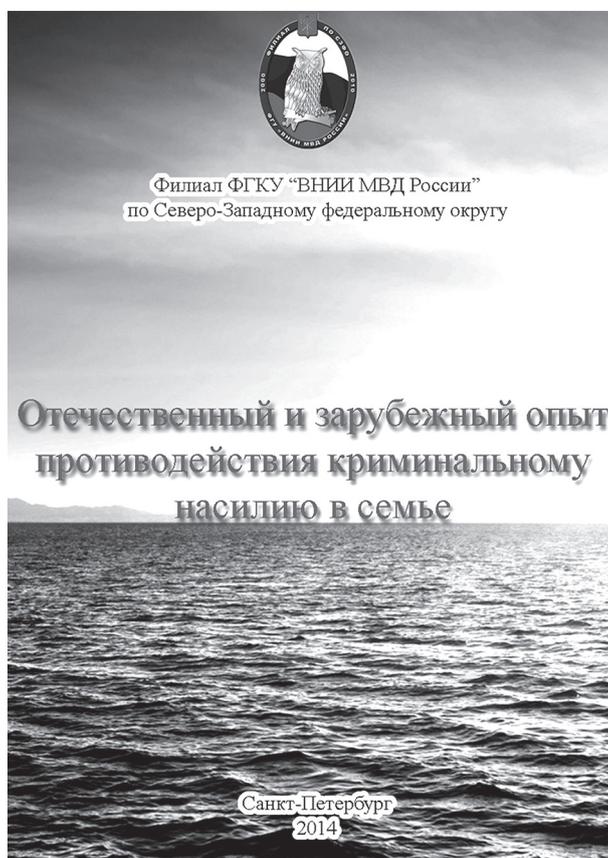
В работе детально исследуется институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, как самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния. На основе анализа действующего отечественного и зарубежного уголовного и иного законодательства раскрываются особенности данного уголовно-правового института в законодательной и правоприменительной практике. Подробно раскрываются основания и условия правомерности причинения вреда (в том числе путём применения оружия) при задержании лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние. Рассмотрены также иные обстоятельства, исключающие преступность деяния, как содержащиеся в действующем УК РФ, так и не получившие пока законодательного закрепления. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного и иного законодательства, регламентирующего затрагиваемые в книге вопросы.

Работа рассчитана на преподавателей и студентов высших и средних образовательных учреждений юридического профиля, практических работников правоохранительных, судебных и контролирующих государственных органов, юристов, а также широкий круг читателей, озабоченных состоянием правопорядка в России.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

В.С. ХАРЛАМОВ. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОМУ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ.

Монография. СПб., 2014. 398 с.

Монография вышла в свет в Международный год семьи (2014).

Рассмотрены историко-правовые аспекты криминального насилия в семье в России и зарубежных странах. Представлены сравнительный анализ состояния, структуры и динамики внутрисемейных насильственных преступлений в различных регионах России, демографическая характеристика жертв насильственных преступлений в семье и лиц, их совершивших.

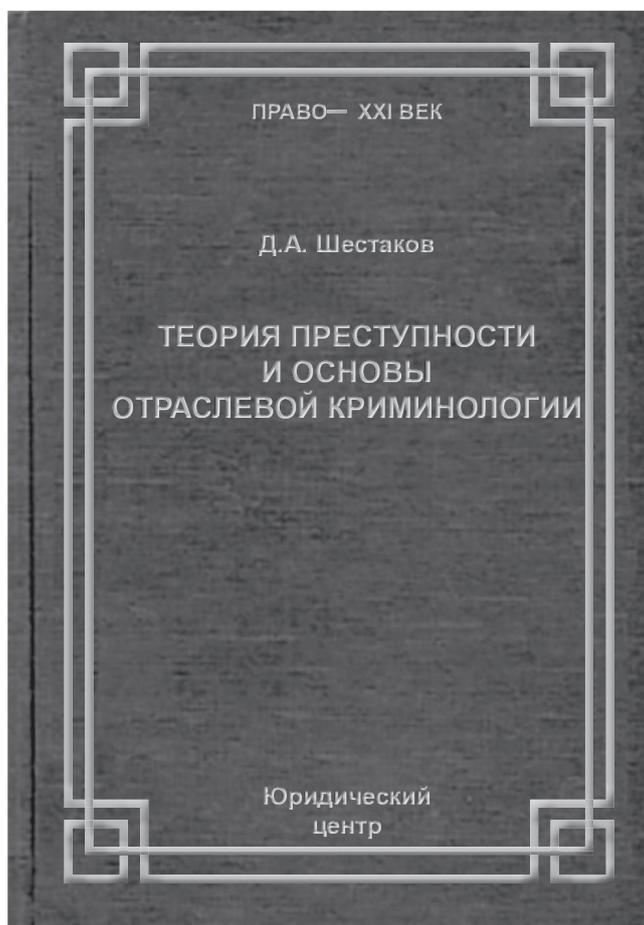
Существенное место в книге занимают концептуальные основы противодействия преступному семейному насилию. Отражена специфика международно-правовой защиты от криминального насилия в семье. Подробно рассмотрена роль органов правопорядка в противодействии данным преступлениям.

Издание адресовано работникам органов внутренних дел, учёным, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами противодействия насильственным преступлениям в семье.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**Д.А. Шестаков. ТЕОРИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
И ОСНОВЫ ОТРАСЛЕВОЙ КРИМИНОЛОГИИ.
ИЗБРАННОЕ.**

Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр», 2015. 432 с.

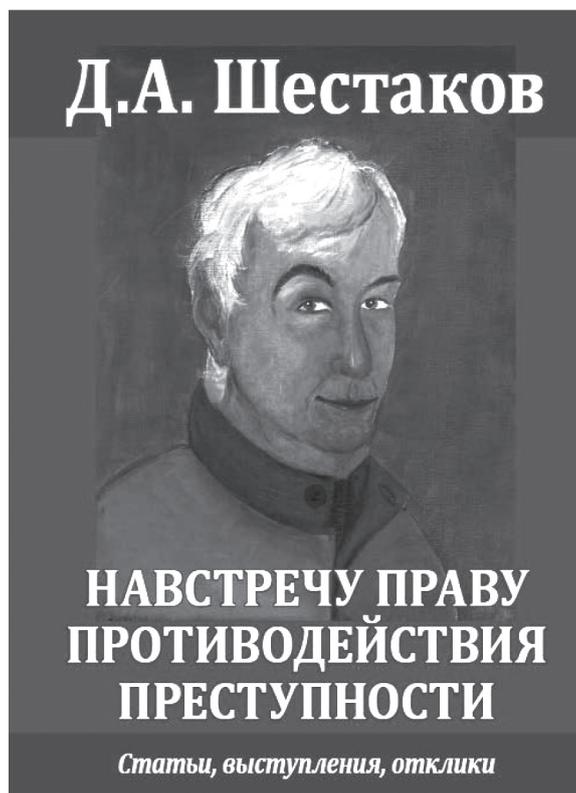
В настоящее собрание вошли фрагменты из ранее опубликованных Д.А. Шестаковым книг: «Криминология» и «Семейная криминология», а также его переработанные и дополненные: «Преступность политики», «Введение в криминологию закона» и «Суждения о преступности и вокруг неё».

Полезна для всех, интересующихся проблемами преступности. Особую ценность она представляет для студентов и преподавателей криминологии.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**Д.А. Шестаков. НАВСТРЕЧУ ПРАВУ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ.
СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ОТКЛИКИ.**

СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019. 206 с.

Книга представляет собой продолжение труда Д.А. Шестакова «От преступной любви до преступного законодательства». В ней отражён творческий путь автора к его идее единого права противодействия преступности.

Формулирование этой идеи предварено углублением в преступность сфер семьи, экономики, политики, массовой коммуникации, миграции, искусства, здравоохранения, науки и образования, религии и, что характерно для автора, основательными теоретическими построениями.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**КРИМИНОЛОГИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Журнал Санкт-Петербургского
международного
криминологического клуба

№ 3 (54), 2019

Формат 60x84/8. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,5.
Тираж 1050 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Трувор».
199106, Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., д. 83, офис 335
тел./факс: (812) 449-3917
e-mail: 4493917@inbox.ru